
ГЛАВА II

«СПОКОЙНАЯ БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ» ПРЕМЬЕРСТВО Б.В.ШТЮРМЕРА

Sine ira et studio — без гнева и пристрастия должен он вершить дела. Итак, политический чиновник не должен делать именно того, что всегда и необходимым образом должен делать политик — как вождь, так и его свита, — *бороться*.

Макс Вебер. «Политика как призвание и профессия»

1. «Ловкий дипломат». Б.В.Штюрмер на пути к премьерству (1892–1916 гг.)

Ключевым политическим событием начала 1916 г. стало последовавшее 20 января назначение председателем Совета министров Б.В.Штюрмера.¹ Причины этого события кроются столько же в ситуации периода мировой войны, сколько и в начале 90-х гг. XIX в., когда начала формироваться репутация Б.В.Штюрмера как мастера политического компромисса.

В то время службу на посту начальника экспедиции церемониальных дел Министерства императорского двора он успешно сочетал с общественной деятельностью, участвуя, в качестве землевладельца, в работе тверского земства, где в полную силу выказался либеральный характер его политических воззрений. Это земство, по сравнению с остальными, всегда было наиболее радикальным, имея в своих рядах поклонников парламентаризма. Но даже среди тверских радикалов Б.В.Штюрмер «слыл либералом».²

Насколько либеральность Б.В.Штюрмера как общественного деятеля была не наносной, а глубокой, видно из того, что в 1891 г., после неутверждения правительством Ф.И.Родичева, гласные выбрали в председатели земской управы именно Б.В.Штюрмера. Однако от занятия этого поста он отказался, сославшись на то, что занимает пост, который «не может покинуть».³ Неподдельность его либеральности выявилась еще более в следую-

шем году. Тогда снова последовало неутверждение в должности председателя управы слишком левого кандидата, и правительство назначило на нее Б.В.Штюмера. Несмотря на то, что его появление в новой роли было следствием борьбы власти с радикальной общественностью, в ее цитадели Б.В.Штюмер уже «в две недели сумел стать общим любимцем».⁴

Чрезвычайную популярность у земцев назначенного председателя обусловили, прежде всего, его неординарные личные качества. Для достижения подобного успеха «нужен был недюжинный ум и выдающаяся работоспособность».⁵

Более важной причиной популярности Б.В.Штюмера стало то, что председателем управы проявил себя как мастер политического компромисса. В своем деликатном положении он «маневрировал довольно удачно».⁶ Не порывая полностью с правыми гласными, составлявшими меньшинство, Б.В.Штюмер одновременно опирался на левое крыло земства. Более того, фактически он явился проводником пожеланий лидеров оппозиции, которым он «беспрекословно подчинился»,⁷ заключив соглашение с ними. Соглашение это состояло в том, что Б.В.Штюмер «будет продолжать вести дело в духе отставленной управы и вообще по указке упомянутых лидеров», а они, «в свою очередь, обеспечат его от усиленной травли на земских собраниях».⁸

Соглашение с оппозиционерами Б.В.Штюмер полностью выполнил. Будучи председателем управы, он «избегал каких бы то ни было крупных ломок и вел земскую работу в том же направлении, как и его предшественники»,⁹ т.е. те самые оппозиционные деятели, нежелательные последствия левизны которых Б.В.Штюмеру, по мысли правительства, как раз и надлежало ликвидировать.

Потрафляя левым не на словах, а на деле, председатель управы «из кожи лез, чтобы освободиться от назойливых требований» консервативного губернатора П.Д.Ахлестышева. Поэтому отношения между ними даже «испортились».¹⁰ Отношения Б.В.Штюмера с левыми земцами, а значит и его деятельность на посту председателя управы, от этого только выиграли.

В итоге, по общим отзывам современников, со стоявшей перед ним «трудной и крайне щекотливой задачей» Б.В.Штюмер «справился превосходно».¹¹ С этого времени за ним закрепилась, несомненно — заслуженная, слава политического миротворца, специалиста по достижению компромисса между правительством и обществом. Сохраняя на посту председателя управы «облик исполнительного агента правительственной власти», он, вместе с тем, приобрел «репутацию ловкого дипломата, умеющего осуществлять виды правительства без излишнего раздражения общественности».¹² Благодаря этому Б.В.Штюмер был известен высшим сферам и лично Николаю II в качестве сановника, «доказавшего в Твери способность ладить с либеральной оппозицией, не уступая ей».¹³

Более чем успешная деятельность Б.В.Штюмера на посту председателя управы выдвинула его в ряды кандидатов на получение самых высоких должностей. Поэтому уже в 1894 г. он был назначен новгородским, а в 1896 г. — ярославским губернатором. И в том, и в другом случае Б.В.Штюмер

заявил о себе как о бесспорно талантливом администраторе. Даже скупой на похвалу министр внутренних дел В.К.Плеве характеризовал Б.В.Штюмера как «лицо, приобретшее обширную административную опытность в должностях новгородского и ярославского губернаторов».¹⁴

Особенно заметным оказалось пребывание Б.В.Штюмера в Ярославле, где он, «свежий и энергичный человек, крепко державший губернию в руках»,¹⁵ «оставил по себе большую память и, во всяком случае, как о незаурядном губернаторе».¹⁶ Штюмеровское управление Ярославской губернией современники считали «образцовым, так как никто не сомневался, что в лице Б.В.Штюмера был хозяин губернии, каким рисует губернатора наш закон».¹⁷ Доказательством общественного признания его деятельности в Ярославле стало то, что при оставлении им поста губернатора местное дворянское собрание, склонное к либерализму, приобрело на имя Б.В.Штюмера земельный ценз. Он давал право на причисление к ярославскому дворянству. После этого собрание само, без ходатайства о том Б.В.Штюмера, приняло его в свои ряды.¹⁸ Новый успех Б.В.Штюмера объяснялся не только его административными способностями.

В Ярославле, как и на посту председателя управы, Б.В.Штюмер не отказался от своей либеральности. В роли губернатора он производил «приятное впечатление», поскольку хотел показать себя «культурным человеком» и «мягко либеральничал». Но именно тогда у Б.В.Штюмера проявилось «подчеркнутое тяготение к церквам, священникам, вообще к “православию”».¹⁹ Более того, после получения губернаторского поста Б.В.Штюмер «объявил себя консерваторм уже не за страх, а за совесть».²⁰ Однако консервативность Б.В.Штюмера-губернатора являлась более нарочито демонстративной, нежели действительно глубокой.

Заложник своей немецкой фамилии, Б.В.Штюмер пытался казаться другим консервативнее, чем он был на самом деле, поскольку консерватизм ассоциировался с русскостью. Из-за этого Б.В.Штюмер производил впечатление человека, который «хочет доказать, что он русский, и старательно это доказывает».²¹ На самом деле консервативность Б.В.Штюмера была только некоей служебной функцией, но никак не органическим элементом его личных воззрений.

В Новгороде и Ярославле, будучи консерваторм на словах, на практике, как и ранее в роли председателя управы, он поддерживал тесное сотрудничество с общественностью. «Надо отдать ему справедливость, — писал В.И.Гурко по поводу губернаторствования Б.В.Штюмера в Новгородской и Ярославской губерниях, — что в обеих этих губерниях он сумел наладить отношения с местным земством. Держа перед правительством определенно правое знамя, он одновременно избегал всякого столкновения с земскими деятелями».²² Хотя на посту губернатора Б.В.Штюмер и поправел, превратившись в консервативного либерала, он еще более укрепил за собой славу политического миротворца.

Исповедание консервативно-либерального символа веры сблизило Б.В.Штюмера с И.Я.Гурляндом, приват-доцентом находившегося в Ярославле Демидовского юридического лица. Деловое общение с этим

человеком способствовало успешной службе Б.В.Штюмерера. И.Я.Гурлянд составлял ему всеподданнейшие отчеты и памятные записки. Они создали у царя представление о Б.В.Штюмерере «как о выдающемся администраторе, умеющем сочетать в себе силу воли и твердости с проявлением интереса к вопросам государственной важности». ²³ Все это вело к дальнейшему упрочению положения Б.В.Штюмерера при дворе. Когда в качестве губернатора он представлялся Николаю, то царь говорил с ним «не как с человеком, которого знают недавно, а как с человеком, которого помнят». Из-за этого у Б.В.Штюмерера «укрепилось сознание», что царь обратил на него внимание «лично» именно тогда, когда он губернаторствовал в Ярославле. ²⁴

Действительно, деятельность Б.В.Штюмерера на посту ярославского губернатора глубоко запала в душу Николая. Уже в 1916 г. он заявил протопресвитеру Г.И.Шавельскому: «Я давно знаю Штюмерера, знал его, когда он еще был ярославским губернатором». ²⁵

Более того, Николай считал Б.В.Штюмерера самым лучшим губернатором Российской империи. На отчете министра внутренних дел Д.С.Сипягина о посещении им в 1901 г. Ярославской губернии в том месте, где он свидетельствовал «об административном опыте и энергичной деятельности» Б.В.Штюмерера, создавших ему «положение действительного хозяина губернии», Николай подчеркнул последние слова и сделал на полях совершенно беспрецедентную отметку: «Желал бы, чтобы все вообще губернаторы так сознательно и правильно смотрели на себя и на вверенное им мною дело». ²⁶ Благодаря столь высокой оценке деятельности Б.В.Штюмерера он выдвинулся в кандидаты на должности в центральном аппарате МВД.

В 1902 г., по инициативе В.К.Плеве, Б.В.Штюмерер назначается директором департамента общих дел МВД. В.К.Плеве, который стремился к сотрудничеству между МВД и земством, учел упрочившуюся за Б.В.Штюмерером репутацию мастера политического компромисса. Министра прельстило «проявленное Штюмерером в Твери и Ярославле умение будто бы твердо проводить правительственную политику, не только не раздражая при этом общественности, но даже привлекая к себе ее симпатии». ²⁷

В МВД способность Б.В.Штюмерера к маневрированию проявила себя в полной мере. На должности директора он зарекомендовал себя как «человек, ловкий в общении с людьми, знавший, где и кого следовало поприжать, где и кого приласкать», и как «мастер инсценировать парадные встречи и проводы». ²⁸ Среди высших чинов МВД Б.В.Штюмерер был «заметным деятелем». Он «действительно руководил губернаторами, так как все указания его носили практический характер и невольно импонировали его подчиненным». ²⁹

Либеральные взгляды Б.В.Штюмерера не мешали их обладателю посещать консервативный салон генерала Е.В.Богдановича. Дело в том, что посетители генеральского салона принадлежали «к разным течениям общественно-политической мысли». ³⁰

Серьезный удар по блестящей репутации Б.В.Штюмерера нанесла проводившаяся под его руководством осенью 1903 г. ревизия тверского земства, лидеры которого по-прежнему не устраивали правительство своим

радикализмом. В.К.Плеве предложил императору возложить ревизию именно на Б.В.Штюмерера как на человека, «близко знакомого с условиями деятельности земства Тверской губернии по прежней службе в должности председателя Тверской губернской земской управы». ³¹

Производя ревизию земства, Б.В.Штюмерер высказывал его гласным «самые либеральные мнения о деятельности земства вообще». ³² Тем самым он подчеркивал, что порученная ему миссия ни в коей мере не имеет карательного характера. Примечательно, что и отчет о ревизии Б.В.Штюмерер выдержал в относительно беспристрастном духе. Безусловно, окончательный вывод ревизора был далек от полной реабилитации оппозиционеров. Однако, отметив, что деятельность «этих лиц всегда как бы на границе дозволенного и потому почти никогда не выливается в такие формы, которые могли бы служить достаточным основанием для привлечения к ответственности», он подчеркивал далее, что общественность «в их деятельности предполагается более глубокое содержание, чем оно в действительности». ³³ Следовательно, в интерпретации Б.В.Штюмерера, действительная оппозиционность тверских радикалов была намного меньше оппозиционности, закрепленной за ними молвой.

После ревизии, в самом начале 1904 г., последовал роспуск тверского губернского и новоторжского уездного земств, запрет их наиболее активным членам заниматься общественной деятельностью и высылка самых оппозиционных земцев. Авторство репрессивных мер общественность, естественно, приписала Б.В.Штюмереру. Именно с этого времени он имел репутацию «крайнего реакционера». Данная репутация была заслужена им явно по недоразумению. ³⁴ Тем не менее престиж у общественности Б.В.Штюмерер потерял. Но это ни в коей мере не поколебало его престижа у Николая. За ревизию тверского земства он «изъявил» Б.В.Штюмереру «высочайшую благодарность». ³⁵

Авторитет Б.В.Штюмерера в глазах Николая был столь значителен, что летом 1904 г., сразу после убийства В.К.Плеве, Б.В.Штюмерер казался императору самым естественным кандидатом на пост министра внутренних дел. ³⁶ Николай даже подписал соответствующий указ. Практически состоявшееся назначение Б.В.Штюмерера преемником В.К.Плеве предотвратила вдовствующая императрица Мария Федоровна. ³⁷ Министерский портфель из рук Б.В.Штюмерера ускользнул. Однако царь не забыл его.

После появления в роли министра внутренних дел князя П.Д.Святополк-Мирского Николай назначил Б.В.Штюмерера членом Государственного совета, хотя у него не имелось необходимого для такого высокого назначения формального служебного ценза — пребывания на посту министра или звания сенатора. Такое назначение составляло «совершенно исключительный пример в истории русской бюрократии». ³⁸ Новый член Государственного совета вошел в департамент законов. Одновременно, во второй половине 1904 г., Б.В.Штюмерер посвящал свои досуги салону Е.В.Богдановича. Там он рассыпался в инвективах по адресу конкурентов — П.Д.Святополк-Мирского и С.Ю.Витте. ³⁹

В январе 1905 г., когда уход в отставку П.Д.Святополк-Мирского стал вопросом времени, Николай снова вспомнил о Б.В.Штюмерере. Он «был

вызван в Царское Село и вернулся министром». После этого оппозиционный журналист Л.М.Клячко беседовал с Б.В.Штюрмером как с министром внутренних дел, причем он «высказывал либеральные по тому времени мысли». ⁴⁰ Однако, в конце концов, министром внутренних дел был назначен А.Г.Булыгин. Несмотря на неудачу, постигшую его на пути к получению министерского портфеля, Б.В.Штюрмер сумел доказать, что среди представителей тогдашней бюрократической элиты он играет одну из главных ролей.

Именно Б.В.Штюрмер дал первый толчок политическому самоопределению представителей консервативно-либерального крыла столичной бюрократии. Сразу после царского рескрипта, данного 18 февраля 1905 г. А.Г.Булыгину и извещавшего о намерении Николая создать народное представительство, Б.В.Штюрмер стал приглашать к себе на совместное обсуждение политических вопросов некоторых из своих коллег по Государственному совету, сенаторов и чиновников, находившихся на службе преимущественно в МВД. ⁴¹ Основанные Б.В.Штюрмером собрания переместились, из-за тесноты его квартиры, сначала к графу С.А.Толю, а затем — к графу А.А.Бобринскому. Собрания эти стали предтечей «Отечественного союза», элитарной политической организации, действовавшей в 1905—1906 гг. Впоследствии, в 1906 г., на основе «Отечественного союза» возникли правая группа реформированного Государственного совета и Постоянный совет Объединенного дворянства.

Председателем президиума «Отечественного союза» являлся граф А.А.Бобринский. Он был «на ты» с Б.В.Штюрмером ⁴² и одним из его «близких друзей». ⁴³ Заместителями А.А.Бобринского члены «Отечественного союза» выбрали А.П.Струкова, родственника жены Б.В.Штюрмера, и А.А.Нарышкина.

Программа союза выражала идеологию «старого», «дворянского», консервативного либерализма. Члены союза выступали против установления «такого парламентского строя, при котором (в противоположность режиму, существующему, например, в Германской империи и Соединенных Штатах) министры обязательно назначаются из среды большинства палаты и ответственны не пред главою государства, а пред палатою». Следовательно, консервативно-либеральные сановники, будучи противниками парламентаризма, заявляли себя сторонниками конституционно-дуалистической системы. Члены «Отечественного союза» отмежевывались не только от либеральной оппозиции, но и от нарождавшегося черносотенного движения. Они полагали, что «народная расправа» со «смутой», революция справа, так же как и революция слева, «угрожала бы государству неисчислимыми бедствиями, обагрила бы кровью всю Россию и ввергла бы страну во все ужасы анархии». ⁴⁴

По своему духу программа «Отечественного союза» была близка к программе партии октябристов настолько, что, как сообщил 11 декабря 1905 г. на заседании ЦК «Союза 17 октября» барон П.Л.Корф, А.А.Бобринский передал ему о желании «Отечественного союза» присоединиться к октябристам. ⁴⁵ Неудивительно поэтому, что Б.В.Штюрмера и сановников его круга ортодоксальные консерваторы не считали своими единомышленни-

ками. В салоне Е.В.Богдановича Н.А.Павлов, поначалу посещавший штюрмеровский салон, а затем его покинувший, уже 19 апреля 1905 г. «говорил насчет Штюрмера, что он и весь его кружок — либералы». ⁴⁶

Несомненно, что в конкретном контексте политического спектра начала XX в. Б.В.Штюрмер являлся правым. Однако не крайне правым, не черносотенцем, т.е. сторонником свертывания политических реформ 1905—1906 г., а правым либералом (сторонником консервативно-либерального режима конституционно-дуалистической монархии, водворившегося в результате этих реформ). Новый режим соединил конституцию и самодержавие через его ограничение только в области законодательства, а не управления. Но Б.В.Штюрмер как раз и мечтал о «самодержавии, находящемся в комбинации с конституционным режимом». ⁴⁷ Таким образом, он был не реакционером, каковым оказался бы в случае отстаивания абсолютистского идеала неограниченного самодержавия, а консервативным либералом, дуалистом, т.е. представителем правого крыла правительственного либерализма.

В ходе окончательного конституирования думской монархии грань, разделяющая крайне правых от дуалиста Б.В.Штюрмера, стала очевидной, прежде всего для него самого. Уже 16 февраля 1906 г. он говорил А.В.Богданович, что «теперь только жалко и смешно слышать все эти разговоры Грингмута, Никольского (Бориса) и других, с пафосом ратующих за самодержавие, все это — “рыцари печального образа”, Дон-Кихоты». ⁴⁸ Очевидно, что Б.В.Штюрмер принадлежал к тем представителям бюрократической элиты, которые предпочитали дистанцироваться от крайне правых.

Подобно Б.В.Штюрмеру, дистанцировались от черносотенцев и сановники из правой группы Государственного совета, членом которой он стал после превращения совета в верхнюю палату. Идеология членов группы, вытекавшая из программы «Отечественного союза», базировалась на признании незыблемости Основных законов 1906 г., проникнутых идеей дуалистической системы. Именно поэтому правые сановники дистанцировались одновременно и от леволиберальных деятелей, выступавших за введение парламентаризма, т.е. за ограничение царской власти, путем расширительного толкования конституции, в области не только законодательства, но и управления. ⁴⁹

Как и его единомышленники по правой группе, Б.В.Штюрмер являлся сторонником сохранения дуалистической системы. «Вообще моя теория, — подчеркивал Б.В.Штюрмер, имея в виду думскую монархию, — была поддержание той системы и того государственного строя, которые были». ⁵⁰

В то же время дуализм отстаивался Б.В.Штюрмером не слишком прямолинейно. Поэтому он, как мастер политического компромисса, вел по поручению Правой группы переговоры с лидерами других групп «во время сложных советских голосований». ⁵¹ Факты поручения подобного рода переговоров именно Б.В.Штюрмеру свидетельствуют еще и о том, что он пользовался огромным авторитетом не только у правых, но и у левых коллег по верхней палате. Когда возник вопрос об уходе Б.В.Штюрмера от активной деятельности в Государственном совете, его председатель М.Г.Аки-

мов отметил, что «правое крыло Совета лишается большой силы». ⁵² Столь же огромным авторитетом Б.В.Штюрмер пользовался и у Николая. Как вспоминал сам Б.В.Штюрмер, в бытность его членом верхней палаты ему приходилось «докладывать государю очень часто, при чем государь спрашивал меня о делах Государственного совета». ⁵³

Еще более ярким подтверждением того, что Б.В.Штюрмер пользовался огромным авторитетом не только у представителей бюрократической элиты, но и у царя, является обстоятельство, связанное с тем, что на протяжении всего периода думской монархии он постоянно фигурировал в качестве неперемного кандидата на самые высокие посты. Так, уже 21 апреля 1906 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием А.П.Никольский сообщил А.В.Богданович, что кандидатом в министры внутренних дел «одни называют Столыпина, а другие — Штюрмера». ⁵⁴

В очередной раз кандидатура Б.В.Штюрмера в руководители МВД всплыла менее чем через два года. Л.А.Тихомиров записал в своем дневнике 25 февраля 1908 г., что в преемники П.А.Столыпина «прочат Штюрмера». ⁵⁵ Хотя он оказался в коллизии с П.А.Столыпиным, разногласия между ними не носили принципиального характера — оба были дуалистами, сторонниками конституционно-дуалистической монархии, но первый — более, а второй — менее ортодоксальным. Оспаривая тактические союзы П.А.Столыпина с парламентаристами, Б.В.Штюрмер не ставил под сомнение столыпинские реформы.

Более того, в разработке и проведении некоторых из них он участвовал непосредственно. В начале 1907 г. как «особо приглашенное» лицо Б.В.Штюрмер выступил на заседании правительства, посвященном обсуждению реформы губернских учреждений. ⁵⁶ В Государственном совете он оказывал поддержку П.А.Столыпину и его ближайшему сотруднику по аграрной реформе, главноуправляющему землеустройством и земледелием А.В.Кривошеину «в их начинаниях в области устройства крестьян». ⁵⁷ Тем не менее в 1909 г. кандидатура Б.В.Штюрмера стала котироваться во время кризиса, разразившегося по поводу штатов морского генерального штаба, когда дуалисты из Государственного совета предъявили кабинету П.А.Столыпина обвинение в потворстве парламентаристам.

После заседания правительства, состоявшегося 7 апреля 1909 г., министры говорили о том, что члены правой группы «наметили Штюрмера в председатели Совета министров и будто Штюрмер объявил, что оставит всех министров и объявит либеральную программу — свободу печати и отмену исключительного положения». ⁵⁸ Надежды правых сановников на политическое возвышение Б.В.Штюрмера были не случайными. Николай действительно вспомнил о нем и в самый разгар министерского кризиса вызвал его в Царское Село. По возвращении в столицу Б.В.Штюрмер обратился к корреспонденту кадетской «Речи» Л.М.Клячко и предложил ему напечатать под видом анонимной «беседы» свою политическую программу. Б.В.Штюрмер надеялся на то, что одновременно с «беседой» будет напечатан и указ о его назначении премьером. ⁵⁹

Уникальность этой «беседы» объясняется не только обстоятельствами, сопровождавшими ее появление, но и тем, что в ней содержался сим-

вол веры тех правых сановников, которые, будучи дуалистами подобно Б.В.Штюрмеру, противостояли, с одной стороны, черносотенцам, выступавшим за неограниченное самодержавие, а с другой — кадетам и левым октябристам, исповедовавшим идею парламентаризма. ⁶⁰ С точки зрения Б.В.Штюрмера, правые сановники, т.е. те, кого по недоразумению считали реакционерами, на самом деле, в отличие от псевдолибералов, были представителями истинного либерализма.

Единственное отличие настоящих либералов от псевдолибералов состояло, по мнению Б.В.Штюрмера, в том, что первые — либеральны ровно настолько, насколько либеральным являлся монарх, между тем как вторые единоличной монополией на инициативу проведения реформ, которая принадлежала царю как главе государства, не признавали. Иными словами, правые сановники выступали не против реформ вообще, а против того, чтобы они выходили за рамки легитимности, в чем действительно нельзя не усмотреть известного соответствия канонам либерализма. В подтверждение своего парадоксального вывода о большей либеральности правых Б.В.Штюрмер предлагал посмотреть на итоги деятельности псевдолиберального, с его точки зрения, кабинета П.А.Столыпина: «Оцените спокойно. Около 2 лет функционирует Дума, с которою правительство может работать. Что же за это время получило население? Отменены исключительные положения? Осуществлена свобода печати, совести и прочего? Осуществлена неприкосновенность личности? А между тем, если бы так называемым правым было поручено развизывать манифест 17 октября, то я вполне уверен, что именно с этого они бы и начали. Ибо, повторяю, раз вопрос о незыблемости манифеста 17 октября решен верховной властью, раз начала этого манифеста предначертаны, то они высочайшую волю выполнили бы с точностью, которая всегда им присуща в таких случаях». ⁶¹

Воплощения политической программы Б.В.Штюрмера в 1909 г. так и не произошло — П.А.Столыпин остался. Когда, как в 1904 и 1905 гг., Б.В.Штюрмер был уже на волосок от власти, чаша ее снова не коснулась его уст. Однако кризис, развернувшийся в начале 1911 г. по поводу введения земства в Юго-Западном крае, в очередной раз выдвинул Б.В.Штюрмера. «О министре внутренних дел, — отметил Л.А.Тихомиров 7 марта 1911 г., — слухи разные: говорят о Штюрмере, о Курлове». ⁶² Граф И.И.Толстой записал 8 марта, что заместителями П.А.Столыпина «названы Штюрмер или Макаров». ⁶³ Но уже в тот же день А.А.Бобринский категорически заключил: «Не Штюрмер и не Кривошеин, а Коковцов». ⁶⁴

Кроме того, в 1911 г. Б.В.Штюрмер едва не попал в обер-прокуроры Синода. Его кандидатуру на этот пост поддерживали князь В.П.Мещерский ⁶⁵ и Г.Е.Распутин. ⁶⁶ Позднее степень близости своих отношений с Б.В.Штюрмером старец явно преувеличивал. Согласно официальной справке об окружении Г.Е.Распутина, составленной после 1913 г. и обобщившей данные за предыдущее время, среди его близких знакомых Б.В.Штюрмер не значился. ⁶⁷

Постоянные неудачи, которые постигали Б.В.Штюрмера в связи с его попытками добиться власти, не означали того, что царь о нем забыл. На-

оборот, Николай по-прежнему оказывал Б.В.Штюрмеру особое благоволение. В 1913 г., во время празднования трехсотлетия дома Романовых, он сопровождал императора и его семью при посещении ими Твери, подновив давнюю симпатию Николая. Впоследствии он ценил Б.В.Штюрмера как человека, «много потрудившегося» в это время.⁶⁸

Осенью 1913 г., в связи с неутверждением левых кандидатов на должность городского головы Москвы, возникла ситуация, похожая на ту, которая была в 1892 г., после неутверждения выбранного председателя Тверской управы. Николай решил воспользоваться опытом Б.В.Штюрмера по разрешению конфликтов между властью и обществом и предложить ему место московского городского головы по назначению. Министр внутренних дел Н.А.Маклаков получил относительно этого «прямые указания от государя».⁶⁹ В пользу назначения Б.В.Штюрмера говорила не только его репутация мастера политического компромисса, но и то, что, будучи членом дворянского общества Москвы, он пользовался в ней бесспорным авторитетом. Показательно, что в феврале 1912 г., во время чрезвычайного московского губернского дворянского собрания, оно выбрало именно Б.В.Штюрмера для передачи губернатору приглашения прибыть на дворянское собрание.⁷⁰ Считая свое назначение в Москву предрешенным, Б.В.Штюрмер пригласил к себе для беседы Л.М.Клячко. Но на этот раз дорогу Б.В.Штюрмеру перебежал председатель Совета министров В.Н.Кокцов. Он лично уговорил Николая отказаться от замещения должности городского головы не избранным, а назначенным лицом.

Вынужденно пребывая вне власти, Б.В.Штюрмер находил отдушину своей активности в общественной деятельности. Как когда-то в 1905 г., в 1914–1915 гг. он содержал политический салон, опять подтверждая, что является одним из лидеров консервативно-либерального крыла бюрократической элиты. Штюрмеровский салон был заметным центром общественной жизни Петрограда. Он приобрел «значительное влияние и к его голосу стали прислушиваться».⁷¹ Постановления салона доводились до сведения И.Л.Горемыкина и правых министров и, через самого Б.В.Штюрмера, до министра двора графа В.Б.Фредерикса.

В отношении ориентации посетителей салона его состав был достаточно широк — от центра до крайне правых.⁷² Однако контакта с черносотенными организациями салон демонстративно не поддерживал. В этом проявилось отмеченное выше отличие правых бюрократов, являвшихся консервативными либералами, от крайне правых, чуждых какому бы то ни было либеральному флеру. Посетители салона хотели выработать «оборонительную позицию в интересах отстаивания территориальной и политической целостности России, установленного образа правления и сложившегося правопорядка управления». Таким образом, они выступали за сохранение конституционно-дуалистической системы, замену которой парламентаризмом отстаивали лидеры Прогрессивного блока.⁷³ Очевидно, что злободневные вопросы посетители салона рассматривали с точки зрения консервативного либерализма. Эту точку зрения они проводили без излишней прямолинейности, чему способствовали индивидуальные особенности хозяина салона.

«Осторожность в словах, — писал о Б.В.Штюрмере Л.М.Клячко, — создавала среди лиц, приходивших с ним в соприкосновение, впечатление умеренности, которое находило подкрепление в том, что о наиболее острых вопросах он говорил без особой раздражительности».⁷⁴ Пребывание Б.В.Штюрмера во главе влиятельного консервативно-либерального салона опять обратило на него внимание царя. «Значение политического салона Б.В.Штюрмера, — подчеркивал один из его участников, — не могло, конечно, не выдвинуть его имя, как политического деятеля, стоявшего на страже монархических устоев, и его деятельность не могла не вызвать внимания к нему со стороны высоких сфер».⁷⁵ Обращение царского внимания на Б.В.Штюрмера было вызвано возникновением Прогрессивного блока, выступившего за введение парламентаризма.

Николай, разделявший умеренно-дуалистические взгляды, хотел добиться компромисса с оппозицией на условии сохранения дуалистической системы при допущении в нее элементов парламентаризма. И.Л.Горемыкин, державшийся ортодоксально-дуалистической позиции, для этого не подходил. Между тем составной частью представления Николая о Б.В.Штюрмере было мнение об умеренности и надпартийности его воззрений. В 1913 г. Николай характеризовал Б.В.Штюрмера как «осторожного и деликатного человека», находящегося «вне всяких партий».⁷⁶ Но самое главное — он имел у царя репутацию мастера политического компромисса — «человека, особенно пригодного для умиротворения разыгравшихся страстей».⁷⁷ Б.В.Штюрмер казался Николаю «лицом, удовлетворяющим требованиям сожительства с общественностью».⁷⁸ Именно для примирения с оппозицией царь и решился на замену И.Л.Горемыкина Б.В.Штюрмером.

Когда же именно Николай мог вспомнить о кандидатуре Б.В.Штюрмера? Во время состоявшейся 10 декабря 1915 г.⁷⁹ встречи царя с главным управляющим канцелярией по принятию прошений В.И.Мамантовым он доложил о просьбе Б.В.Штюрмера поменять свою фамилию на фамилию его матери, урожденной Паниной. На справке о родословной рода Паниных, представленной Николаю, В.И.Мамантов отметил: «Высочайше повелено объявить гофмейстеру Штюрмеру, что удовлетворение его ходатайства возможно лишь при согласии представительницы рода Паниных — графини Паниной».⁸⁰ Напомнив императору о существовании Б.В.Штюрмера, В.И.Мамантов невольно подтолкнул Николая, размышлявшего в это время о выборе нового премьера, к тому, чтобы задуматься о замене И.Л.Горемыкина сановником с немецкой фамилией.

Не исключено, что в выдвижении кандидатуры Б.В.Штюрмера более сознательное участие приняли главным управляющий Собственной канцелярией царя А.С.Танеев и начальник царскосельского дворцового управления генерал князь М.С.Путятин.⁸¹

Более широкое распространение среди современников и исследователей получила версия о выдвижении кандидатуры Б.В.Штюрмера царицей, Г.Е.Распутиным и их окружением.⁸² Несостоятельность этой версии видна, прежде всего, из того, что на протяжении января 1915 — января 1916 г., вплоть до 20 января, т.е. до назначения Б.В.Штюрмера, Г.Е.Рас-

путин никогда с ним не встречался, а следовательно, не мог и организовать его назначение. Встреча старца с новым премьером состоялась 21 января.⁸³

В конце 1915 г. Г.Е.Распутин выступал не только против увольнения И.Л.Горемыкина, но и за усиление его политической роли. В октябре старец поддержал идею об отставке министра иностранных дел С.Д.Сазонова, соединении этого поста с постом премьера и назначении И.Л.Горемыкина канцлером Российской империи.⁸⁴ Со старцем солидаризировался князь М.М.Андроников.⁸⁵ Рекомендации представителей «безответственных влияний» царь во внимание не принял. Когда 20 октября⁸⁶ С.Д.Сазонов осведомился у Николая, насколько достоверен слух о назначении премьера канцлером, император его «решительным образом опроверг».⁸⁷ Николай вознамерился уволить И.Л.Горемыкина. Поэтому в начале ноября Г.Е.Распутин и Александра Федоровна также выступали за увольнение И.Л.Горемыкина и допускали возможность назначения его преемником одного из кандидатов императора – министра юстиции А.А.Хвостова. Однако 12 ноября Г.Е.Распутин, а вслед за ним 13 ноября и царица выступили категорически против замены И.Л.Горемыкина А.А.Хвостовым.⁸⁸

В течение второй половины ноября – декабря Александра Федоровна писала мужу в Ставку каждый день, за исключением перерывов с 17 по 24 ноября, с 4 по 11 и с 23 по 29 декабря, когда Николай находился в Царском Селе.⁸⁹ Ни в одном из писем указанного периода она ни разу не упомянула о необходимости замены И.Л.Горемыкина Б.В.Штюмером. Между тем, если бы в конце 1915 г. у Александры Федоровны или Г.Е.Распутина действительно появилась мысль о подобной замене, то эту мысль императрица непременно зафиксировала бы на бумаге.

Именно так Александра Федоровна поступила относительно предположения о замене министра финансов П.Л.Барка председателем правления Соединенного банка графом В.С.Татишевым.⁹⁰ Кандидатура графа была выдвинута его свойственником, министром внутренних дел А.Н.Хвостовым, и поддержана (без всяких последствий) Г.Е.Распутиным, Александрой Федоровной и М.М.Андрониковым.

Раз о замене И.Л.Горемыкина Б.В.Штюмером императрица ничего не написала, то, следовательно, в конце 1915 г., когда Николай задумал эту замену, Александра Федоровна и Г.Е.Распутин по-прежнему полагали, что уволить И.Л.Горемыкина не стоит. Но это и означает, что кандидатуру Б.В.Штюмера Николай выбрал независимо от супруги и старца.

В свои намерения Николай посвятил их только после 23 декабря, по возвращении из Могилева. Во время всеподданнейшего доклада, состоявшегося 30 декабря в поезде, снова увозившем императора в Ставку, А.Н.Хвостов подверг сомнению монарший выбор, ибо сам претендовал на премьерство. Царица, узнав от мужа о его разногласии с министром внутренних дел, немедленно приняла точку зрения царя. «Я полагаю, – писала Александра Федоровна Николаю 4 января 1916 г., – что стоит рискнуть немецкой фамилией, так как известно, какой он верный человек, и он хорошо будет работать с новыми энергичными министрами». После встречи А.А.Вырубовой с Г.Е.Распутиным царица, передавая Николаю мнение старца, сооб-

щала 9 января, что «наш Друг сказал про Штюмера: не менять его фамилии и взять его хоть на время, так как он, несомненно, очень верный человек и будет держать в руках остальных».⁹¹ Показательно, что мнение Г.Е.Распутина дословно совпадало с мнением Александры Федоровны.

В ходе подготовки назначения Б.В.Штюмера не Г.Е.Распутин, узнавший мнение императрицы от А.А.Вырубовой, повлиял на Александру Федоровну, а она на него, точно так же как не царица повлияла на царя, а Николай на супругу. В первой половине января 1916 г., когда назначение Б.В.Штюмера было Николаем уже предreshено, в пользу этого назначения, подыгрывая царскому выбору, стали агитировать петроградский митрополит Питирим и журналист И.Ф.Манасевич-Мануйлов.

О близости замены И.Л.Горемыкина Б.В.Штюмером Питирим узнал от своего секретаря И.З.Осипенко, общавшегося с Г.Е.Распутиным,⁹² а И.Ф.Манасевич – от Питирима.⁹³ Хотя оба они, подобно царице и Г.Е.Распутину, не имели никакого отношения к выбору царем кандидатуры Б.В.Штюмера, современники считали, что в данном случае Питирим и И.Ф.Манасевич сыграли решающую роль. Однако до самого назначения Б.В.Штюмера Питирим этого сановника «не знал совершенно» и «никогда не видал».⁹⁴ Очевидно, что выдвигать кандидатуру незнакомого ему деятеля Питирим не имел никакого резона. Что касается И.Ф.Манасевича, то он с января 1915 до 20 января 1916 г., когда последовало назначение Б.В.Штюмера, с Г.Е.Распутиным не общался,⁹⁵ а следовательно – и не мог ему рекомендовать кого-либо.

При подготовке назначения Б.В.Штюмера камертон давал Николай. По возвращении из Могилева он послал Б.В.Штюмеру записку с вызовом его в Царское Село,⁹⁶ а 18 января записал в своем дневнике: «В 2 с половиной часа принял Штюмера, которому предложил место председателя Совета министров. Переговорил с ним о всех наиболее важных вопросах».⁹⁷

Разговор императора с Б.В.Штюмером, осветивший «основные вопросы государственной жизни России»,⁹⁸ «был очень длинен».⁹⁹ Разговор начался с того, что Николай, не сообщив собеседнику о цели его вызова, спросил, когда он занимал место председателя тверской земской управы. Следовательно, слава политического миротворца, снисканная Б.В.Штюмером еще в 1892–1894 гг., царю была известна. Затем разговор перешел «на земство вообще». На вопрос Николая о том, находит ли он необходимой мелкую земскую единицу, т.е. волостное земство, Б.В.Штюмер ответил, что «без нее обойтись нельзя». Когда царь осведомился у Б.В.Штюмера о его мнении относительно мировых судей, то Б.В.Штюмер заявил, что он, как почетный мировой судья, понимает, «насколько важное значение имеют мировые судьи». Рассмотрев «вопросы о местной жизни», собеседники затронули «вопрос о подоходном налоге».

Поскольку вопросы, затронутые Николаем и его собеседником, были важнейшими пунктами программы Прогрессивного блока, внимание, оказанное царем этим вопросам, как и мнение Б.В.Штюмера о необходимости их учета, свидетельствовали о наличии у них обоих очевидного стремления к установлению компромисса с оппозицией. Данное стремление выявилось еще более, когда собеседники коснулись «вопроса о Государственной думе».¹⁰⁰

Конкретно речь шла о взгляде на созыв Думы И.Л.Горемыкина, полагавшего, что ее занятия должны быть ограничены сроком в две-три недели и только рассмотрением бюджета. Специально отметив, что «таково мнение Горемыкина», а не его, царь напрямую спросил собеседника, как он к этому относится. Б.В.Штюрмер ответил, что относится «к этой постановке вопроса отрицательно», поскольку для недоверия к нижней палате «не видит причин».¹⁰¹ Б.В.Штюрмер полагал, что «нельзя заранее показывать недоверие» Думе.¹⁰² В очередной раз он выступил в амплу политического миротворца. Николай выразил сочувствие этому взгляду, заявив, что «считает возможным Государственной думе работать», находя «нежелательным сокращение ее деятельности и «высказывание недоверия».¹⁰³

В конце беседы царь подчеркнул, что разделяет мнения Б.В.Штюрмера по всем затронутым вопросам, и предложил ему премьерство.¹⁰⁴ При этом Николай повелел новому премьеру «принять все меры» к тому, чтобы «правительство избегало всяких конфликтов с Государственной думой», и дал «определенные инструкции» «улучшить отношения между правительством и палатами».¹⁰⁵

Расставшись со своим собеседником, император послал главноуправляющему Собственной канцелярией А.С.Танееву следующую записку: «Пришлите мне указ о назначении члена Государственного совета гофмейстера Штюрмера председателем Совета министров. Николай. 18 января 1916 г. Царское Село».¹⁰⁶

Избрание царем консервативно-либерального сановника, имевшего репутацию мастера политического компромисса, говорило само за себя. Миссия, которую возложил на преемника И.Л.Горемыкина Николай, состояла, по его собственному признанию, в том, чтобы «установить соглашение между Думой и правительством» и «сгладить отношения с обществом».¹⁰⁷ «На Штюрмера, — телеграфировал английский посол, — возлагались большие надежды, что он положит начало более либеральной и примирительной политике».¹⁰⁸

Вместе с тем замена И.Л.Горемыкина Б.В.Штюрмером мыслилась императору как акция, не выходящая за границы дуалистической системы, при которой законодательные палаты лишены влияния на формирование кабинета.¹⁰⁹ Таким образом, его появление в роли премьера было обусловлено не влиянием «темных сил», а желанием императора добиться компромисса с Прогрессивным блоком путем замены неуступчивого И.Л.Горемыкина более либеральным сановником. Если учесть к тому же, что в течение предыдущих 12 лет Б.В.Штюрмер уже шесть раз (в 1904, 1905, 1906, 1909, 1911 и 1913 гг.) оказывался на волосок от получения власти, странным должно показаться не то, что в январе 1916 г. назначили премьером именно его, а то, что его не назначали премьером так долго.

2. «Без столкновений, без ссор».

Б.В.Штюрмер и Прогрессивный блок (январь — май 1916 г.)

Назначение 20 января 1916 г. председателем Совета министров Б.В.Штюрмера оказало решающее влияние на последующее развитие политического процесса.¹¹⁰

Учитывая, что И.Л.Горемыкин по вопросу об отношении к Думе придерживался более правых взглядов, чем его преемник, назначение Б.В.Штюрмера надо признать осторожным, но бесспорным сдвигом влево. В отличие от И.Л.Горемыкина, ради соглашения с оппозицией новый премьер был готов на допущение в политическую практику элементов парламентаризма. Сразу после назначения Б.В.Штюрмер заявил министру народного просвещения графу П.Н.Игнатьеву, что «приложит все силы, чтобы войти в контакт и стовориться с общественностью».¹¹¹

В роли идеолога примирительной политики Б.В.Штюрмера подвизался И.Я.Гурлянд, теперь уже — член совета министра внутренних дел. Будучи политическим советником премьера, «в его сношениях с Думой» И.Я.Гурлянд «играл такую же роль», как и при П.А.Столыпине, «имел хорошее влияние на Штюрмера» и между ним и Думой «устанавливал политику примирительную».¹¹² Б.В.Штюрмер отлично знал, что И.Я.Гурлянд, заявил премьер императору в августе 1916 г., «был ближайшим сотрудником» П.А.Столыпина.¹¹³ Возвышение И.Я.Гурлянда свидетельствовало о преемственности между политикой П.А.Столыпина и Б.В.Штюрмера. Именно поэтому он являлся сторонником соглашения правительства с Прогрессивным блоком на условии сохранения дуалистической системы.

Б.В.Штюрмер осознавал, что уступки могут быть использованы оппозицией против правительства. Но премьер надеялся, что сумеет контролировать политический процесс и «при либеральном отношении своей политики сжимать в нужных случаях в бархатных перчатках не отвечающие его задачам те или иные порывы общественности».¹¹⁴ Впрочем, пока Прогрессивный блок не занял по отношению к премьеру четкой позиции, во время беседы с журналистами, появившейся в печати 20 января, Б.В.Штюрмер тешил себя иллюзиями относительно возможности соглашения между правительством и оппозицией.¹¹⁵ В тот же день он посетил М.В.Родзянко, перед которым «держался заискивающе».¹¹⁶ Осведомившись у него, «чего он и Дума желает», Б.В.Штюрмер заверил собеседника, что «всячески будет стремиться работать вместе и идти навстречу ее желаниям».¹¹⁷

В качестве шага к соглашению с оппозицией премьер запланировал раут для представителей законодательных учреждений. Б.В.Штюрмер надеялся «в беседах с лидерами разных групп сблизиться с ними и вместе с тем выказать им особое внимание».¹¹⁸ Лидеры были не склонны к общению с премьером. Это стало ясно 21 января, когда по инициативе Б.В.Штюрмера у товарища председателя Думы С.Т.Варун-Секрета прошли переговоры министра внутренних дел А.Н.Хвостова и его товарища князя В.М.Волконского с П.Н.Милюковым. Идею раута лидер кадетов категорически отверг. Уговаривая П.Н.Милюкова, В.М.Волконский заметил, что «теперь такой случай, какой никогда еще не представлялся для того, чтобы наладить правильные отношения с правительством».¹¹⁹ Но П.Н.Милюков заявил, что «никакие визиты и никакие рауты невозможны», потому что «Штюрмер не то лицо, которому мы доверяем».¹²⁰ Между тем повода для недоверия едва назначенному премьеру не суще-

ствовало. Несмотря на непримиримость П.Н.Милюкова, срок созыва Думы был определен «по уговору» В.М.Волконского именно с лидером кадетов.¹²¹ Б.В.Штюрмер же от организации раутов, нацеленных на сближение с оппозицией, так и не отказался.¹²²

Хотя уже в самом начале премьерства Б.В.Штюрмера стало намечаться прохладное отношение к нему со стороны Думы, он по-прежнему питал надежду на то, что достижение компромисса между правительством и Прогрессивным блоком на условии сохранения дуалистической системы вполне возможно. Готовность премьера к этому компромиссу проявилась 22 января, на первом заседании кабинета с участием Б.В.Штюрмера. В ходе обсуждения «вопроса о созыве Думы» и «длительности и объеме» ее занятий премьер заявил: «Мое сомнение: статья 31 Положения о Государственном совете и Думе — 7 пунктов ведения, но нет указаний о возможности организовать занятия одним пунктом».¹²³ Глава правительства напомнил о точном смысле статьи 31 Учреждения Думы. Тем самым он подверг сомнению взгляды своего предшественника, который хотел ограничить деятельность нижней палаты лишь «одним пунктом», т.е. рассмотрением бюджета. Высказываясь о проекте И.Л.Горемыкина, Б.В.Штюрмер выразил убеждение, что «правительство, следуя предложенному образу действия, подорвет свою власть, и направил прения по этому пути».¹²⁴

Премьера поддержали два дуалиста (министр внутренних дел А.Н.Хвостов и обер-прокурор Синода А.Н.Волжин) и шесть членов прогрессивной группы (министры морской — адмирал И.К.Григорович, народного просвещения — П.Н.Игнатьев, земледелия — А.Н.Наумов, военный — генерал А.А.Поливанов и иностранных дел — С.Д.Сазонов, а также государственный контролер П.А.Харитонов). Б.В.Штюрмер и присоединившиеся к нему министры «полагали предпочтительным издать немедленно указ о возобновлении занятий законодательных учреждений» и «вступить в переговоры с представителями этих учреждений об установлении общих взглядов с правительством на задачи предстоящей сессии».¹²⁵

От позиции, занятой премьером, члены прогрессивной группы были в восторге. А.А.Поливанов даже воскликнул: «Теперь у нас покончено с разногласиями».¹²⁶

На заседании 22 января выявился тот сегмент политического спектра, который занимал правительственный либерализм, как целое, в это время. А.Ф.Трепов мотивировал невозможность назначения М.А.Искрицкого на пост попечителя петроградского учебного округа тем, что его «убеждения не вполне совпадают с правительственными», поскольку он — «левый октябрист».¹²⁷ Таким образом, в 1916 г., как и при П.А.Столыпине, правительство соотносило себя, прежде всего, с правыми октябристами. Они составляли в IV Думе костяк фракции центра.

Центральное место правительственного либерализма в политическом спектре предопределило благожелательное отношение Б.В.Штюрмера к Думе, проявившееся даже в мелочах. По наследству от И.Л.Горемыкина Б.В.Штюрмеру перешел бланковый указ о роспуске Думы. Собираясь ехать к императору со своим первым докладом, премьер не повез этого указа. На вопрос начальника канцелярии Совета министров И.Н.Лоды-

женского о причине его поступка Б.В.Штюрмер ответил: «Это я просто из суеверия делаю, чтобы не начинать доклада с такого указа».¹²⁸ Б.В.Штюрмер не лукавил. Согласно его всеподданнейшей записке от 23 января, в этот день он представил Николаю проекты только двух указов — о возобновлении занятий Думы и Государственного совета.¹²⁹

Готовность Б.В.Штюрмера к соглашению с оппозицией засвидетельствовала и первая крупная кадровая перемена, произошедшая в его премьерство. На докладе царю 22 января государственный контролер П.А.Харитонов подал в отставку. Вместо себя он предложил кандидатуру назначенного члена Государственного совета Н.Н.Покровского.¹³⁰ Как член КВО, он являлся парламентаристом и одним из лидеров Прогрессивного блока в верхней палате. Поэтому Н.Н.Покровский пользовался «доверием общественных кругов».¹³¹ Другим кандидатом в государственные контролеры был товарищ министра внутренних дел С.П.Белецкий.¹³² Подразумевая Н.Н.Покровского, Николай писал Б.В.Штюрмеру 22 января: «Мне он кажется человеком подходящим, но сперва я желал бы знать Ваше мнение».¹³³ Б.В.Штюрмер поддержал императора. Назначение Н.Н.Покровского последовало 25 января.¹³⁴ Он вошел в прогрессивную группу кабинета.

Умеренно-дуалистическая позиция Б.В.Штюрмера способствовала не только сохранению доминирования прогрессивной группы, но и усилению ее влияния на течение правительственной политики. Весьма рельефно это сказывалось тогда, когда возникал вопрос о применении статьи 87 Основных законов, дававшей кабинету право издавать меры законодательного характера помимо Думы. Данная статья пользовалась неприязнью Прогрессивного блока и парламентаристов.¹³⁵ Позиция Б.В.Штюрмера по вопросу о применении 87-й статьи не отличалась от позиции прогрессивной группы. Для него факты пользования этой статьей «были, как по больному месту ногтем скоблить».¹³⁶ Уже на заседании Совета министров 26 января премьер заявил о необходимости составления списка «дел по Государственной думе, движение коих для министров желательно возможно скорее», и предложил «дела по 87 статье не брать во внимание».¹³⁷

На заседании 26 января возросшее влияние прогрессивной группы сказалось и при рассмотрении дела о 5 000 000 рублей. С подачи А.Н.Хвостова они были предназначены для подкупа прессы в связи с подготовкой выборов в новую, V Думу. В постановке подобного вопроса за полтора года до истечения полномочий IV Думы не было ничего антидумского. Подготовка выборов в эту Думу правительство начало приближительно за год до завершения работы предыдущей. Оформляя решение кабинета об отпуске указанной суммы, Б.В.Штюрмер, по просьбе А.Н.Хвостова, не сообщил министрам о цели секретного кредита. Члены прогрессивной группы А.Н.Наумов и Н.Н.Покровский указали премьеру «на неприемлемость постановления в такой форме».¹³⁸

Отговаривая Николая после заседания правительства от осуществления замысла А.Н.Хвостова, граф П.Н.Игнатьев заявил: «Слава Богу, на этот путь Россия еще не становилась. Может быть, за границей уже призывали, но у нас до сих пор не слышно было об этом, да мы и не сумеем сделать, мы оскандалимся».¹³⁹

Парламентаристы усмотрели в подкупе прессы, мере вполне традиционной для политической практики тогдашних западных стран, нечто из ряда вон выходящее и, во всяком случае, достойное немедленного разоблачения. После заседания 26 января, беседуя с одним из лидеров Прогрессивного блока в Государственном совете, его назначенным членом князем Б.А.Васильчиковым, А.Н.Наумов пошел на нарушение служебной тайны и «сказал все откровенно». Благодаря откровенности теперь уже князя новость о подготовке правительства к подкупу печати дошла до Думы, предъявившей скандальный запрос, чему А.Н.Наумов «был рад». «По этому поводу, — вспоминал он не без тщеславия, — в Совете министров было заявлено о том, что как это странно, некоторые вопросы, которые носят чисто конфиденциальный характер, делаются достоянием широких масс».¹⁴⁰

В результате обструкции, устроенной А.Н.Хвостову членами прогрессивной группы и поддержанной Б.В.Штюрмером, выделение денег на подкуп печати было благополучно провалено. На заседании Совета министров 29 января правительство, в полном соответствии с пожеланиями прогрессивной группы, приняло решение о расходовании 5 000 000 рублей «по соглашению председателя Совета министров и государственного контролера».¹⁴¹ Это заставило министра внутренних дел отказаться от своей затеи. Будучи заподозрен оппозиционной печатью в подготовке роспуска IV Думы, А.Н.Хвостов поспешил публично реабилитироваться, передав редакторам газет составленное И.Я.Гурляндом заявление. В нем, «как член Государственной думы», министр уверял, что является «сторонником поддержания, а не умаления ее достоинства и значения».¹⁴²

Благожелательность по отношению к оппозиции демонстрировал и глава правительства. В конце января — начале февраля он, посещая некоторые министерства, произнес речи, ставшие новыми шагами навстречу Прогрессивному блоку. При посещении 4 февраля Министерства торговли и промышленности премьер заявил, что «в трудные минуты правительство сохраняет спокойную благожелательность».¹⁴³ Эти слова можно назвать девизом политики Б.В.Штюрмера по отношению к оппозиции на протяжении всего его премьерства.

Доказательства наличия у него «спокойной благожелательности» Б.В.Штюрмер явил накануне открытия думской сессии, согласившись на создание финансово-экономической комиссии.¹⁴⁴ Комиссия, возглавлявшаяся Н.Н.Покровским и состоявшая не только из бюрократов, но и представителей законодательных палат, содействовала парламентаризации верховного управления. Накануне начала думских занятий правительство учло мнение оппозиции и по рабочему вопросу.¹⁴⁵

Самым веским доказательством существования у премьера стремления к достижению компромисса с оппозицией на базе сохранения дуалистической системы стала правительственная декларация. Подготавливая ее, Б.В.Штюрмер был готов на авансы Думе, даже не будучи твердо уверен в том, что она их оценит.¹⁴⁶ В составлении проекта декларации, помимо Б.В.Штюрмера, участвовали И.Я.Гурлянд и И.Н.Лодыженский.¹⁴⁷ Проект понравился премьеру «своим либеральным тоном».¹⁴⁸

Конечно, стремление Б.В.Штюрмера к компромиссу с оппозицией не было беспредельным. Он хотел не капитуляции правительства, а именно компромисса, предпосылка которого — обоюдное самоограничение сторон. Накануне открытия Думы премьер заявил М.В.Родзянко, что «правительство готово пойти на уступку Блоку, при условии, что Блок сам готов также пойти на компромиссы».¹⁴⁹

Либеральная декларация выражала взгляды не только Б.В.Штюрмера, но и царя. Подобного рода программные документы представлялись на его утверждение.¹⁵⁰ Одобрение Николаем декларации свидетельствовало о его стремлении к соглашению с Прогрессивным блоком. О том же говорило и посещение царем Думы, состоявшееся 9 февраля, в день открытия думской сессии.

А.Н.Хвостов полагал, что появление Николая в Таврическом дворце было вызвано влиянием Г.Е.Распутина. Действительно, о желательности такого шага старец говорил своему охраннику в декабре 1915 г.¹⁵¹ Однако Г.Е.Распутин только вторил собственному мнению царя. Николай решил посетить Думу в первой половине ноября 1915 г. Именно тогда царица напомнила мужу, что он «полагал» «совершенно неожиданно появиться в Думе и сказать несколько слов».¹⁵² Реализации намерения Николая способствовал А.А.Клопов, доводивший до трона настроения оппозиции. По просьбе М.В.Родзянко А.А.Клопов написал императору письмо, изложив «доводы касательно посещения Думы».¹⁵³ А.А.Клопов предложил и «схему краткой речи», с которой Николай мог бы обратиться к депутатам.¹⁵⁴ А.А.Клопов высказывал только собственные мысли царя. Поэтому Николай не заставил себя долго ждать. Окончательное решение о посещении законодательных палат император принял 4 февраля.¹⁵⁵ А.А.Клопов получил короткий ответ: «Господи благослови. Николай».¹⁵⁶

Выступление самодержца перед думцами было легкой переработкой клоповского проекта. Царь указал на то, что «счастлив находиться» среди депутатов и своего «верного народа», представителями которого они являются. Николай тем самым делал доброжелательный жест по отношению к оппозиции, поскольку признал ее деятелей такими же верными подданными, как и их оппонентов. Император выразил пожелание, чтобы в основу своей работы, «ответственной перед Родиной» и монархом, депутаты положили «весь свой опыт, все свое знание местных условий и всю свою горячую любовь к нашему Отечеству».¹⁵⁷ Ответственности правительства перед Думой Николай противопоставил ответственность депутатов перед ним.

На предложение М.В.Родзянко даровать «ответственное министерство» царь ответил: «Ну, об этом я еще подумаю».¹⁵⁸ Посещением Думы Николай остался доволен.¹⁵⁹ В восторге от этого события были и парламентаристы. Реагируя на него, С.Д.Сазонов воскликнул: «Вот здравая политика. Вот настоящий либерализм».¹⁶⁰ Посещение царем Думы усилило значение парламентаристов, ориентировавшихся на оппозицию. А.Н.Хвостов отмечал, что «после знаменательного посещения Его императорским величеством Государственной думы» отрицательное отношение к ней министров «являлось бы противоречащим высочайшим предубеждениям, которые в отношении Государственной думы отныне для всех ясны и очевидны».¹⁶¹

У черносотенцев демонстрация царем расположения к оппозиционной Думе вызвала панические настроения.¹⁶² То же самое вызвала у крайне правых и декларация Б.В.Штюрмера, которую премьер зачитал после отъезда царя.

Б.В.Штюрмер согласился с тем, что война не дает оснований для торможения реформаторского процесса. Она, подчеркнул премьер, «не останавливает ни запросов времени, ни настояний политического мышления, тем более, может быть, требовательных, чем сложнее делается положение». Характеризуя природу изменений, затронувших Россию в это время, Б.В.Штюрмер отметил: «Исторические устои, на которых росло и развивалось Государство Российское, незыблемы. Но связи, основанные на обычае, вообще на том, что входит в представление о русских народных нравах, определенно заменяются связями, вытекающими, главным образом, из интересов экономических».¹⁶³

Упоминание Б.В.Штюрмером об «исторических устоях» оппозиция поставила ему в упрек. «В ней, — подразумевая декларацию, указывал П.Н.Милюков, — было категорическое заявление о незыблемости исторических устоев, на которых росло и укреплялось Русское государство, и этого было достаточно. Перед нами был новый вариант Горемыкина».¹⁶⁴ Однако из контекста декларации видно, что П.Н.Милюков передергивал факты. Пресловутая фраза, не неся существенной смысловой нагрузки, имела чисто ритуальное значение.¹⁶⁵

Более того, ключевой пункт декларации появился по инициативе П.Н.Милюкова. Беседа 21 января с А.Н.Хвостовым, лидер Прогрессивного блока советовал упомянуть о праве Думы на законодательную инициативу в будущей правительственной декларации.¹⁶⁶ Предложение П.Н.Милюкова Б.В.Штюрмер учел почти дословно. «Я, — заявил он, — возлагаю определенную надежду и на принадлежащее законодательным учреждениям право законодательной инициативы. В виду сказанного, правительство возложило на министра внутренних дел поручение принять к разработке три законопроекта, внесенных по инициативе Государственной думы: о волостном земстве, об общей реформе Городового положения, о введении земских учреждений в некоторых местностях Сибири».¹⁶⁷ Декларация, мотивируя сотрудничество правительства и оппозиции в рамках Основных законов, заключала в себе наиболее значимые пункты программы Прогрессивного блока, кроме лозунга о «министерстве доверия».

Примечательно также, что в декларации были те самые пункты программы блока (мелкая земская единица, реформа городского положения и дальнейшее распространение земства), о которых Николай беседовал с Б.В.Штюрмером накануне его назначения. Следовательно, либеральный характер декларации предопределялся либеральными взглядами не только премьера, но и царя.

Несмотря на примирительные настроения Николая и Б.В.Штюрмера, Прогрессивный блок объявил кабинету вотум недоверия. Выражая мнение лидеров оппозиции, А.А.Клопов советовал царю уже через десять дней после декларации «заменить Штюрмера более подходящим и более популярным лицом».¹⁶⁸ Узнав о вотуме недоверия, Николай воскликнул: «Что ни делается, Государственная дума остается всегда враждебной!»¹⁶⁹

Масла в огонь оппозиционности Думы подлила преувеличенная реакция думцев на дело Б.М.Ржевского. Расследование этого дела дало безосновательные поводы подозревать А.Н.Хвостова в подготовке покушения на старца.¹⁷⁰ Почувствовав, что почва под его ногами колеблется, А.Н.Хвостов решил пойти ва-банк. В обвинениях по своему адресу он увидел интригу своего заместителя С.П.Белецкого и группировавшихся вокруг Г.Е.Распутина германофилов. Поэтому во время всеподданнейшего доклада, состоявшегося 10 февраля,¹⁷¹ министр сообщил императору данные о том, что старец якобы «принадлежит к международной организации шпионажа» — ведь его «оказывают лица, которые состоят у нас на учете». К ним А.Н.Хвостов относил банкиров Д.Л.Рубинштейна и И.П.Мануса и журналиста И.Ф.Манасевича, находившегося в распоряжении Б.В.Штюрмера. А.Н.Хвостов попросил императора уволить С.П.Белецкого и удалить Г.Е.Распутина из Петрограда.¹⁷²

Николай воспринял информацию министра с недоверием. На это царь имел веские причины. Читая подготовленную по приказу А.Н.Хвостова сводку фактов о разгульной жизни старца на стороне, Николай заметил, что «в день и час, в который произошел один из указанных в расследовании фактов, Распутин как раз находился в Царском Селе».¹⁷³ Судьбу А.Н.Хвостова решила не только сводка, но и его слепая вера в зависимость императора от «безответственных влияний». Поскольку ничего подобного не было, отставка А.Н.Хвостова стала неизбежной.¹⁷⁴ Если бы она произошла под влиянием императрицы, которая выступила за лишение А.Н.Хвостова звания камергера, то Николай, конечно же, принял бы во внимание желание жены. Но этого не случилось.¹⁷⁵

Еще менее результативно было в феврале влияние старца. Именно тогда Г.Е.Распутин послал дворцовому коменданту генералу В.Н.Воейкову записку с просьбой устроить инженера Н.К.Кульжинского «на место уходящего инженера Борисова», начальника управления железных дорог МПС.¹⁷⁶ Но вместо И.Н.Борисова, уволенного 15 февраля, 18 апреля был назначен Н.П.Осипов.¹⁷⁷ Тем не менее свою опалу А.Н.Хвостов расценил как победу «безответственных влияний» и прежде всего — Г.Е.Распутина. Об этом он говорил депутатам Думы,¹⁷⁸ в том числе В.А.Маклакову,¹⁷⁹ лидеру Прогрессивного блока в Государственном совете М.А.Стаховичу,¹⁸⁰ а 26 февраля — журналистам И.В.Гессену и М.А.Суворину.¹⁸¹

Будучи под впечатлением от дела Б.М.Ржевского, М.В.Родзянко во время встречи с Николаем, состоявшейся 24 февраля, критиковал министров и Г.Е.Распутина. Но царь «как всегда был любезен и приветлив».¹⁸²

Таким образом, в феврале 1916 г. повторяется ситуация лета 1915 г. Уступка Николая Думе, сделанная в рамках дуалистической системы, смягчив оппозиционность нижней палаты на некоторое время, не привела к полному оздоровлению внутривластной атмосферы. Прогрессивный блок по-прежнему ждал от верховной власти замены этой системы парламентаризмом. Более того, некоторые лидеры оппозиции в феврале 1916 г. расценивали дарование «министерства доверия» в качестве средства для достижения другой цели — свержения Николая с престола. Вскоре после состоявшегося 18 февраля выступления в Думе А.Н.Наумова «несколько

человек», являвшихся «заправилами Прогрессивного блока» (в том числе В.Н.Львов), которые «ранее принадлежали к лагерю стойких и убежденных монархистов», предложили А.Н.Наумову «вступить в Прогрессивный блок». Министр земледелия «поставил вопрос ребром» и спросил, намеревается ли блок «учинить государственный переворот». Думцы ответили, что они «действительно задались целью свергнуть с престола “совершенно неспособного” для управления страной Николая II и «отстранить вместе с ним “Александрю Федоровну со всем ее распутинским окружением”». Свергнув монарха, заговорщики планировали сохранить монархию. Однако они считали, что выбор кандидата на престол — «вопрос будущего». Полную эрозию лояльности парламентаристов показывало то, что А.Н.Наумов возражал заговорщикам, исходя не из принципиальных, а чисто прагматических соображений. Министр земледелия полагал, что они не должны «посягать на целость и неприкосновенность лица», занимающего престол, пока «не подысканы и определенно не намечены» его преемники.¹⁸³

Хотя оппозиционность некоторых лидеров Прогрессивного блока начинала окрашиваться в тона революционности, вопрос о роспуске открывшейся Думы или перерыве ее занятий Б.В.Штюрмер не поставил. Тем самым он оказывался в противоречии с черносотенцами, которые были противниками сохранения оппозиционной Думы.¹⁸⁴

Вопреки крайне правым, несмотря на левение нижней палаты, Б.В.Штюрмер начал выполнение программы Прогрессивного блока. С одобрения премьера в феврале — начале марта правительство инициировало законопроект о кооперативах,¹⁸⁵ волостном земстве,¹⁸⁶ реформе земского¹⁸⁷ и городского положений¹⁸⁸ и введении земства в неземских губерниях.¹⁸⁹

Основной предпосылкой координирования деятельности правительства с оппозицией было примирительное отношение к ней со стороны Николая. Это выявила состоявшаяся 3 марта замена А.Н.Хвостова Б.В.Штюрмером.¹⁹⁰ На аудиенции, данной премьеру 29 февраля,¹⁹¹ Николай высказал ему «неудовольствие» А.Н.Хвостовым. Император сообщил, что «просмотрел» списки чинов первых четырех классов и «спросил, — показывал Б.В.Штюрмер, — кого я укажу». Премьер указал на своего близкого друга — председателя группы правых Государственного совета графа А.А.Бобринского.¹⁹² В докладе, составленном 1 марта, Б.В.Штюрмер, помимо кандидатуры графа, в преемники А.Н.Хвостова прочил еще одного назначенного члена верхней палаты группы правых — князя Н.Д.Голицына, а также варшавского губернатора П.П.Стремоухова.¹⁹³ Вопрос о преемнике А.Н.Хвостова Николай решил 2 марта. Он заявил тогда Б.В.Штюрмеру, что «считает более правильным, как было при Столыпине». Николай подразумевал совмещение премьерства с должностью министра внутренних дел. Напутствуя Б.В.Штюрмера, царь высказался за то, чтобы МВД «не возбуждало с Думою никаких столкновений и ссор», т.е. за примирительное отношение к Прогрессивному блоку. Николай поручил Б.В.Штюрмеру заняться, в качестве министра внутренних дел, выполнением тех пунктов программы блока, которые подразумевали создание волостного земства, реформу Городового положения и

распространение земства на неземские губернии. «Мне, — вспоминал Б.В.Штюрмер, имея в виду эти преобразования, — было поручено ими заняться и поставить их во главу угла».¹⁹⁴ Решив назначить премьера руководителем МВД, на обороте его доклада от 1 марта Николай написал: «Танееву — о назначении Б.В.Штюрмера и министром внутренних дел».¹⁹⁵ К этому решению царица была абсолютно непричастна.

В день отъезда царя в Ставку, 2 марта, с мужем Александра Федоровна почти не общалась.¹⁹⁶ О назначении Б.В.Штюрмера министром внутренних дел императрица узнала только 3 марта от А.А.Вырубовой, которой премьер сообщил, что «все теперь в его руках».¹⁹⁷ Тогда же о новой кадровой перемене узнал от нее и Г.Е.Распутин. Выдавая себя за автора назначения Б.В.Штюрмера, старец попытался разыграть перед И.Ф.Манасевичем-Мануйловым роль вершителя судеб России.¹⁹⁸ Делать это Г.Е.Распутину было тем легче, что замена А.Н.Хвостова Б.В.Штюрмером состоялась помимо старца. Царь уведомил Александру Федоровну о назначении премьера лишь 5 марта.¹⁹⁹ Причиной появления Б.В.Штюрмера во главе МВД было не влияние «темных сил», а стремление Николая к соглашению с оппозицией в рамках дуалистической системы. То же самое стремление отличало и премьера. Подтверждением этому стало видение им в товарищи министра внутренних дел А.А.Бобринского.

Оттенив всю важность назначения графа, состоявшегося 25 марта, на заседании Совета министров Б.В.Штюрмер заявил: «Надо его благодарить за готовность отдать себя трудному служению. Хотя жалко лишаться его в качестве лидера правых, но сейчас важно упрочить положение товарища министра».²⁰⁰ Это были не просто красивые слова. Впоследствии из всех товарищей министра внутренних дел Б.В.Штюрмер «чаще всего виделся и советовался с графом Бобринским».²⁰¹ Назначение графа, придерживавшегося, как и Б.В.Штюрмер, умеренно-дуалистических воззрений, не было неким вызовом оппозиции. Это признавали, прежде всего, ее лидеры.²⁰²

Помимо «безответственных влияний» произошло не только обновление руководства МВД, но и состоявшаяся 15 марта замена военного министра А.А.Поливанова главным полевым интендантом генералом Д.С.Шуваевым.

Заявившее о себе уже в начале думской сессии неприятие Б.В.Штюрмера Прогрессивным блоком самым непосредственным образом отразилось на отношении к премьеру членов прогрессивной группы. Парламентаристы идентифицировали себя не с кабинетом, а с оппозицией. После выражения блоком вотума недоверия Б.В.Штюрмеру он лишился авторитета и у парламентаристов. Особой остротой отличались отношения премьера с одним из наиболее активных членов прогрессивной группы — А.А.Поливановым. Политические расхождения генерала с Б.В.Штюрмером отставку А.А.Поливанова сделали вопросом времени.²⁰³

П.Л.Барк и И.Л.Горемыкин еще в октябре 1915 г. в преемники А.А.Поливанова выдвинули через Александру Федоровну помощника военного министра генерала М.А.Беляева.²⁰⁴ Его кандидатуру поддержали М.М.Андроников²⁰⁵ и Г.Е.Распутин.²⁰⁶ Николай намеревался назначить военным министром главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала Н.И.Иванова. Царица

встала на точку зрения мужа, хотя ранее выступала за назначение М.А.Беляева. «Не сомневаюсь, — писала Александра Федоровна Николаю, подразумеваемая Н.И.Иванова, — что сердце всей Думы устремилось бы к “Дедушке”». ²⁰⁷ Мнение Александры Федоровны о Н.И.Иванове Г.Е.Распутин воспроизвел почти дословно, полагая, что «его присутствие в Думе могло бы быть очень полезно». ²⁰⁸ Но с назначением Н.И.Иванова Николай не торопился. Тогда царица снова вспомнила о М.А.Беляеве. ²⁰⁹ Тем не менее преемником А.А.Полливанова оказался личный кандидат императора — Д.С.Шуваев. Его назначение произошло вопреки мнению Александры Федоровны и Г.Е.Распутина. ²¹⁰

Д.С.Шуваев опирался на «благоволение к нему Государственной думы». ²¹¹ Поэтому он пополнил прогрессивную группу кабинета. После январско-мартовских кадровых перемен группа состояла из 8 человек, оппоненты же их, в количестве 4 человек (Б.В.Штюрмер, А.Ф.Трепов, А.Н.Волжин и А.А.Хвостов), были в меньшинстве. ²¹² Доминирование прогрессивной группы Николай сохранял сознательно. Когда после назначения Б.В.Штюрмера премьером А.Н.Наумов подал в отставку, царь ему заявил: «Раз вы в окопах, из окопов во время войны не уходят». П.Н.Игнатьеву, также просившемуся в отставку, самодержец говорил то же самое. ²¹³ Кадровые перемены первой половины 1916 г. сигнализировали, что в русле курса на «священное единение» Николай согласен со всеми пожеланиями Прогрессивного блока, лишь бы они не колебали дуалистической системы слишком явно.

Несмотря на рост оппозиционности думцев, император демонстрировал по отношению к ним несомненное расположение. В середине апреля Николай «приказал Штюрмеру избегать столкновений с Думой». ²¹⁴ Принимая во внимание точку зрения царя, премьер по-прежнему содействовал выполнению программы Прогрессивного блока. В марте—июне правительство Б.В.Штюрмера поддержало законопроекты о ревизии, ²¹⁵ отмене административной гарантии, ²¹⁶ распространении земства в неземских губерниях, ²¹⁷ крестьянском равноправии, ²¹⁸ реформе средней школы, новом университетском уставе, введении всеобщего и обязательного обучения. ²¹⁹ Как министр внутренних дел, Б.В.Штюрмер учитывал и другие пункты программы блока, в частности — об отказе от административной высылки ²²⁰ и уничтожении черты еврейской оседлости. ²²¹

Реальное согласование деятельности правительства с блокистской программой, не нарушающее Основных законов, было краеугольным камнем политики Б.В.Штюрмера. ²²² Стремлению премьера добиться компромисса с блоком отдавали должное и парламентаристы, ²²³ и его лидеры, ²²⁴ которые публично всячески критиковали правительство.

Непримиримость оппозиции, естественно, отражалась на отношении к ней кабинета, но только в области ритуала. Фиксируя суждения, прозвучавшие на заседании Совета министров 26 апреля, А.Н.Яхонтов записал: «Десятилетие Думы — 27 апреля. Вопрос о приветствии. Игнорировать. Это не юбилей». ²²⁵

В области практики готовность Б.В.Штюрмера идти навстречу Думе, не нанося ущерба дуалистической системе, была бесспорной. Готовность эта имела тем большее значение, что в корне противоречила рекоменда-

циям черносотенцев. Они продолжали настаивать на немедленном роспуске IV Думы и отсрочке выборов в новую Думу до конца войны. ²²⁶ Со стороны Б.В.Штюрмера рекомендации крайне правых по-прежнему никакого отклика не находили. Принципиальное неприятие премьера встречали и планы черносотенцев, нацеленные на лишение Думы ее законодательных полномочий. ²²⁷

Если крайне правые на политику Б.В.Штюрмера никакого влияния не оказывали, то влияние на нее Прогрессивного блока было стабильным. Солидаризирование премьера с оппозицией детерминировало отказ Б.В.Штюрмера от мер, необходимость которых ему представлялась очевидной. Характерно отрицательное отношение премьера к вопросу о милитаризации заводов. Б.В.Штюрмер находил, что «на время войны фабрики должны быть милитаризованы». Но он полагал, что «пока заседает Дума, это невозможно». ²²⁸ Когда 25 апреля социалист А.Тома посоветовал Б.В.Штюрмеру «милитаризовать рабочих», премьер воскликнул: «Милитаризовать наших рабочих! Да в таком случае вся Дума поднялась бы против нас». ²²⁹

Ориентируясь на оппозицию, Б.В.Штюрмер отказывался и от мер, которые были вполне целесообразными даже с точки зрения европейских демократий, но могли вызвать недовольство Думы. Это предопределило отрицательное отношение премьера к вопросу об ужесточении цензуры. Огромная роль оппозиционной печати в усилении антиправительственных настроений не вызвала у него сомнений. ²³⁰ Средством нейтрализации оппозиционной печати могло бы стать введение предварительной цензуры. Во всеподданнейшем докладе, относящемся к июню, Б.В.Штюрмер указывал, что «на Западе, например, во Франции, ни правительство, ни сами органы печати не остановились перед этой мерой». Но царский премьер, в отличие от западноевропейских лидеров, был противником предварительной цензуры, поскольку ее введение «едва ли не вызвало бы недовольства в обществе». Б.В.Штюрмер выступил за то, чтобы отношение власти к печати покоилось «на твердой почве» «законных полномочий». ²³¹

Ориентация мягкого дуалиста Б.В.Штюрмера на оппозицию привела к тому, что вмешательство Думы в не подлежащую ее компетенции сферу верховного управления, по сравнению с эпохой жесткого дуалиста И.Л.Горемыкина, неизмеримо возросло. Тенденцию, связанную с увеличением удельного веса Думы в политической системе старого порядка, выявила ликвидация Совещания пяти министров, которое занималось координацией снабжения армии и тыла.

Работавшие в составе Особого совещания по обороне члены Прогрессивного блока в начале мая поручили М.В.Родзянко передать Б.В.Штюрмеру, что «если Совещание пяти не будет упразднено», то все они «подадут мотивированную отставку». Выдвигая подобный ультиматум, законодатели превышали свои полномочия. Тем не менее Б.В.Штюрмер поспешил заявить М.В.Родзянко, что «тоже находит существование Совещания пяти незаконным и доложит об этом государю». ²³²

Примирительная реакция Б.В.Штюрмера объяснялась тем, что в мае, как и в начале своего премьерства, он пытался добиться компромисса с оппозицией через неформальное общение правительства с лидерами

Прогрессивного блока. С этой целью премьер организовал обед для министров и членов законодательных учреждений. Данное мероприятие М.В.Родзянко трактовал как «попытку Штюмера соединить общественные круги с правительством». Чтобы пригласить председателя Думы, премьер явился к нему самолично. «Пожалуйста, приезжайте, — сказал Б.В.Штюмер М.В.Родзянко, — будут некоторые ваши товарищи по Думе, постараемся соединиться, так как дело из рук вон плохо. Пожалуйста, запросто, на Фонтанку». Обед состоялся 12 мая в резиденции Б.В.Штюмера по должности министра внутренних дел. М.В.Родзянко использовал обед не для сближения оппозиции с правительством, а для их дальнейшего разъединения. Председатель Думы говорил по адресу кабинета «много неприятных вещей». Несмотря на непримиримое отношение М.В.Родзянко к правительству, после обеда Б.В.Штюмер показал ему «все документы»,²³³ т.е. все секретные бумаги, оформившие создание Совещания пяти.

Во время встречи премьера с императором, состоявшейся 21 мая в Ставке, Николай, по представлению Б.В.Штюмера, упразднил Совещание, возложив его функции на кабинет в полном составе. Необходимость этого премьер мотивировал, однако, не ходатайством М.В.Родзянко, а, так сказать, соображениями высшего порядка. На докладе премьера царь наложил резолюцию: «Нахожу это настоятельно необходимым».²³⁴

В ходе заседания правительства 24 мая неожиданная ликвидация Совещания пяти была одобрена. За нее высказался даже председатель Совещания А.Ф.Трепов. Делая хорошую мину при плохой игре, он заметил: «Правильно, ибо совещание не имело реальной власти».²³⁵ Позиция министра путей сообщения показательна тем более, что подготовка ликвидации Совещания произошла в полной тайне от его председателя. Даже после того, как Николай наложил соответствующую резолюцию, А.Ф.Трепов об этом ничего знал. Еще 23 мая он официально уведомлял Б.В.Штюмера, что очередное заседание уже не существовавшего Совещания переносится с 25 на 30 мая.²³⁶ Не слишком церемонное отношение премьера к А.Ф.Трепову сделало его врагом Б.В.Штюмера. Но это выявилось несколько позже. Пока же дела, входившие в компетенцию упраздненной коллегии, правительство, в полном соответствии с пожеланиями оппозиционеров, решило рассматривать в особых совещаниях.²³⁷

Примирительное отношение премьера к Прогрессивному блоку проявилось и при решении вопроса о перерыве занятий нижней палаты. В начале мая опасность, исходившая от оппозиционной Думы, была для премьера слишком очевидной, заставляя его беспокоиться о закрытии законодательных учреждений на летние вакации через месяц.²³⁸

Во всеподданнейшем докладе от 7 июня Б.В.Штюмер обвинил оппозицию в желании внушить обществу, что Дума «исполнена лучших намерений, но что она не в состоянии ничего практически осуществить, ибо правительство, опасаясь вообще всяких преобразований, ведет постоянную борьбу с прогрессивными течениями общественной мысли».²³⁹ По мнению Б.В.Штюмера и императора, утвердившего всеподданнейший доклад, все обстояло как раз наоборот. Правительство совсем не опа-

салось «всяких преобразований» и не вело «постоянную борьбу с прогрессивными течениями», будучи за преобразования и соглашение с прогрессивными течениями. Важность этого признания обуславливается тем, что оно было сделано не для публики, а в документе, не предназначенном к печати.

Если Б.В.Штюмер и вел борьбу с чем-либо, то только с попытками членов Прогрессивного блока слишком явно выйти за рамки дуалистической системы, размывая границы между законодательством и управлением.²⁴⁰ Отличие габитуса таких умеренных дуалистов, как Б.В.Штюмер, от габитуса парламентаристов и лидеров оппозиции заключалось не в том, что премьер являлся противником участия законодателей в качестве членов особых совещаний в управлении, а в том, что законы, которые регулировали это участие, понимались им не расширительно, а буквально, в полном соответствии с консервативно-либеральным дискурсом.

Во всеподданнейшем докладе от 7 июня Б.В.Штюмер писал, что «общее течение дел в законодательных учреждениях представляется сложным и требующим особого к себе внимания и неослабного наблюдения». Для разрешения обострившейся ситуации премьер, однако, прибег не к репрессиям, а к переговорам с М.В.Родзянко. Б.В.Штюмер указал председателю Думы, «в какой мере необходимо теперь же принять меры к тому, чтобы обращающие на себя внимание нежелательные проявления думской деятельности были приостановлены в самом начале, пока они не успели разрастись». М.В.Родзянко согласился с доводами премьера. Поэтому, несмотря на признанную им опасность от заседаний оппозиционной Думы, Б.В.Штюмер пришел к выводу, что роспуск законодательных учреждений на каникулы «может состояться в двадцатых числах июня и притом без необходимости прибегать к каким-либо чрезвычайным мерам». Николай согласился с премьером, написав на его докладе 10 июня: «Роспуск законодательных учреждений может состояться 20—22-го июня, но не позже». После выяснения с М.В.Родзянко «тех законопроектов, проведение которых в текущую сессию представляется необходимым, оказалось, — докладывал Б.В.Штюмер императору 12 июня, — что проекты эти могут быть закончены рассмотрением в течение одной недели».²⁴¹

В результате, по согласованию с М.В.Родзянко, срок перерыва работы Думы Б.В.Штюмер отодвинул далее срока, запланированного им ранее (начало июня). В результате прекращения думских занятий последовало тремя неделями позже — 20 июня, с тем чтобы их возобновление произошло 1 ноября 1916 г. Готовность М.В.Родзянко даже к маленькому компромиссу ввергла премьера в состояние эйфории. По окончании сессии нижней палаты, 21 июня, Б.В.Штюмер заявил А.Н.Наумову: «Вы видите, какие с Государственной думой хорошие отношения налаживаются, я иначе не могу назвать эти отношения с Государственной думой, как симфонией».²⁴²

Таким образом, умеренные дуалисты при проведении политики «священного единения» фактически выходили за границы дуалистической системы, внедряя в политическую практику старого порядка элементы

парламентаризма. Предпосылкой левения дуалистов была, с одной стороны, примирительная позиция Николая, чей политический курс, подразумевавший достижение компромисса с Думой на его условиях, т.е. на почве конституции 1906 г., пролегал между дуалистической и парламентарной системами. С другой стороны, левение дуалистов обусловила прогрессивная группа, члены которой, парламентаристы, идентифицируя себя не с правительством, а с оппозицией, также выступали за соглашение с ней, но уже на ее условиях.

3. «Пышные речи». Назначенные члены Государственного совета и Прогрессивный блок в первой половине 1916 г.

После присоединения к Прогрессивному блоку Государственного совета царь не только не разочаровался в лордах, но и по-прежнему стремился к соглашению с оппозиционной частью верхней палаты на базе Основных законов.²⁴³ Доказательством этого стали взаимоотношения Николая с одним из лидеров группы центра П.М. фон Кауфманом-Туркестанским. Парламентаристские симпатии П.М. фон Кауфмана были достаточно давними.²⁴⁴ Тем не менее именно его 10 декабря 1915 г. царь назначил на пост главноуполномоченного Российского общества Красного Креста при Ставке. Прибытие П.М. фон Кауфмана в Могилев состоялось 15 января 1916 г.²⁴⁵

Леволлиберальные взгляды П.М. фон Кауфмана не помешали его сближению с Николаем. Он относился к этому сановнику «сердечно и с уважением», поскольку «любил и уважал» его.²⁴⁶ К началу 1916 г. авторитет П.М. фон Кауфмана в глазах императора стоял настолько высоко, что именно ему Николай поручил составление проекта речи, с которой намеревался выступить перед депутатами Думы.

Проект П.М. фон Кауфмана сопровождала его приписка: «Вот что, примерно, можно бы сказать Его величеству при личном открытии Государственной думы». Несомненная либеральность отличала содержащийся в проекте призыв императора к думцам «не медля, в дружном сотрудничестве с Государственным советом и Императорским правительством», представлять на утверждение монарха законы, которые «необходимы для доведения войны до победного конца и для удовлетворения явно назревших неотложных потребностей народной жизни». Приведенные слова должны были свидетельствовать о солидарности Николая с Прогрессивным блоком и его программой реформ. Речь императора, произнесенная им на самом деле, оказалась более компактной. Это не ускользнуло от внимания самого П.М. фон Кауфмана, отметившего на полях проекта: «Государь сказал при открытии Думы 9 февраля 1916 г. короче».²⁴⁷

К числу тех, кто поддержал Николая в его намерении посетить нижнюю палату, принадлежал не только лидер оппозиции, но и председатель правой группы граф А.А.Бобринский.²⁴⁸

Помимо Думы, 9 февраля Николай посетил и верхнюю палату.²⁴⁹ Посещение царем законодательных учреждений получило положительную оценку со стороны как парламентаристов, так и дуалистов. Они, подобно

Николаю, были сторонниками компромисса с Прогрессивным блоком на условии сохранения дуалистической системы. Назначенный член правой группы адмирал Е.И.Алексеев, отметив 10 февраля, что посещение царем Думы и Государственного совета «является добрым предзнаменованием», записал: «Можно надеяться, что правительство пойдет навстречу Думе и Совету».²⁵⁰

Шагом навстречу оппозиции стала декларация Б.В.Штюрмера, зачитанная им в обеих законодательных палатах. Понижению оппозиционности лордов она не способствовала. Помощник по гражданской части варшавского генерал-губернатора Д.Н.Любимов, посетивший 9 февраля обе палаты, сообщил А.В.Кривошеину, что «насколько был удачен приезд государя и в Думу и в Государственный совет, настолько бледно и неудачно было выступление министерства». «Незначительная и при чтении, имеющая вид отписки, — писал Д.Н.Любимов, — декларация была прочитана Б.В.Штюрмером для себя. С места, где я находился, буквально ни одного слова не было слышно. Чтение его, да и сообщения военного министра и министра иностранных дел, сильно напоминало чтение “часов” пред обеднею. Особенно это имело вид в Государственном совете; входили, выходили, разговаривали, точно ждали, когда кончатся “часы” и начнется обедня. Но чувства раздражения я не заметил, скорее апатия и злорадство».²⁵¹

Столь же плохим оратором, как Б.В.Штюрмер, являлся и А.В.Кривошеин.²⁵² Однако то, что радикально-либеральная оппозиция простила своему стороннику, она не простила консервативному либералу. Лидеры группы центра и левых барон В.В.Меллер-Закомельский и Д.Д.Гримм выразили премьеру вотум недоверия. Лидер КВО граф В.Н.Кокорцов солидаризировался с оппозицией.²⁵³

Б.В.Штюрмер не был бы консервативным либералом, если бы его политика встретила критику только слева. Члены Прогрессивного блока упрекали премьера в недостаточной либеральности, черносотенцы же вменяли ему в вину недостаточную консервативность. Упреки в этом адресовал Б.В.Штюрмеру, в связи с речью Д.Д.Гримма, председатель Астраханской народной монархической партии Н.Н.Тиханович-Савицкий.²⁵⁴

Б.В.Штюрмера поддержали только группы правого центра и правых. Ортодоксальные дуалисты перспективы блока расценивали скептически. «Государственная дума, — писал назначенный член правой группы барон Р.А.Дистерло А.В.Кривошеину, — тешится бесконечными речами против правительства и видит в Прогрессивном блоке спасение России. Удивляюсь таким тонким и умным людям, как Шульгин, что он может защищать этот Блок».²⁵⁵ Пессимизм дуалистов объяснялся тем, что с февраля 1916 г., по причине доминирования Прогрессивного блока не только в Думе, но и в Государственном совете, народное представительство функционировало в режиме однопалатной системы, что противоречило провозглашенному в Основных законах принципу двухпалатности.

Ключевая роль, сыгранная назначенными членами в установлении однопалатной системы, видна на примере такого парламентариста, как В.Н.Кокорцов. Когда в начале 1916 г. он оказался, вместо князя Б.А.Васильчикова, председателем КВО, то эта группа «фактически стала близ-

кой к Левой группе»,²⁵⁶ которая ориентировалась на кадетов — наиболее принципиальных адептов парламентаризма. В качестве председателя КВО граф приобрел репутацию лидера Прогрессивного блока в масштабе всей верхней палаты. Главой блока в Государственном совете, подчеркивал Б.В.Штюрмер во всеподданнейшем докладе от 7 июня 1916 г., «должно признать графа Коковцова, официально числящегося в Группе беспартийных, но, по личным своим теперешним настроениям, всеми суждениями и действиями примыкающего к числу особенно непримиримых сторонников Прогрессивного блока».²⁵⁷

Превращение графа в лидера оппозиции детерминировалось его предшествовавшей карьерой.²⁵⁸ В эмиграции В.Н.Коковцов от какой-либо причастности к Прогрессивному блоку усиленно открещивался. По его признанию, в годы войны он «старался быть совершенно в стороне от всякого оппозиционного движения», «никогда и ни в чем» не проявляя своего «опозиционного настроения», которого в нем «и вовсе не было».²⁵⁹ Но граф явно, и довольно неловко, грешил против истины. Уклониться от участия в оппозиции В.Н.Коковцов не мог именно как председатель КВО.

Возглавляя группу Государственного совета, входившую в состав Прогрессивного блока, граф развил бурную оппозиционную деятельность. Ее засвидетельствовали не только такие оппоненты блока, как, вероятно — не вполне беспристрастный, Б.В.Штюрмер, но и парламентаристы. Подразумевая В.Н.Коковцова, министр народного просвещения граф П.Н.Игнатьев сообщал А.В.Кривошеину 17 февраля: «Он теперь председатель Группы беспартийных, вместо Васильчикова. И блаженствует! Повидимому, он хочет в Совете играть роль. Свою группу (счетом около 20 человек, а собирается около десятка) он совершенно замучил, постоянно собирая на вечерние заседания и заставляя выслушивать свои доклады на разные темы! Думается мне, что кое-кого из Центра ему удастся к себе переманить (из числа назначенных членов). Если это совершится, его роль в Совете будет значительная, так как и от Нейдгарта кое-кто отколетя и тогда между двумя флангами он станет действительным Центром (роль октябристов)».²⁶⁰

Мировоззрение В.Н.Коковцова и других оппозиционно настроенных лордов раскрыли рассуждения близкого к КВО министра иностранных дел С.Д.Сазонова, высказанные им 5 февраля 1916 г. во время беседы с французским послом Ж.М.Палеологом. На его вопрос о том, «как же может император согласовать свое самодержавие с принципами конституционной монархии, сторонником которой вы являетесь», С.Д.Сазонов стал «с жаром» объяснять: «Но сам же император установил пределы своего самодержавия и ограничил его, издав в 1906 г. Основные законы». Предлагая разобраться в сущности царского титула, С.Д.Сазонов напомнил: Иван III «принял титул царя-самодержца для того, чтобы показать, что Великое княжество Московское отныне стало суверенным и независимым, свободным от платежа дани татарскому хану». «Впоследствии, — полагал С.Д.Сазонов, — титул самодержавного царя включил в себя идею абсолютного неограниченного полновластия, полного и бесконтрольного деспотизма». Точка зрения министра иностранных дел полностью со-

впадала с воззрениями лидеров оппозиции. Воззрениям этим соответствовали и взгляды С.Д.Сазонова на природу царской власти. Основные законы 1906 г., по его мнению, ограничили самодержавие указанием на то, что «император осуществляет законодательную власть в согласии с Государственным советом и с Государственной думой». В результате этого «русский народ сам стал одним из органов, управляющих государством, а царский режим, оставаясь при божественном своем происхождении, приблизился к правовому строю современных государств». Итак, С.Д.Сазонов и его единомышленники, рассматривая Основные законы в качестве предпосылки народовластия и парламентаризма, считали, что ими самодержавие ограничено не только в законодательстве, но и в управлении. На вопрос Ж.М.Палеолога, сохранили ли Основные законы титул «самодержец» «лишь для того, чтобы соблюсти престиж верховной власти», С.Д.Сазонов ответил: «Да, приблизительно так».²⁶¹

Понимание самодержавия как титула предопределило не только поддержку парламентаристами Прогрессивного блока, но и их содействие фактическому введению однопалатной системы. Существование этой системы доказало прохождение через Государственный совет законопроекта о подоходном налоге.²⁶² Имея «небольшое финансовое значение», данный законопроект во время войны приобрел исключительно «политическое значение».²⁶³ Введение подоходного налога, подразумевавшееся программой Прогрессивного блока, продемонстрировало бы, по мысли царя, его полную готовность идти навстречу оппозиции во всем, что не касалось установления парламентаризма. Николай выразил Б.В.Штюрмеру желание, чтобы вопрос о подоходном налоге «был рассмотрен без замедления».²⁶⁴

Давая понять оппозиции о своем согласии с необходимостью принятия законопроекта о подоходном налоге, при посещении 2 февраля Министерства финансов Б.В.Штюрмер заявил: «Война с ее огромными расходами требует огромного напряжения народных сил и средств, что возлагает на Министерство финансов обязанность направить это напряжение в русло, наиболее выгодное для общего хода хозяйства народного и хозяйства государственного».²⁶⁵

Вместе с умеренными дуалистами участие в судьбе законопроекта о подоходном налоге приняли парламентаристы. Когда законопроект поступил из Думы в верхнюю палату, государственный контролер Н.Н.Покровский, ранее являвшийся членом КВО, попросил у В.Н.Коковцова содействия для проведения законопроекта в думской редакции, т.е. в редакции Прогрессивного блока. О том же попросил В.Н.Коковцова и покровительствовавший блоку А.Н.Куломзин.²⁶⁶ Обращение за содействием к лидеру оппозиции в верхней палате было крайне необходимо. Группа правых вела кампанию за провал думской редакции законопроекта. В.Н.Коковцов не замедлил откликнуться на обращенные к нему просьбы. «В Государственном совете идет подоходный налог, — сообщал П.Н.Игнатьев А.В.Кривошеину. — Можно не соглашаться с ним, но прекрасную речь сказал Коко... Если теперь проползет через Совет подоходный налог, то только благодаря его группе, которая решила поддерживать закон.

За ними потянутся и кое-кто из Правой группы (больше военных). Завтра — будет решаться».²⁶⁷ Кроме графа, в пользу немедленного принятия законопроекта высказались еще два назначенных члена КВО — С.И.Тимашев и А.Ф.Кони.

Решающее сражение между дуалистами и парламентаристами состоялось 18 февраля, когда ожидалось голосование по вопросу о том, переходить ли к постатейному обсуждению законопроекта, или же, как настаивала правая группа, передать его в комиссию для нового рассмотрения. «Пишу тебе, — обращался в этот день к А.В.Кривошеину Р.А.Дистерло, — в заседании Государственного совета, в котором уже третий день идут общие предложения по подоходному налогу. Сегодня, вероятно, будет голосование нашего предложения о передаче проекта в комиссию и мы, вероятно, провалимся... Жаль, что тебя нет в этих заседаниях. Были пышные речи Кони и Кокцовца и бесконечное, с ненужными мелочами, выступление Щегловитова... В речах много язвительности и личных нападок».²⁶⁸

Для того чтобы хоть как-то оттянуть утверждение законопроекта, правая группа предложила передать его в комиссию с указанием если не бессрочного, то, по крайней мере, 30-дневного периода ее работы. С целью нейтрализовать уловку правых назначенный член группы центра Н.С.Таганцев выдвинул идею поименного голосования, и его предложение было принято. За передачу законопроекта в комиссию высказалось 53 голоса, а против — 90 голосов.²⁶⁹ Это и предрешило одобрение думской редакции законопроекта верхней палатой в целом.

Деятельность таких парламентаристов, как В.Н.Кокцов, А.Ф.Кони, Н.С.Таганцев и С.И.Тимашев (все они, кроме Н.С.Таганцева, принадлежали к КВО), впервые со времени создания Думы привела к тому, что Государственный совет перестал выступать в качестве тормоза законодательного процесса. КВО перехватил у группы правого центра роль регулятора законодательного процесса, что свидетельствовало о дальнейшем полевении верхней палаты.

Принятию законопроекта о подоходном налоге, помимо назначенных членов Прогрессивного блока, содействовал и Б.В.Штюрмер. Тем самым премьер явил доказательство того, что к компромиссу с оппозицией он стремится не только на словах. По инициативе Б.В.Штюрмера входившие в состав Государственного совета министры проголосовали вместе с оппозиционерами против передачи законопроекта в комиссию. «Штюрмер, — сокрушался Р.А.Дистерло, — так недавно еще бывший сторонником переработки проекта, теперь мобилизовал весь кабинет для голосования против комиссии».²⁷⁰ За принятие думской редакции законопроекта, вопреки мнению правой группы, голосовали и другие ее члены, в частности — генерал А.Ф.Редигер.²⁷¹ Очевидно, что осуществление одной из наиболее демократических реформ, каковой было введение подоходного налога, предрешили не только парламентаристы, но и умеренные дуалисты с Б.В.Штюрмером во главе.

Факт того, что премьер пошел навстречу Прогрессивному блоку, привел к разочарованию в нем ортодоксальных дуалистов. «Правительство — никогда еще [его] лицо не было более тускло и неопределенно, — писал

Р.А.Дистерло А.В.Кривошеину. — Штюрмер преследует одну, к сожалению, недостижимую цель — всем нравиться. Это удастся иногда ловким кокеткам. Для правительства же прием опасный. Долго это продолжаться не может и вскоре оно будет оставлено всеми. И кто теперь более представляет правительство — А.Н.Хвостов или Н.Н.Покровский?»²⁷²

Уже через месяц после назначения Б.В.Штюрмера на совещании членов правой группы Государственного совета и правой фракции Думы было признано, что «нынешнее правительство не отвечает запросам, предъявляемым правыми к государственной власти». Вследствие такого заключения участниками совещаний было «решено выставить и проводить кандидатуру на пост председателя Совета министров — Танеева и на пост министра внутренних дел — Муратова».²⁷³ Недовольство Б.В.Штюрмером ортодоксальных дуалистов, не говоря уже о черносотенцах, лишней раз доказывало, что политика, подразумевавшая не строгое соблюдение дуалистической системы, а привнесение в нее ради компромисса с оппозицией элементов парламентаризма, проводилась им на деле.

Нейтрализации критики Б.В.Штюрмера членами правой группы способствовало пребывание во главе нее друга премьера, графа А.А.Бобринского. Впрочем, уже 25 марта последовало назначение его товарищем министра внутренних дел.

Преемником А.А.Бобринского на посту председателя группы правых стал И.Г.Щегловитов, признанный лидер консервативно-либерального крыла бюрократической элиты. Будучи министром юстиции, среди дуалистов он занял положение «настоящего вождя, которому подчинялись его единомышленники как в Совете министров, так и в высшей палате».²⁷⁴

Консервативно-либеральный характер щегловитовского габитуса выявился в ходе его беседы с Ж.М.Палеологом, состоявшейся 6 января 1915 г. Раз император, полагал И.Г.Щегловитов, «олицетворяет не только верховную власть, но еще религию и родину», то «вне царизма нет спасения, потому что нет России». Мысль И.Г.Щегловитова циркулировала в рамках уваровской триады. Но это не означало признания юридической неограниченности царя, который трактовался И.Г.Щегловитовым как самый главный элемент исключительно мистического ритуала. «Царь, — утверждал И.Г.Щегловитов, — есть помазанник Божий, посланный Богом для того, чтобы быть верховным покровителем церкви и всемогущим главой Империи». Выступая с позиций мистически окрашенного национал-либерализма, И.Г.Щегловитов отвергал идеи народовластия и парламентаризма. «Конституционный либерализм, — говорил И.Г.Щегловитов, подразумевая радикальный либерализм, — есть скорее религиозная ересь, чем химера или глупость. Национальная жизнь существует только в рамке из самодержавия и православия». Признавая, что «политические реформы необходимы», И.Г.Щегловитов исходил из того, что они «могут совершиться только в духе самодержавия и православия».²⁷⁵

Ортодоксальный характер консервативно-либеральных воззрений И.Г.Щегловитова предопределил неприятие им излишне мягкого отношения к радикально-либеральной оппозиции.²⁷⁶ В то же время консервативно-либеральные воззрения И.Г.Щегловитова заставляли его дистан-

цироваться как от левых, так и от черносотенцев. Их интересы он учитывал «постольку, поскольку это отвечало его желаниям»,²⁷⁷ а потому — чаще всего не учитывал вообще. Показательна реакция И.Г.Щегловитова на письмо к нему Н.Н.Тихановича-Савицкого. Помимо И.Г.Щегловитова, оно было послано П.Ф.Булацелю, Н.А.Маклакову, К.Н.Пасхалову, А.И.Соболевскому и Л.А.Тихомирову. В письме содержался призыв исправить Основные законы и положения о Думе и Государственном совете, преследуя цель «отделения законодательства и управления, проводимых в порядке верховного управления (где власть государя действует непосредственно), от таковых же, проводимых в обычном порядке». Иными словами, Н.Н.Тиханович выступал за низведение Думы до законосовещательного органа. «Если Щегловитов и др., — писал Н.Н.Тиханович Н.Н.Родзевичу, — ничего не сделают, в чем я почему-то уверен, то мы обойдемся своими силами».²⁷⁸ Предчувствия не обманули Н.Н.Тихановича — от какого-либо участия в его затее И.Г.Щегловитов отказался. Неудивительно, что отношение к нему крайне правых было полно скептицизма. «Щегловитов, — сообщал К.Н. Пасхалов Н.Н.Родзевичу 22 апреля, — выдохся, не зарядившись».²⁷⁹

По причине своего прагматизма, доходившего порой до беспринципности, И.Г.Щегловитов не пользовался и симпатиями ортодоксальных дуалистов. По поводу его превращения в самого влиятельного лидера правой группы Р.А.Дистерло писал А.В.Кривошеину, что И.Г.Щегловитов «действительно, не к моей, впрочем, радости, приобретает преобладающее влияние в нашей группе».²⁸⁰ Если по вопросам внутренней политики между назначенными членами правой группы существовали разногласия, то по вопросам внешней политики всех их, даже бывших германофилов, объединяло стремление к максимальному использованию победы России над Германией и ее союзниками.

Внешнеполитическую программу консервативно-либерального крыла петроградского истеблишмента в апреле 1916 г. выразил обер-егермейстер И.П.Балашев. По его мнению, «положение России на всей ее западной границе и на южной станет неуязвимым», если «ныне же, — т.е. пока еще теперешние наши союзники в нас нуждаются и не успели сговориться с нашими врагами, — заключить с Англией и Францией крепкий письменный договор». Он, полагал И.П.Балашев, должен был обязать Англию и Францию согласиться на присоединение к Российской империи европейских земель Турции (в том числе Константинополя и проливов, полосы по азиатскому побережью от Черного до Эгейского моря вместе с островами против Дарданелл), западного побережья Черного моря (в том числе полосы земли, соединяющей Бессарабию с приобретениями России в Болгарии), а также Галичины, Буковины и Угорской Руси. Согласно плану И.П.Балашева, северная и восточная часть Турции подлежала протекторату России (с подчинением ей военных сил султана, как российского вассала), Персия — разделу между Англией и Россией, концессии Германии и Австро-Венгрии в Турции — распределению между Россией, Англией и Францией. Самый сокрушительный удар, по мысли И.П.Балашева, победа Антанты должна была нанести Германской импе-

рии. Она, наряду с Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, подверглась бы расчленению на составные части, с образованием нескольких самостоятельных государств — Ганновера, Касселя, Нассау, вольных городов и т.д. Восточная Пруссия по Вислу и все крепости от Данцига и Торна до Кракова вошли бы в состав России.²⁸¹ Война заставила тех дуалистов и черносотенцев, которые до нее разделяли германофильские взгляды, забыть их раз и навсегда.

Наоборот, и в 1916 г. парламентаристы по-прежнему были не чужды как германофильства, так и пацифизма. Характерна в этой связи фигура барона Р.Р.Розена, назначенного члена группы центра. Еще в 1912 г. он подготовил записку, мотивировавшую необходимость переориентации внешней политики России с Англии на Германию. Предпосылку переориентации Р.Р.Розен видел в отказе бюрократической элиты от славянофильства и панславизма. «Россия не нуждается в славянстве» и «славянство не нуждается в России», полагал барон, а потому «не может быть и речи о единении славянства под главенством России». Призывая «отречься от поклонения фетишу великой славянской идеи» и рассматривать отношения России с Австрией «под совершенно иным углом зрения», Р.Р.Розен приходил к выводу, что «вся цель нашей политики может заключаться только в том, чтобы поддерживать и укреплять возможно более дружественные с ней отношения, не менее важные, чем такие же отношения с Германиею». Барон полагал необходимым отречься не только от славянофильства и панславизма, но и от мысли, согласно которой Константинополь и проливы являются «ключом от нашего дома».

Признавая существенный интерес России в том, чтобы «проливы всегда, и в мирное и в военное время, оставались свободными для торгового мореплавания», Р.Р.Розен, однако, считал, что достигнуть этого можно не присоединением Босфора и Дарданелл к России, а «лишь путем нейтрализации их, наподобие нейтрализации Суэцкого канала, под гарантией всех великих держав». С учетом изложенной точки зрения, подчеркивал барон, участие России в Антанте не соответствовало «истинным интересам России». Кроме того, «равновесие сил, создавшееся вследствие заключения франко-русского союза, является действительной угрозой миру, а отнюдь не предохранением от опасности его нарушения». Антигерманская политика, считал Р.Р.Розен, абсолютно неприемлема еще и потому, что столкновение с Германией в случае победоносного исхода «не может дать России ничего, в случае же поражения грозит ей потерю ее западных окраин, иначе сказать, расчленением Империи».

Партнерство России и Германии «обеспечивало бы за ними сообща “гегемонию” на обоих материках и должно бы было, казалось, быть одинаково желательным и для России». Вообще, писал Р.Р.Розен, «интересам всех континентальных держав, и в том числе Франции не менее, чем Германии, скорее соответствовало бы соединенными силами составить противовес английскому господству над морями». Поскольку избежать войны России и Германии «требуют самые существенные интересы наши», ее, по мысли Р.Р.Розена, могли желать «одни лишь внутренние враги России, в надежде на погром нашего военного могущества, мечта-

ющие о низвержении существующего строя и расчленении Империи».²⁸²

С началом войны Р.Р.Розен, отложив свою внешнеполитическую программу в сторону, обратился к внутренней политике, выступая за радикальную либерализацию правительственного курса. В начале войны, записал П.Н.Милюков 17 апреля 1916 г., «идея Р.Р.Розена» состояла в том, что царь должен был «дать: 1) признание конституции, 2) автономии Польши, 3) автономии Финляндии и 4) равноправие евреев».²⁸³

После приобретения войной затаенного характера Р.Р.Розен опять обратился к своей внешнеполитической программе, которую, естественно, он не мог объявить в полном объеме. Тем не менее на заседании Государственного совета 22 августа 1915 г. с откровенностью, максимально возможной для человека его положения, барон заявил: «Для всякого желающего и способного трезво смотреть на вещи — не только у нас, но и в лагере наших противников — не может не быть ясным, что в этой мировой борьбе народов ни одной из борющихся сторон не удастся сокрушить другую».²⁸⁴

В марте 1916 г. Р.Р.Розен предпринял практические шаги, направленные на переориентацию внешней политики России если не на Германию, то на приемлемый для нее всеобщий мир. Именно это подразумевала записка барона, адресованная министру двора графу В.Б.Фредериксу для передачи царю. В ней Р.Р.Розен предлагал послать его частным образом в США «для пропагандирования вопроса о воздействии» Штатов «на капитуляцию Германии».²⁸⁵ По сути дела, Р.Р.Розен, записал П.Н.Милюков 17 апреля 1916 г., мечтал «о лиге нейтральных для посредничества (“капитуляция” Германии)».²⁸⁶ Характерно, что слово «капитуляция» П.Н.Милюков закавычил. Очевидно, план барона если и подразумевал капитуляцию Германии, то не безусловную, а почетную, тем более что одиннадцать лет назад именно благодаря посредничеству США и при участии Р.Р.Розена русско-японская война закончилась подписанием Портсмутского договора, почетного не только для победительницы, но и для побежденной. К записке прилагалось интервью Р.Р.Розена американским корреспондентам и письмо к нему президента Т.Рузвельта, по инициативе которого была созвана Портсмутская конференция.

В.Б.Фредерикс передал записку Николаю 2 марта. Прочитав ее, царь, информировал Р.Р.Розена министр двора, «изволил отнестись сочувственно к высказанным Вами предположениям, предварительно же окончательного решения этого вопроса желал бы выслушать доклад по сему министру иностранных дел». Ответ императора фактически был отказом, поскольку С.Д.Сазонов являлся заведомым противником мира, что и показала состоявшаяся 7 марта встреча барона с министром. С.Д.Сазонов заявил, что «не одобряет» предположений Р.Р.Розена. Поэтому они «должны быть оставлены». Барон, однако, надеялся, что в ходе всеподданнейшего доклада С.Д.Сазонова Николай не придаст аргументам докладчика решающего значения. «Конечно, — писал Р.Р.Розен С.Д.Сазонову, — я с Вами согласен в том, что моя идея должна быть оставлена потому, что Вы, как ответственный министр иностранных дел, этой идеи не одобряете. Но я просил бы Вас при докладе об этом оттенить, что я вовсе от своей идеи не отказыва-

юсь, ибо она явилась у меня плодом не минутного увлечения, а долгого размышления».²⁸⁷ В конечном итоге взгляды царя на предложение Р.Р.Розена совпали со взглядами на это дело С.Д.Сазонова.

Впоследствии воплощение своего плана Р.Р.Розен связывал не столько с императором, сколько с Думой. Барон послал ее председателю соответствующее письмо. Позднее, 17 апреля 1916 г., Р.Р.Розен, будучи коллегой П.Н.Милюкова по делегации законодательных учреждений, посещавшей союзные и нейтральные страны в течение апреля — июня 1916 г., читал ему ответ М.В.Родзянко. Судя по всему, этот ответ оказался отрицательным.²⁸⁸ Однако Р.Р.Розен открыто заявлял о своих пацифистских воззрениях и в дальнейшем. Так, на пути в Англию барон заметил Б.А.Энгельгардту, что П.Н.Милюков напрасно «много говорит о желании русского народа вести войну до победного конца», поскольку «русский народ не о конечной победе думает, а о скорейшем окончании войны». Члены делегации расценили слова Р.Р.Розена как несомненное проявление германофильства и не пожелали «иметь с ним ничего общего». Когда посол России во Франции А.П.Извольский сообщил об отказе французского правительства принять «заведомого германофила Розена», барон оказался вынужденным вернуться в Россию непосредственно из Лондона.²⁸⁹

Если по вопросу об отношении к войне Николай расходился с парламентаристами, то по вопросу о проведении либеральных реформ, не выходящих за пределы Основных законов, у царя и лордов было много точек соприкосновения. Поэтому доминирование в Государственном совете Прогрессивного блока, проявившееся в беспрепятственном прохождении через верхнюю палату законопроекта о подоходном налоге, не вызвало у Николая никакого беспокойства. Стремление царя к соглашению с оппозицией не только в нижней, но и верхней палате привело к тому, что законопроект о подоходном налоге был утвержден императором 6 апреля.²⁹⁰ Не менее рельефно стремление царя к соглашению с лордами выявило и в его отношении к делу бывшего военного министра генерала В.А.Сухомлинова.

В конце февраля Верховная комиссия, руководимая назначенным членом группы центра генералом Н.П.Петровым, признала необходимым дать расследованию дела В.А.Сухомлинова дальнейший ход, направив его в 1-й департамент верхней палаты. Его председателем являлся назначенный член КВО А.Н.Щербачев. Николай согласился с Верховной комиссией, несмотря на то, что считал В.А.Сухомлинова невиновным. Убеждение царя в этом было таково, что поначалу Николай собирался помиловать генерала особым рескриптом.²⁹¹ Давая 1 марта согласие на направление дела В.А.Сухомлинова в 1-й департамент, Николай заметил: «Приходится принести эту жертву».²⁹² Первый департамент постановил привлечь бывшего министра к предварительному следствию. Решение департамента император утвердил 12 марта, возложив производство следствия на сенатора И.А.Кузмина. Николай пошел на уступку Прогрессивному блоку, хотя «продолжал верить в невиновность Сухомлинова и не изменял своих чувств к нему». Монарх согласился на привлечение генерала к предварительному следствию, «не желая пользоваться своим положением».²⁹³

Исключительно ради компромисса с оппозицией, вопреки своей воле, Николай согласился и на содержание В.А.Сухомлинова под стражей и заключение его в Петропавловскую крепость. Эти меры были предприняты по инициативе министра юстиции А.А.Хвостова. За неделю до принятия соответствующего решения А.А.Хвостов доказывал императору неотложность и необходимость употребления по отношению к В.А.Сухомлинову строгостей. Николай ничего против этого не сказал. Он только заметил: «Да, да, я понимаю, что вы не испрашиваете указаний, я сам и не дал указаний».²⁹⁴ В действительности царь являлся противником заключения бывшего министра.²⁹⁵ Впоследствии на докладах А.А.Хвостова Николай «всякий раз возбуждал вопрос, нужно ли такое отношение к Сухомлинову», «на том основании, что он старик и никуда не убежит». Б.В.Штюрмер солидаризировался с императором. Но внешне, вспоминал А.А.Хвостов, отношение премьера к делу В.А.Сухомлинова было «согласное с моим».²⁹⁶

Узнав о разногласии мужа с министром юстиции, Александра Федоровна, ранее относившаяся к В.А.Сухомлинову отрицательно, также поддержала Николая.²⁹⁷ Несмотря на разногласия царя с оппозицией по делу В.А.Сухомлинова, прагматическое стремление к соглашению с ней перевесило в Николае его личные чувства. Показательна царская резолюция, наложенная 19 мая на всеподданнейшем докладе А.Н.Куломзина по поводу десятой годовщины реформы верхней палаты: «Искренно благодарю Государственный совет».²⁹⁸

Примирительные настроения царя не означали, что вопрос о политическом облике лордов потерял обретенную им с августа 1915 г. особую остроту. Злободневность этого вопроса нашла свое выражение в прекращении пополнения назначенной части тех групп, которые вошли в Прогрессивный блок. Последнее назначение в КВО (П.А.Игнатъева) произошло в январе 1915 г., а в группу центра (С.Ф.Вебера) — в феврале 1914 г.²⁹⁹ В 1916 г. членами Государственного совета Николай назначил 14 человек. Только пять из них были определены к присутствию, причем трое вошли в группу правых и лишь один — в группу правого центра.³⁰⁰

Даже пополнение группы правого центра вызывало у наиболее непримиримых оппонентов оппозиции самое серьезное беспокойство. «Нельзя ли быть более осторожным при назначении членов Государственного совета? — писала царица супругу, передавая впечатления Н.А.Маклакова по поводу появления в верхней палате товарища министра путей сообщения П.Н.Думитрашко, вошедшего в группу правого центра. — Маклаков говорит, что многие преданные люди огорчены, что правительство сажает туда тех, кого не одобряет, как, например — Думитрашко, которого Трепов, желая от него избавиться, просит назначить в Государственный совет... Государственный совет должен быть лояльно правым».³⁰¹ Опасения Н.А.Маклакова имели основания. В первой половине 1916 г. назначенные члены верхней палаты являлись весьма активными сторонниками Прогрессивного блока.

Парламентаристы действовали в тесном контакте с лидерами оппозиции. Характерно в этом смысле поведение А.А.Поливанова, в середине

марта замененного Д.С.Шуваевым и вернувшегося в КВО. «На этих днях, — подразумевая А.А.Поливанова, сообщал М.М.Андроников дворцовому коменданту генералу В.Н.Воейкову 28 марта 1916 г., — этот кадетствующий хулиган уезжает в Крым к своему другу — наместнику сатаны Гучкову, где обе эти нечистые силы будут обсуждать, как бы побольше наделать гадостей Д.С.Шуваеву и поскорее спихнуть его с места».³⁰² Оппозиционную деятельность лордов подпитывала их вера во всемогущество «безответственных влияний».³⁰³

Параллельно поляризации, разделившей парламентаристов и дуалистов, продолжалась и поляризация внутри дуалистов. Ее итогом было левение сановников, чей консервативный либерализм всегда отличался безусловной ортодоксальностью. Такой столп группы правых, как А.С.Стишинский, к маю «сделался карбонарием и стал говорить по адресу правительства невероятные вещи».³⁰⁴

Показателем роста оппозиционности не только парламентаристов, но и дуалистов было датированное 2 июня заявление 31 члена Государственного совета. Они обвиняли правительство в проведении «мер, теперь уже подходящих к разрушению самих основ хозяйства, и притом мер, проводимых нередко одновременно несколькими несогласованными органами власти». «Все вышеизложенные обстоятельства и другие тягостные условия» внушали авторам заявления «опасения о сокращении в ближайшем будущем производства продуктов сельского хозяйства, а это в свою очередь угрожает и существенным интересам государства». Сановники обращались к министрам путей сообщения А.Ф.Трепову, торговли и промышленности князю В.Н.Шаховскому и земледелия А.Н.Наумову «за разъяснениями: какие меры министры предполагают предпринять в возможно скором времени для устранения исключительно тяжких условий, в которые ставится сельскохозяйственная промышленность России». Заявление подписали 18 выборных и 13 назначенных членов. Если все выборные члены были причастны к Прогрессивному блоку, то из числа назначенных членов блокистами являлись только 2 человека.³⁰⁵ Следовательно, лорды-дуалисты переставали быть опорой правительства.

Рост оппозиционности назначенной части верхней палаты вызвал у премьера беспокойство. Во всеподданнейшем докладе от 7 июня Б.В.Штюрмер отмечал, что «положение дел в законодательных учреждениях все же не возбуждало бы опасений, если бы можно было с уверенностью полагать, что Государственный совет, в его теперешнем составе, является безусловно цельной государственной единицей, вполне обеспечивающей государственные интересы». «Но этого, к сожалению, — делался неутешительный вывод, — сказать нельзя, так как стремления и задания так называемого “Прогрессивного блока” Государственной думы нашли себе весьма ощутительную поддержку среди многих достаточно влиятельных членов Государственного совета, в том числе и среди членов Совета по назначению». В верхней палате, констатировал Б.В.Штюрмер, «имеется немалочисленная группа лиц из состава членов по назначению, которая общим направлением своей деятельности, и особенно голосованием в делах политической важности, решительно примыкает к Прогрес-

сивному блоку. Эта группа не только готова своими голосами содействовать прохождению думских законопроектов в духе Блока, но и усиленно побуждает к тому же всех сомневающихся и колеблющихся.³⁰⁶ Отдавая отчет в опасности роста оппозиционности назначенной части, Б.В.Штюрмер тем не менее надеялся нейтрализовать его не репрессиями, а благожелательными жестами.

Именно в июне премьер предложил В.Н.Коквцову возглавить делегацию России на Парижской конференции, проходившей в начале июля.³⁰⁷ Вместо него в Париж поехал другой парламентарист — Н.Н.Покровский.

Б.В.Штюрмер явил благожелательство и по вопросу о роспуске Государственного совета на летние каникулы. Первоначально роспуск намечено было осуществить одновременно с роспуском Думы, 20 июня. Однако А.Н.Куломзин сообщил Б.В.Штюрмеру, докладывая он императору 16 июня, что после ознакомления «с перечнем дел, имеющих быть рассмотренными в Государственной думе» и «в виду заявлений отдельных министерств о крайней необходимости проведения некоторых законопроектов через Государственный совет в текущую его сессию, он признавал бы желательным продление сессии Государственного совета на несколько дней после закрытия Государственной думы». Премьер находил «существенно важным», чтобы «некоторые из внесенных в законодательные учреждения министерских проектов были по возможности скорее облечены в форму законов». Памятуя, что Николай повелел прервать занятия палат «20—22-го июня, но не позже», Б.В.Штюрмер ходатайствовал о разрешении прервать занятия верхней палаты 22 июня, на что 18 июня последовало согласие царя.³⁰⁸ Примирительное отношение Б.В.Штюрмера к Государственному совету предопределялось не только его взглядами, но и позицией монарха.

Хотя заявление 31 члена верхней палаты было выпадом против его правительства, Николай полагал необходимым дать на него ответ. Во время состоявшейся 15 июня в Могилеве встречи с А.Н.Наумовым император согласился с доводами министра о том, что ему надо немедленно поехать в Петроград и ответить на заявление, ибо «только при самом близком соприкосновении к палатам можно найти *modus vivendi* [способ мирного сосуществования. — С.К.]». «Я согласен, — заявил император, — и чем скорее, тем лучше, в этом деле промедление — смерти подобно».³⁰⁹

Проблема ответа на заявление обсуждалась на заседании кабинета 17 июня. «В Государственном совете, — записал тогда А.Н.Яхонтов, — вопрос о сельском хозяйстве. Кому выступать?»³¹⁰ Если А.Н.Наумов ради соглашения с оппозицией намеревался выступить перед верхней палатой, то Б.В.Штюрмер и другие дуалисты, руководствуясь той же самой целью, этого не хотели. Они опасались, что выступления министров могут еще более обострить отношения правительства с палатами.

На совещании 21 июня в составе Б.В.Штюрмера, А.Н.Наумова, А.Ф.Трепова, А.А.Хвостова и В.Н.Шаховского премьер объявил министру земледелия: «Другие министры считают, что теперь неуместным является какое бы то ни было выступление, потому что так налаживаются отношения законодательных палат с правительством, что хотелось бы их не портить». А.Ф.Трепов

посоветовал выступить либо Б.В.Штюрмеру, либо А.Н.Наумову. Тогда Б.В.Штюрмер обратился к министру земледелия: «Но уверены ли вы, что, выступив сегодня в Государственном совете, вы заручитесь симпатиями большинства?» А.Н.Наумов уверенности в этом не высказал. «Вот видите, — заявил премьер, — если же у вас нет такой уверенности, что все будет благополучно, следовательно, раз законодательные палаты прекратят работу, у нас останется осадок между правительством и законодательными палатами».

А.Н.Наумов от выступления отказался, но одновременно подал в отставку. Б.В.Штюрмер попросил вице-председателя Государственного совета И.Я.Голубева снять вопрос о выступлении А.Н.Наумова с повестки дня. Однако вместо умиротворения верхней палаты произошло нечто совершенно противоположное. Решение, инициированное Б.В.Штюрмером, вызвало в Государственном совете «страшные трения», из-за чего «страсти разгорелись». Сановники, подписавшие заявление, пошли на частное совещание и заставили А.Н.Куломзина снова поставить вопрос о выступлении А.Н.Наумова на повестку дня. «Общее сочувствие» лордов оказалось на стороне министра земледелия, а не премьера.³¹¹

Вся роковая двусмысленность подобной ситуации должна была проявиться с переходом Прогрессивного блока в ноябре 1916 г. к «штурму власти».

4. «Какая-то конспирация». Ставка и оппозиция при М.В.Алексееве (август 1915 — июнь 1916 г.)*

Перемена верховного главнокомандования не вывела Ставку, находившуюся в Могилеве, из числа союзников парламентаристов. Наоборот, она стала содействовать им еще более последовательно. Связано это было с появлением в роли начальника штаба верховного главнокомандующего генерала М.В.Алексеева.³¹²

К политике И.Л.Горемыкина генерал относился критически. М.В.Алексеев, констатировал состоявший при Ставке левый журналист М.К.Лемке в октябре 1915 г., «не разделяет курс современной реакционной политики».³¹³ Критическое отношение генерала к правительству объяснялось тем, что он являлся представителем левого крыла правительственного либерализма, т.е. парламентаристом. Отношение М.В.Алексеева к черносотенцам было не просто отрицательным, но и презрительным.³¹⁴

Еще до войны М.В.Алексеев пользовался известностью как деятель, «ярко-иронически относившийся к царю».³¹⁵ Оппозиционность М.В.Алексеева вдохновлялась его верой во влияние на Николая «темных сил». Если генерал и был предан императору, то «недостаточно крепко, хотя бы до забвения сплетен».³¹⁶ В начале сентября 1915 г. Николай сообщил М.В.Алексееву о желании Г.Е.Распутина приехать в Могилев. Император, по совету начальника штаба, решил не пускать сюда старца «ни в каком случае».³¹⁷

* И известные на сегодняшний день источники, освещающие сюжет о заговорах (и особенно о степени вовлеченности в один из них М.В.Алексеева), и уровень их осмысления С.В.Куликовым представляют редакцию серии НРИИД явно недостаточными для тех выводов, к которым приходит автор данной монографии. Тем не менее, руководствуясь соображениями сохранения целостности исследования и общей концепции С.В.Куликова, редакция решила не править автора и оставить этот и другие связанные с ним сюжеты (например, параграф 4 главы 3) в том виде, в каком они представлены автором монографии (*Прим. редакции*).

В соответствии с габитусом М.В.Алексеева его отношение к оппозиционным организациям отличалось исключительной благожелательностью.³¹⁸ Назначая своим ближайшим сотрудником либерального генерала, царь учел общественное мнение. М.В.Родзянко заявил Николаю 11 августа 1915 г. «о желании всех видеть на месте Янушкевича генерала Алексеева».³¹⁹ Назначение М.В.Алексеева начальником штаба объяснялось также тем, что царь питал к М.В.Алексееву личную симпатию. Она базировалась на сходстве их индивидуальностей.³²⁰

Симпатия Николая к М.В.Алексееву облегчала сотрудничество верховного главнокомандующего и начальника его штаба в чисто военной сфере. «Не могу тебе передать, — сообщил император супруге уже вскоре после приезда в Могилев, — до чего я доволен генералом Алексеевым. Какой он добросовестный, умный и скромный человек, и какой работник!»³²¹ Деловое общение Николая и М.В.Алексеева облегчалось и тем, что при планировании фронтовых операций и руководстве ими монарх давал полную свободу своему начальнику Штаба, который временами, особенно в отсутствие Николая, делался фактическим верховным главнокомандующим.

Ежедневно в 11 часов царь отправлялся в штаб. Там он выслушивал доклад М.В.Алексеева, который продолжался до завтрака, т.е. до 12.30. «Собственно говоря, — вспоминал протопресвитер Г.И.Шавельский, — этим часовым докладом и ограничивалась работа государя, как верховного главнокомандующего. Об участии его в черновой работе, конечно, не могло быть и речи. Она исполнялась начальником Штаба с участием или без участия его помощников, а государю подносились готовые выводы и решения, которые он волен был принять или отвергнуть».³²² Это не значит, однако, что царь являлся верховным главнокомандующим только номинально. При принятии крупных решений роль Николая была велика.

Помощник М.В.Алексеева генерал В.Н.Клембовский вспоминал после революции, что царь «относился к боевым операциям не только сознательно, но он ими руководил и давал определенные указания Михаилу Васильевичу».³²³ При этом воля Николая иногда пересиливала волю М.В.Алексеева, что проявилось уже в начале сентября 1915 г. Тогда по причине германского наступления возник вопрос о переносе Ставки из Могилева в другой город. Инициатором переноса выступил начальник штаба. Царь являлся противником этого.³²⁴ Даже царица не отрицала резонности доводов М.В.Алексеева.³²⁵ Для изучения вопроса о переносе начальник штаба поручил коменданту Ставки генералу С.П.Саханскому образовать особую комиссию. Посетив Вязьму, Калугу, Ржев и Тверь, комиссия пришла к выводу, что самым лучшим местом явилась бы Калуга.³²⁶

Вопрос о переносе Ставки казался окончательно решенным. Император информировал супругу 14 сентября, что переезд в Калугу «отнимет пять или шесть дней».³²⁷ На телеграмме дворцового коменданта генерала В.Н.Воейкова управляющему МВД князю Н.Б.Щербатову о переносе Ставки в Калугу М.В.Алексеев наложил резолюцию: «Возражений и дополнений не имею». Но уже через три дня, 17 сентября, М.В.Алексеев изменил свое решение.³²⁸ Вызвано это было улучшением ситуации на фронте. Оно, в свою очередь, явилось итогом решения, принятого по инициативе Николая. Во

время состоявшегося 3 сентября доклада М.В.Алексеева начальник штаба получил от императора «определенные указания». Николай, сообщил тогда же М.В.Алексееву придворному историографу генералу Д.Н.Дубенскому, «повелел дать телеграмму по всему фронту, что теперь ни шагу далее. Надо задержаться и укрепиться».³²⁹

Положение на фронте стабилизировалось, и Ставка осталась в Могилеве. В.Н.Воейков телеграфировал 21 сентября калужскому губернатору Н.С.Челныкаеву: «Перенесение Ставки в Калугу временно откладывается, потому выселение беженцев возможно приостановить».³³⁰ По вопросу о переносе Ставки точка зрения Николая возобладала над точкой зрения М.В.Алексеева. Но это ни в коей мере не поколебало полномочия генерала в военной сфере.

Не только исключительное положение начальника штаба, занимавшееся им в армейской иерархии, но и леволиберальные убеждения М.В.Алексеева толкали его на то, чтобы, содействуя оппозиции, стремившейся к введению парламентаризма, вмешиваться в политику. Впрочем, это затруднялось уклонением императора от обсуждения политических вопросов с теми, кто, как начальник штаба, прямого отношения к ним не имел.³³¹ Несмотря на особенности поведения монарха, в Ставке «велась скрытая упорная работа», имевшая целью побудить Николая «изменить направление его внутренней политики». Выразителем этой работы перед императором являлся М.В.Алексеев.³³²

Несмотря на сверхосторожность начальника штаба, его стремление играть политическую роль не скрылось от осведомленного наблюдателя. Комментируя сказанные ему 8 ноября 1915 г. слова генерал-квартирмейстера Ставки М.С.Пустовойтенко о том, что, «в конце концов, Алексеев будет просто диктатором», М.К.Лемке записал: «Не думаю, чтобы это было обронено так себе. Очевидно, что-то зреет, что-то дает основание предполагать такой исход... Не даром есть такие приезжающие, о цели появления которых ничего не удастся узнать, а часто даже и фамилии их не установишь... Да, около Алексеева есть несколько человек, которые исполнят каждое его приказание, включительно до ареста в могилевском дворце».³³³

Претензии начальника штаба играть политическую роль поддерживали парламентаристы, в частности военный министр генерал А.А.Поливанов, и лидеры оппозиции, прежде всего А.И.Гучков.³³⁴ Он посылал М.В.Алексееву письма, содержавшие преувеличенно пессимистические оценки. «Переменился глава, а весь механизм остался прежний, — имея в виду замену В.А.Сухомлинова А.А.Поливановым, жаловался А.И.Гучков 7 августа 1915 г. в письме, переданном М.В.Алексееву через журналиста А.И.Ксюнина. — А с коренным ремонтом этого механизма медлят. При таких условиях многого от нас не ждите».³³⁵ Отношения М.В.Алексеева и А.И.Гучкова были лишены всякой формальности. Когда в начале 1916 г. А.И.Гучков заболел, М.В.Алексеев послал ему телеграмму.³³⁶

Поскольку А.И.Гучков пользовался репутацией заговорщика, М.В.Алексеев общался с ним через посредников. Ими были командир Уссурийской конной дивизии генерал А.М.Крымов и товарищ председателя ЦВПК М.И.Терещенко.³³⁷ Вообще же официальные отношения А.И.Гучкова и начальника штаба не вышли за рамки переписки.

Контакты с кадетской партией М.В.Алексеев поддерживал через И.П.Демидова, члена ее ЦК, депутата IV Думы и уполномоченного Земского союза. В годы войны И.П.Демидов «сблизился» с генералом.³³⁸ Другие кадеты боялись скомпрометировать М.В.Алексеева. «Члены Государственной думы М.В.Челноков и А.И.Шингарев, — записал 29 декабря 1915 г. М.К.Лемке, — хотели приехать к Алексееву для общей беседы, но потом отдумали, зная, что это будет истолковано не в его пользу». «Кадеты, — указывал М.К.Лемке, — спят и видят войти в связь с начальником Штаба. Хочется им окружить Алексеева своими путами и сделать его орудием своих длинных, но немощных рук. И я думаю, что они могут иметь некоторые шансы, потому что начальник Штаба начинает, кажется, понимать сладость самодержавия, ну, а дальше конституционализм его, конечно, не выбросит».³³⁹

Личные связи М.В.Алексеева с лидерами оппозиции стали более тесными в начале 1916 г. Именно тогда 12 января, формально — для участия в совещании по продовольственному обеспечению армии, в Ставку приехал главноуполномоченный Городского союза М.В.Челноков. Он хотел передать М.В.Алексееву, в качестве городского головы Москвы, резолюцию московской городской думы. Резолюция требовала доведения войны «до победного конца».³⁴⁰ Разговор, состоявшийся между М.В.Челноковым и М.В.Алексеевым, был «очень дружественный». Генерал заявил собеседнику, что «к городским организациям в Ставке самое доброжелательное отношение».³⁴¹ Пребывание М.В.Челнокова М.В.Алексеев попытался использовать для устранения разрыва между властью и обществом, который наметился в сентябре 1915 г. после отказа Николая принять депутацию Земского и Городского съездов.

К осуществлению своего замысла М.В.Алексеев привлек министра двора графа В.Б.Фредерикса. Граф записал, что 13 января в 17.30 М.В.Алексеев попросил его по телефону, чтобы он «испросил государя принять и пригласить к обеду» М.В.Челнокова.³⁴² Николай, по мысли генерала, должен был заявить М.В.Челнокову, что «благодарит Москву за заботы об армии».³⁴³ Встреча царя с главноуполномоченным Городского союза произошла в тот же день, 13 января,³⁴⁴ и длилась четверть часа.³⁴⁵ Сообщив императрице, что, к его «большому удивлению», в Ставку приехал «председатель Союза городов», Николай писал: «За несколько минут до обеда я принял Челнокова наедине — он поднес мне теплый адрес от Москвы, в котором благодарит войска за хороший прием, оказанный делегации, посланной для распределения подарков солдатам. Он тяжело дышал и вскакивал каждую секунду со стула, пока разговаривал. Я спросил его, хорошо ли он себя чувствует, на что он отвечал утвердительно, но прибавил, что он привык представляться Николаше [т.е. великому князю Николаю Николаевичу. — С.К.] и никак не ожидал увидеть здесь меня. Этот ответ и все его поведение понравились мне этот раз!»³⁴⁶

Прием царем одного из лидеров оппозиции был «очень благосклонным»³⁴⁷ и «ободряющим».³⁴⁸ Во время него царь указал «на значение работы общественных организаций».³⁴⁹ По поводу резолюции московской думы Николай спросил: «Почему эта прекрасная резолюция не была послана прямо мне?» Когда М.В.Челноков зачитал ее вслух, то царь остался

«очень доволен». Он заявил: «Я согласен с каждым словом в этой резолюции. Мир не может быть заключен, пока не будет достигнута полная победа. Вы совершенно правы, выражая свою благодарность Англии. Мы должны преклонить перед ней колени». Затем Николай расспросил о положении в Москве. М.В.Челноков сообщил, что «там нет топлива и ощущается недостаток продовольствия вследствие плохой работы железных дорог». Поэтому «приходится считаться с возможностью волнений в течение зимы». Царь ответил, что «если народ мерзнет и голодает, к нему нельзя быть слишком суровым, даже если он прибегает к насилию». После этого «с подозрением в голосе» Николай спросил М.В.Челнокова, не преувеличивает ли он. М.В.Челноков уверял собеседника, что нет. Николай, по сведениям английского резидента Р.Г.Брюса Локкарта, пообещал: «Все, что я могу сделать для смягчения этого положения, будет сделано».³⁵⁰ Сведения Р.Г.Брюса Локкарта соотносятся с информацией М.К.Лемке. Согласно последнему, на слова М.В.Челнокова «о тех затруднениях, которые Москва испытывает в продовольствии и топливе», Николаем «было твердо заявлено, что для полного удовлетворения Москвы будет сделано все, что в человеческих силах».³⁵¹

На следующий день, 14 января, формально также для участия в продовольственном совещании, в Ставке появился и главноуполномоченный Земского союза князь Г.Е.Львов. Он «сидел все время в вагоне», где «с глазу на глаз» общался с М.В.Алексеевым «в течение одного часа».³⁵² Г.Е.Львов не был приглашен к высочайшему столу только из-за отъезда царя в Петроград. В работе Продовольственного совещания князь усмотрел «общее расположение к Земскому союзу, в особенности в чисто военных сферах».³⁵³ После разговоров «со многими ответственными лицами» Ставки Г.Е.Львов и М.В.Челноков вынесли впечатление, что «работа общественных организаций весьма их с войсками сблизил».³⁵⁴

Сближению М.В.Алексеева с лидерами оппозиции способствовали не только его парламентаристские взгляды, но и вера генерала во всеисилие «безответственных влияний». Намекая на царицу и А.А.Вырубову, М.В.Алексеев заявил Г.Е.Львову и М.В.Челнокову: «С императором все благополучно. Единственная помеха — это шлюхи, которые вертятся около него».³⁵⁵ Демонстрируя расположение к лидерам оппозиции, М.В.Алексеев исходил из того, что «надо пытаться примирить царя с обществом и в частности со Львовым».³⁵⁶

Союзником генерала, казалось бы, мог явиться сменивший И.Л.Горемыкина Б.В.Штюрмер. Первые контакты нового премьера с начальником штаба были вызваны стремлением Б.В.Штюрмера к учету мнения оппозиции. По просьбе редактора кадетской «Речи» И.В.Гессена премьер послал телеграмму М.В.Алексееву с пожеланием отменить запрет на оставление в газетах «белых мест».³⁵⁷ Позднее, 30 января, Б.В.Штюрмер принял у себя членов Общества редакторов ежедневных газет Петрограда. Они вручили премьеру записку «о тяжелом положении печати». Б.В.Штюрмер обещал принять «все зависящие от него меры к улучшению этого положения».³⁵⁸ К письму М.В.Алексееву от 31 января, в котором Б.В.Штюрмер поддержал соображения своей телеграммы, он приложил копию записки. Премьер указал, что ее аргументацию «не может

не признать вполне основательной», поскольку «накануне открытия сессии законодательных учреждений создавать какие-либо затруднения для печати нежелательно». ³⁵⁹ Однако сотрудничества между начальником штаба и премьером не получилось.

Довольно скоро М.В.Алексеев начал относиться к Б.В.Штюрмеру отрицательно. В апреле, подразумевая отнюдь не премьера, генерал заявил директору дипломатической канцелярии Ставки Н.А.Базили: «В нашем правительстве так мало людей, которые понимают, что пропасть отделяет то, что было до войны, от будущего». ³⁶⁰ К июню недовольство начальника штаба Б.В.Штюрмером выросло настолько, что генерал «не скрывал своей сильнейшей к нему неприязни». ³⁶¹ Премьера и М.В.Алексеева разделяли политические разногласия. В отличие от Б.В.Штюрмера, почвой для примирения правительства с оппозицией начальнику штаба виделась не дуалистическая система, а парламентаризм. Не случайно, что 18 января М.К.Лемке указал на переписку М.В.Алексеева с М.В.Родзянко и А.И.Гучковым и характерное для начальника штаба «тяготение к октябристам и кадетам». Подразумевая генерала, М.К.Лемке отметил: «Я думаю, что он уже находится под определенным влиянием». ³⁶² Между тем и октябристы, и кадеты выступали в это время именно за введение парламентаризма. Более того, для некоторых из их лидеров, и прежде всего А.И.Гучкова, парламентаризм являлся ступенькой к отречению Николая. ³⁶³

Существование влияния на генерала со стороны лидеров оппозиции подтвердилось 14 февраля, когда он получил телеграмму от А.И.Гучкова. Председатель ЦВПК писал, что для него «крайне необходимо» сделать доклад начальнику штаба «о всех сторонах» деятельности ЦВПК и получить указания, «важные для комитета». А.И.Гучков попросил генерала разрешить заместителю председателя ЦВПК и лидеру думской фракции прогрессистов А.И.Коновалову приехать в Ставку «в ближайшие дни» для ознакомления «с положением дел и получения указаний». На эту телеграмму М.В.Алексеев ответил уже в день ее принятия: «Буду очень рад. Лучше, если возможно, на этой неделе, после четверга или в начале следующей». Предупредительность М.В.Алексеева, проявленная им по отношению к лидерам оппозиции, навела М.К.Лемке на заключение о том, что «между Гучковым, Коноваловым, Крымовым и Алексеевым зреет какая-то конспирация, какой-то заговор, которому не чужд и Михаил Саввич [Пустовойтенко. — С. К.], а также еще кое-кто». ³⁶⁴

Конспирируя с М.В.Алексеевым, уже в начале 1916 г. лидеры оппозиции принялись склонять его к участию в подготовке свержения Николая. «Недавно, — сообщил во второй половине марта полковнику А.И.Верховскому служивший в Ставке капитан 1-го ранга А.Д.Бубнов, — к Алексееву приезжали даже члены Государственной думы и под величайшим секретом поставили перед ним вопрос: не следует ли для сплочения России и династии убрать Николая II, заменить его кем-либо из более сговорчивых великих князей, добиться таким путем предоставления Думе права выдвигать ответственное правительство и влиять на назначение генералов». М.В.Алексеев заявил, что «об этом не может быть и речи», поскольку «всякое потрясение во время войны окончательно ломает армию, которая и

без того еле держится». ³⁶⁵ Упомянутыми А.Д.Бубновым членами Думы могли быть А.И.Коновалов и М.В.Челноков. Сведения А.Д.Бубнова соотносятся с информацией генерала Е.К.Климовича, в 1916 г. находившегося на посту директора Департамента полиции. Уже в эмиграции он сообщил Н.В.Савичу, что в 1916 г. под председательством Г.Е.Львова образовался «революционный штаб». Его члены, А.А.Бубликов, А.И.Коновалов, П.П.Рябушинский и М.В.Челноков, «работали в верхах армии». ³⁶⁶

Заговорщики вынуждали М.В.Алексеева вести двойную игру. Поддерживая тесные связи с ними, официально генерал изображал из себя верноподданного. На письме Е.К.Климовича, сопровождавшем доклад о состоявшемся 12–14 марта оппозиционных съездах союзов, М.В.Алексеев наложил резолюцию: «Интересный материал. Ознакомить главнокомандующих: они должны быть осведомлены, что в различных организациях мы имеем не только сотрудников в ведении войны, но получающие нашими трудами и казенными деньгами внутреннюю спайку силы, преследующие весьма вредные для жизни государства цели. С этим нужно сообразовать и наши отношения». ³⁶⁷

Общение с лидерами оппозиции дало М.В.Алексееву такой аргумент в пользу парламентаризма, как миф об измене Александры Федоровны и Г.Е.Распутина. Г.Е.Львов возбудил у М.В.Алексеева опасения, которые возникали в общественной среде относительно «гермаофильского окружения “молодой императрицы”». ³⁶⁸

Вера М.В.Алексеева в гермаофильство «темных сил» получала подпитку не только от лидеров оппозиции, но и от могилевского губернатора А.И.Пильца, «заведомого врага Распутина». А.И.Пильц помогал еще одному врагу старца, министру внутренних дел А.Н.Хвостову, подготавливать в Ставке «почву против Распутина». ³⁶⁹ В середине февраля А.И.Пильц убедил М.В.Алексеева взяться за друзей Г.Е.Распутина — банкиров Д.Л.Рубинштейна и И.П.Мануса, заподозренных в измене. Губернатор надеялся, что тем самым удастся установить виновность и старца. М.В.Алексеев поручил ведение дела банкиров генералу Н.С.Батюшину. ³⁷⁰

Против Г.Е.Распутина начальник штаба действовал и с другой стороны. Состоявшаяся 17 марта беседа протопресвитера Г.И.Шавельского и Николая произошла по согласованию с М.В.Алексеевым. Во время нее протопресвитер сообщил императору, что «за Распутиным в армии установилась совершенно определенная репутация пьяницы, развратника, взяточника и изменника». Кроме того, Г.И.Шавельский указал «на необходимость реформ». ³⁷¹

Вера М.В.Алексеева во всеилие «безответственных влияний» была такова, что их руку он видел там, куда она никогда не протягивалась. Показательна история отставки генерала Н.И.Иванова с поста главнокомандующего Юго-Западным фронтом. В ночь с 11 на 12 февраля, будучи в Ставке на совещании главнокомандующих фронтами, Н.И.Иванов уведомил военного министра А.А.Поливанова, что «уже просил не раз уволить его от должности главнокомандующего, будет просить государя о том же еще раз и желает, чтобы эту его просьбу, — вспоминал А.А.Поливанов, — поддержал и я». ³⁷² После беседы с военным министром Н.И.Иванов в течение

20 минут «плакал» перед Николаем: «Может быть, я уже устарел; может быть, есть более молодые, более сильные и способные, чем я; может быть, для пользы дела меня надо заменить другим».³⁷³ При встрече с императором, состоявшейся 12 февраля, А.А.Поливанов, исполняя просьбу престарелого генерала, сообщил Николаю о своем разговоре с Н.И.Ивановым. Военный министр высказал мнение, что «если главнокомандующий Юго-Западным фронтом чувствует себя слишком усталым для продолжения руководства армиями, то, ввиду несомненного перехода с весны к активным военным действиям, его и не следовало бы долее удерживать на занимаемом им месте». На это царь ответил: «Да, он просил меня уволить его, вероятно, придется это сделать».³⁷⁴ Николай посоветовался с М.В.Алексеевым и 17 марта дал Н.И.Иванову отставку. Фактически его уволили «по собственной просьбе».³⁷⁵

Отставка Н.И.Иванова была чрезвычайно почетной. Царь назначил бывшего главнокомандующего членом Государственного совета и состоящим «при особе его величества». Тем не менее Н.И.Иванов остался недовольным и, полагая, что отставлен из-за пререканий с М.В.Алексеевым, 31 марта прямо спросил его об этом. «Вы думаете, что в вашем уходе какая-нибудь моя интрига, могу прямо сказать, что никакой интриги, — заявил Н.И.Иванову начальник штаба. — Нет, я вам должен сказать, что большая интрига шла в Петрограде». После этого М.В.Алексеев назвал Г.Е.Распутина, употребив по отношению к нему слово «каналья», А.А.Вырубову, царицу, М.М.Андроникова, Д.Л.Рубинштейна и И.П.Мануса.³⁷⁶ По рассказу Н.И.Иванова А.А.Вырубовой, М.В.Алексеев сообщил ему, что он уволен «по приказанию государя, Распутина и Вырубовой».³⁷⁷ Хотя «безответственные влияния» не имели никакого отношения к увольнению Н.И.Иванова, а М.В.Алексеев являлся одним из истинных виновников увольнения, он поддался массовому психозу и выдал желаемое за действительное. В этом ярко проявилась ориентация начальника штаба на лидеров оппозиции. Они считали всеисилие «безответственных влияний» аксиомой.

Особенно заметно готовность начальника штаба ориентироваться на лидеров оппозиции заявила о себе в случае с польским вопросом. Союзником М.В.Алексеева в данном случае был министр иностранных дел С.Д.Сазонов. В соответствии с кадетской программой, он выступал за дарование Польше политической автономии. П.Н.Милюков заявил 18 апреля выборному члену Государственного совета графу С.И.Велепольскому, что С.Д.Сазонов «в общих чертах согласен с нашей автономией».³⁷⁸ Подобно С.Д.Сазонову, генерал не раз высказывал, что «манифест об устройстве самостоятельного Царства Польского должен был быть опубликован не тогда, когда вся Польша уже была отдана немцам, а в самом начале войны».³⁷⁹

В конце марта М.В.Алексеев инициировал новый этап деятельности правительства по разрешению польского вопроса. Как сообщил 28 марта Н.А.Базили С.Д.Сазонову, по мнению М.В.Алексеева, «совершенно необходимо решительно пойти навстречу польским пожеланиям». «В польском вопросе, — заявил начальник штаба Н.А.Базили, — не может

быть возврата, необходимо самим дать то, что мы все равно вынуждены будем уступить». В начале апреля между ним и начальником штаба состоялся разговор. Во время него М.В.Алексеев заметил, что объем польской автономии должен быть «широким». Генерал попросил собеседника передать министру, что просит его «выработать план нового устройства Польши и сделает все возможное, чтобы его провести». Для рассмотрения этого плана М.В.Алексеев находил нужным вызвать министров в Могилев. Н.А.Базили сообщал С.Д.Сазонову 11 апреля, что начальник штаба «вполне сочувствует мысли устроить в Ставке совещание при участии Вашего и председателя Совета министров». Подразумеваемая решение польского вопроса, Н.А.Базили писал: «Инициативу этого дела лучше оставить в его руках. Ему весьма желательно было бы ознакомиться с Вашими предположениями, дабы он мог своевременно, как он выразился по свойственной ему скромности, “разобраться в мало знакомой ему области” и сообщить Вам свои замечания». Н.А.Базили предупредил генерала, что предположения С.Д.Сазонова «не идут так далеко, как его пожелания». Следовательно, в апреле по польскому вопросу мнение М.В.Алексеева было более радикальным, чем даже мнение С.Д.Сазонова. Именно поэтому генерал говорил, что «проведение дела через Совет министров представляется ему вполне безнадежным».³⁸⁰

Параллельно с подготовкой решения польского вопроса начальник штаба готовил демонтаж дуалистической системы. Политическая активность М.В.Алексеева не ускользнула от внимания М.К.Лемке. «Меня, — записал он 1 апреля, — ужасно занимает вопрос о зреющем здесь заговоре». Характеризуя планы начальника штаба и его единомышленников, М.К.Лемке подчеркивал, что после их выполнения «пойдет у нас конституционализм» и «настанет золотой век кадетских чаяний».³⁸¹ Таким образом, весной 1916 г. целью «заговора» М.В.Алексеева было введение парламентаризма, который как раз и являлся центральным пунктом кадетской программы.

В это же время связанный с оппозиционерами А.А.Клопов начал ратовать за «установление у нас ответственного министра». Тайный корреспондент императора предложил ему «начать выбор премьера и министров именно не из бюрократии, а из общественных деятелей» и назначить «ответственным премьером» князя Львова московского или кабинетских парламентаристов — министра народного просвещения графа П.Н.Игнатьева.³⁸² Между тем начальник штаба был очень высокого мнения о Г.Е.Львове.³⁸³ Видвижению его кандидатуры в премьеры «ответственного министерства» способствовал М.В.Алексеев, усиливая тем самым радикализм оппозиционеров.

Уже 5 апреля, через четыре дня после того как М.К.Лемке сделал запись о «зреющем заговоре», левый кадет князь Д.И.Шаховской предложил Е.Д.Кусковой «созвать собрание из всех партий и наметить Временное правительство», поскольку «события надвигаются с быстротой необычайной». Хотя в совещании, помимо кадетов, участвовали представители левых партий вплоть до большевиков, обсуждение состава будущего кабинета шло «по линии: кадеты и октябристы». В этом отрази-

лись политические пристрастия не столько оппозиционеров, сколько М.В.Алексеева. Председателем Совета министров участники совещания наметили Г.Е.Львова, военным министром — А.И.Гучкова, министром иностранных дел — П.Н.Милюкова или князя Г.Н.Трубецкого. Появление кандидатуры Г.Н.Трубецкого, ближайшего сотрудника С.Д.Сазонова по разрешению польского вопроса, было связано с интересом к этому вопросу со стороны М.В.Алексеева. Относительно министра внутренних дел участники совещания решили, что им будет «кто-нибудь из земцев». Новое правительство — «ответственное министерство» — должно было прийти к власти «революционным путем».³⁸⁴

Насколько деятельность оппозиционеров по подготовке демонтажа дуалистической системы зависела от политических предпочтений начальника штаба, настолько его деятельность в этом же направлении координировалась оппозиционерами. М.И.Терещенко и С.П.Шликевич посетили М.В.Алексеева 23 апреля. Общественные деятели были у него около 20 минут. Генерал выказал «свое сочувственное отношение к Земскому союзу». На следующий день у М.В.Алексеева был В.В.Вырубов.³⁸⁵ Он посредничал между начальником штаба и Г.Е.Львовым.

Удобный повод для того, чтобы поднять вопрос о введении парламентаризма, дал М.В.Алексееву главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал А.А.Брусилов, который был парламентаристом.³⁸⁶ Контакты с оппозицией А.А.Брусилов поддерживал через М.И.Терещенко.³⁸⁷ Другим участником интриги, нацеленной на введение парламентаризма, стал начальник главного артиллерийского управления (ГАУ) Военного министерства генерал А.А.Маниковский, также парламентарист.³⁸⁸ Он тесно общался с А.И.Гучковым, А.И.Коноваловым, Г.Е.Львовым, Н.В.Некрасовым и М.В.Челноковым, являвшимися, как и генерал, членами Особого совещания по обороне.³⁸⁹ Интрига завязалась вокруг факта, который сам по себе не имел никакого политического значения.

В конце мая А.А.Брусилов телеграфировал в Ставку о неукомплектованности мортирного парка, предназначенного для наступавшего Юго-Западного фронта. В телеграмме А.А.Маниковскому от 30 мая М.В.Алексеев сообщил, что царь, узнав о факте неукомплектованности, «приказать соизволил выразить Главному артиллерийскому управлению свое крайнее неудовольствие». В ответ А.А.Маниковский написал состоявшее из пяти разделов письмо генералу Е.З.Барсукову, начальнику находившегося в Могилеве управления полевого генерал-инспектора артиллерии великого князя Сергея Михайловича. Причинами затруднений в обеспечении армии боевыми припасами А.А.Маниковский назвал расстройство железнодорожного транспорта, дефицит металлов и топлива, обострение рабочего вопроса, крайнюю изношенность оборудования, замедление импортных поставок и недостаток свободной валюты. Причиной же данных неурядиц А.А.Маниковский считал отсутствие в тылу «единой твердой власти». Он советовал принять «особые меры» к ее «восстановлению».³⁹⁰

Письмо генерала, отличавшееся ярко выраженной антиштюрмеровской направленностью, было если и не инициировано лидерами оппозиции, то, по крайней мере, послано с их ведома. В начале июня нарочный

привез письмо в Ставку. Е.З.Барсуков передал его М.В.Алексееву. Содержание письма А.А.Маниковского начальник штаба довел до сведения Николая. То, что царь написал жене 11 июня, было полностью созвучно с основными положениями письма. «Самым важным и неотложным, — сообщал тогда Николай, — является сейчас вопрос о топливе и металлах — железе и меди для снарядов, потому что, при недостатке металлов, фабрики не могут вырабатывать достаточного количества патронов и бомб. То же самое и с железными дорогами». После знакомства с идеей А.А.Маниковского о необходимости установления в тылу «твердой власти» царь отметил, что «необходимо действовать очень энергично и предпринять очень твердые шаги для того, чтобы решить эти вопросы раз навсегда». «Как только Дума будет распущена, — извещал он супругу, — я вызову сюда всех министров для обсуждения этих вопросов и все здесь решу!» Позднее, уточняя дату будущего приезда членов кабинета в Ставку, Николай сообщил, что соберет «здесь всех министров — приблизительно около 24-го».³⁹¹

Само намерение царя провести в Ставке заседание Совета министров находилось, однако, вне непосредственной связи с письмом А.А.Маниковского. Об этом своем намерении Николай заявил Б.В.Штюрмеру еще 21 мая.³⁹² Тогда предполагалось обсудить на заседании кабинета только польский вопрос.

Аргументы А.А.Маниковского в пользу создания «твердой власти» царь нашел также заслуживающими рассмотрения в Совете министров. Поэтому Николай повелел М.В.Алексееву составить на основании письма начальника ГАУ докладную записку, предполагая посвятить ее обсуждению заседание правительства в Могилеве. М.В.Алексеев поручил составление записки Е.З.Барсукову. Записка, в которой, ради создания «твердой власти», мотивировалась необходимость учреждения поста верховного министра государственной обороны, появилась помимо непосредственного начальника Е.З.Барсукова, Сергея Михайловича, и «без какого бы то ни было предположения с его стороны занять будущий пост верховного министра».³⁹³

Записка датирована 15 июня и начинается с указания на перебои в обеспечении армии боеприпасами, наблюдавшиеся во время наступательной операции А.А.Брусилова. «При таких условиях, — делался вывод из приведенных фактов, — подрываются надежды на успех начатой нами операции. Необходимы экстренные исключительные меры и полное чрезвычайное напряжение всех усилий, чтобы обеспечить наши армии боевыми припасами. Военный министр и генерал Маниковский, — подчеркивалось далее, — сообщили, что ими все меры приняты и принимаются, но они далеко не достигают результатов в той мере, как это необходимо, и что происходит это от целого ряда крайне серьезных затруднений, которые лежат вне воли непосредственных работников». После такого предупреждения следовали четыре тематических раздела, соответствовавшие разделам письма А.А.Маниковского и посвященные кризису перевозок, металлическому голоду, волнениям рабочих и заграничным заказам и валюте.

Сутью рекомендательной части записки было мнение о том, что «во всех внутренних областях Империи, составляющих глубокий тыл, работающий на действующую армию, власть должна быть объединена в руках одного полномочного лица, которое возможно было бы именовать верховным министром государственной обороны». Верховный министр являлся, по сути дела, диктатором, поскольку за свои действия он отвечал бы только перед императором. Верховному министру предписывалось «объединять, руководить и направлять единой волей деятельность всех министерств, государственных и общественных учреждений, находящихся вне пределов театра военных действий». Ему предоставлялось право «избирать и утверждать собственною властью своих сотрудников из лиц, заявивших себя высокополезною деятельностью для государства за время текущей войны»,³⁹⁴ т.е. не только из бюрократов, но и из общественных деятелей.

Рекомендации записки идентичны плану, выдвинутому в июне 1915 г. думской фракцией прогрессистов. Его положения подразумевали, в качестве шага на пути к «ответственному министерству», создание Комитета государственной обороны, возглавляемого председателем, назначаемым царем и ответственным исключительно перед ним. Комитет состоял бы из министров, имевших отношение к снабжению армии и тыла, и представителей законодательных палат и общественных организаций. В рекомендательной части записки М.В.Алексеева прослеживается влияние на него прогрессистов, особенно А.И.Коновалова и близкого к ним Г.Е.Львова.

Прогрессистские корни записки очевидны тем более, что с образованием должности верховного министра М.В.Алексеев отнюдь не связывал установление режима военной диктатуры. «Записка, — вспоминал ее настоящий автор, — не предусматривала план исключительно “военной диктатуры”, как полагали Штюрмер и Родзянко. Для генерала Алексеева было безразлично, будет ли диктатором лицо военное или гражданское, из правящих кругов или из так называемых “народных представителей”».³⁹⁵

Реальным кандидатом на пост верховного министра генералу виделся, наряду с Г.Е.Львовым, один из лидеров парламентаристов, министр земледелия А.Н.Наумов. При встрече с ним, состоявшейся 15 июня в Могилеве, близкий к М.В.Алексееву протопресвитер Г.И.Шавельский высказал А.Н.Наумову предположение об ожидавшем его, «по слухам в Ставке», «высшем назначении».³⁹⁶ То, что начальник штаба имел на министра земледелия большие виды, подтвердил сам М.В.Алексеев. Отговаривая А.Н.Наумова 28 июня от ухода в отставку, генерал заявил: «Что это, Александр Николаевич, вы хотите уходить, почему? Только что у нас налаживается дело, мы привыкли друг к другу, я вас знаю, все у нас намечено. Почему? Ради Бога, надо это как-нибудь устроить, наладить, разве теперь время? Еще новый министр, еще новый человек, опять надо привыкать, время теперь тревожное!»³⁹⁷

Доказательством того, что диктатура расценивалась начальником штаба в качестве средства для достижения не только чисто военных, но и политических целей, главная из которых состояла в парламентаризации верховного управления, стало составление, в качестве приложения к за-

писке, проекта манифеста о даровании «министерства доверия». Проект, как и записка, принадлежал перу Е.З.Барсукова. Именно от него получил копию проекта генерал Н.И.Иванов.³⁹⁸ Текст этого документа опубликовал Г.Г.Перетц, ошибочно отнеся время его появления к декабрю 1916 г. Однако Н.И.Иванов удостоверил, что проект появился «летом 1916 г.».³⁹⁹

Несомненно, что начальник штаба представил проект императору. Во всяком случае, по признанию М.В.Алексеева, сделанному после революции генералу М.К.Дитерихсу, «в начале 1916 г.» Николай, будучи в Ставке, три дня «носил при себе указ о даровании России конституции». В эти дни он почти не покидал своего кабинета и все время «в большом волнении и задумчивости» ходил по комнате из угла в угол.⁴⁰⁰ Если под «началом 1916 г.» М.В.Алексеев подразумевал первую половину года, то «указ о даровании России конституции» можно отождествить с июньским манифестом.

Первый пункт манифеста гласил: «Обращая наши помыслы к вящему обеспечению единения всех наших верноподанных в доведении настоящей войны до скорейшего и победоносного конца, признали мы за благо образовать Совет министров из лиц, пользующихся общественным доверием, для чего повелеваем председателю Государственной думы собрать совещание из товарищей председателя Думы с секретарем и его товарищей, а также из членов Государственной думы, являющихся представителями отдельных думских партий, и о лицах, кои будут указаны сим совещанием, представить нам доклад». Таким образом, в первом пункте Николай соглашался на фактическое введение парламентаризма путем образования «министерства доверия».

«Озабочиваясь также, — говорилось во втором пункте манифеста, — принятием наиболее действительных и решительных мер к обеспечению как армии, так и всего населения, к восстановлению правильного движения транспорта и снабжения необходимым топливом и материалами заводов, работающих на оборону, признали мы за благо учредить верховного министра государственной обороны, на обязанность коего возлагаем первейшим образом объединение всех мероприятий государственного значения, дабы деятельность различных органов управления была направлена в полной мере к служению армии для победы и изгнания неприятеля из пределов России». Второй пункт проекта дословно повторял основные положения записки М.В.Алексеева. Этот пункт, уравнивая первый, подразумевал осуществление неизбежной при введении парламентаризма радикальной либерализации правительственного курса в рамках режима диктатуры, необходимой для успешного завершения войны.

Радикальная либерализация, издержки которой были бы нейтрализованы диктатурой, царю, чьи взгляды учитывались авторами документа, могла показаться не слишком опасной. В третьем пункте, в ознаменование «искренного и благожелательного доверия к высокому патриотическому подъему, охватившему всех сынов России», объявлялось «прощение вины и полное помилование всем, учинившим по сей день преступные деяния государственные или против порядка управления».⁴⁰¹ Иными словами, в третьем пункте объявлялась политическая амнистия. Следова-

тельно, по замыслу М.В.Алексеева, создание поста верховного министра было всего лишь одним из пунктов, причем даже не самым первым, политической программы, главная цель которой состояла в фактическом установлении парламентаризма, закамуфлированного режимом «либеральной диктатуры».

Существование двойного дна у записки, посвященной созданию нового поста, признал, вопреки своей сверхосторожности, сам начальник штаба. Произошло это при первой личной встрече М.В.Алексеева с М.В.Родзянко, состоявшейся 24 июня в Ставке. Незадолго до приезда в Могилев председатель Думы виделся с А.А.Маниковским. Он сообщил М.В.Родзянко не только о записке М.В.Алексеева, но и о представлении ее царю. В подтверждение своих слов А.А.Маниковский передал собеседнику копию записки. При встрече с начальником штаба М.В.Родзянко посоветовал не создавать новую должность, а дать «настоящие полномочия» председателю Совета министров.⁴⁰² Председатель Думы настаивал на том, что «надо прогнать теперешнее министерство и сделать ответственное». Намекая на предстоящую аудиенцию М.В.Родзянко у царя, М.В.Алексеев заметил: «Так вот, скажите это».⁴⁰³

Введение парламентаризма, по плану начальника штаба, должно было сопровождаться разрешением, согласно рекомендациям оппозиции, польского вопроса. Здесь на помощь М.В.Алексееву снова пришел А.А.Брусилов. Он телеграфировал начальнику штаба 16 июня: «Я считаю, что единственная возможность расположить поляков в пользу России состоит в том, чтобы теперь же без промедления реально осуществить им обещанное, в тех размерах, которые признаются ныне допустимыми, но которые, конечно, не должны быть меньше того, что предлагает полякам Австрия». М.В.Алексеев увидел в этой телеграмме повод для того, чтобы поставить Б.В.Штюрмера перед необходимостью разрешения польского вопроса. Передавая мнение А.А.Брусилова, начальник штаба телеграфировал премьеру 22 июня: «Со своей стороны, присоединяясь вполне к мнению генерал-адъютанта Брусилова, я считаю, что предложенное им решение польского вопроса является в настоящее время единственно целесообразным и потому было бы желательным осуществить его возможно незамедлительно».⁴⁰⁴

Разрешение польского вопроса начальник штаба связывал с приездом в Могилев С.Д.Сазонова. «По польскому вопросу, — сообщал 24 июня временный заместитель Н.А.Базили В.Н.Муравьев, — я имел с генералом Алексеевым лишь краткий разговор, причем он высказал мне, что ему трудно одному что-либо провести, и он возлагает надежды на свидание с Вами 28 июня. Быть может, удастся вызвать обсуждение Советом министров польских дел».⁴⁰⁵

Благодаря усилиям М.В.Алексеева, вдохновляемого парламентаристами и лидерами оппозиции, перед Николаем возникли два вопроса — о введении парламентаризма через учреждение поста верховного министра и о даровании Польше политической автономии. Теперь все зависело только от выбора самого царя.

5. «Необходим диктатор». Вокруг поста верховного министра государственной обороны (лето 1916 г.)

Летом 1916 г., в связи с последовавшим 20–22 июня перерывом занятий законодательных палат, в политической жизни России наступило некоторое затишье. Однако взаимоотношений парламентаристов и дуалистов оно не затронуло. Более того, именно в июне борьба между ними приняла особую остроту. Вызвано это было тем, что начальник штаба верховного главнокомандующего генерал М.В.Алексеев представил Николаю записку об учреждении поста верховного министра государственной обороны.⁴⁰⁶ Первым из членов правительства с ее содержанием ознакомился министр земледелия А.Н.Наумов, принадлежавший к числу наиболее активных парламентаристов.

Уже 14 июня Николай пригласил А.Н.Наумова, находившегося в Ставке, к себе в кабинет и предложил ему прочитать алексеевскую записку и дать по ней заключение. Прочитав записку, А.Н.Наумов заявил, что «относительно самой идеи единства двух мнений быть не может», но «учреждение нового министерства — это будет новым наслоением». Поэтому целесообразно «верховное управление фронта слить с Советом министров и возглавить это как-нибудь одним лицом» и затем организовать «частичные заседания», наподобие Совещания пяти министров.⁴⁰⁷ После такого заявления диалог между министром и Николаем принял еще более интригующий оборот. Император: «Ну, а все же, как вы полагаете — на пост такого верховного министра, может быть, следовало бы пригласить кого-либо из видных общественных деятелей? Хотя бы, скажем, председателя Государственной думы Родзянко?»⁴⁰⁸ А.Н.Наумов: «Ваше величество, я так нов в этом деле. Позвольте уклониться, потому что, если вы хотите возглавить особым лицом, то нужно подумать, если же воспользоваться тем, что есть, то у вас есть председатель Совета министров».⁴⁰⁹

Николай, размышляя вслух и тем самым вызывая собеседника на откровенность, начал задавать ему вопросы о том, кого еще можно было бы назначить верховным министром — графа В.Н.Кокцовца, «кого-то из великих князей» или главного начальника санитарной и эвакуационной части принца А.П.Ольденбургского?⁴¹⁰ На это А.Н.Наумов опять отвечал «очень уклончиво».⁴¹¹ Не указав на конкретного кандидата, министр земледелия заявил императору, что Б.В.Штюрмер «достойным помощником быть ему не может».⁴¹² Собеседник Николая высказался за предоставление лицу, которое оказалось бы во главе кабинета, права составить его список.

Уклончивость А.Н.Наумова объяснялась уверенностью министра в том, что откровенность императора на шекотливую тему отставки Б.В.Штюрмера — только подвох, вызов собеседнику, заведомо известному как человек, находящийся в оппозиции политике премьера. Между тем наметившийся к середине июня выбор Николая в пользу дальнейшей либерализации правительственного курса являлся вполне искренним. Находясь под впечатлением от аргументов письма А.А.Маниковского, царь испытывал явное разочарование в Б.В.Штюрмере. Подразумевая премьера, Николай писал супруге, что он — «прекрасный, честный человек», но «никак не может решиться делать то, что необходимо».⁴¹³

Охлаждение царя к Б.В.Штюрмеру попало в поле зрения министра просвещения графа П.Н.Игнатьева. Во время состоявшейся 14 июня в Ставке встречи с А.Н.Наумовым граф назвал положение Б.В.Штюрмера «непрочным». ⁴¹⁴ Доказательством этому явилось то, что, беседуя с А.Н.Наумовым, император, отбросив условности, напрямую предложил ему встать во главе кабинета. «Ну, хорошо! — воскликнул император. — Кого же вы могли бы рекомендовать мне в качестве такого председателя Совета министров, о котором вы говорите? Вы сами были бы согласны занять этот пост?» ⁴¹⁵ Однако, как в августе 1915 г. А.В.Кривошеин, А.Н.Наумов от неожиданно предложенного предложения предпочел отказаться. И снова, как и в августе 1915 г., вследствие несовместимости лидера парламентаристов (также возглавлявшего ведомство земледелия), царю оставалось иметь дело с тем премьером, который у него уже был.

Единственным итогом разговора Николая с А.Н.Наумовым оказалось утверждение царя во мнении о том, что более целесообразным является не назначение особого диктатора — верховного министра, а наделение диктаторскими полномочиями премьера. Утверждению царя в том же самом мнении способствовала и его беседа с председателем Думы, состоявшаяся 24 июня. ⁴¹⁶ По поводу диктатуры М.В.Родзянко сказал Николаю, что «вынужден предостеречь» его «от этого опасного шага». ⁴¹⁷ Если диктатором будет назначен член императорской фамилии, пугал Николая председатель Думы, то легко может возникнуть «династический вопрос». Если же диктатором окажется «частное лицо», то пример Юань Шикая, провозгласившего себя в начале 1916 г. президентом Китайской республики, «мог бы оказаться довольно соблазнительным для вновь испеченного диктатора». ⁴¹⁸ В качестве выхода из положения М.В.Родзянко предложил Николаю даровать «ответственное министерство». Царь ответил: «Хорошо, я подумаю». Затем он поинтересовался: «А кого бы вы порекомендовали в председатели Совета министров?» М.В.Родзянко сказал: «Вы будете удивлены, ваше величество, но я назову адмирала Григоровича. В своем Ведомстве он сумел в короткое время наладить дело образцово». «Да, это правда, — заметил император по поводу морского министра, — но его область иная, а в председателях он будет не на месте». ⁴¹⁹ Вместо министров торговли и промышленности — князя В.Н.Шаховского и путей сообщения — А.Ф.Трепова М.В.Родзянко посоветовал назначить товарища председателя Думы А.Д.Протопопова и управляющего Московско-Казанской железной дорогой Б.Д.Воскресенского. Николай записал эти рекомендации в записную книжку. Вообще же советы председателя Думы были восприняты царем с огромной долей сарказма. ⁴²⁰ Вместе с тем у императора нашли отклик аргументы председателя Думы против идеи М.В.Алексеева, подразумевавшей создание поста верховного министра.

Позже всех об идее генерала, да и то в неверном истолковании М.В.Родзянко, узнал Б.В.Штюрмер. Отношение к ней премьера диктовалось тем, что иллюзии правительства о возможности компромисса между ним и оппозицией не развеялись окончательно. На заседании кабинета 21 июня говорилось об учреждении П.Н.Крупенским политического

клуба «Экономическое возрождение России». Его членами были лидеры Прогрессивного блока из обеих палат. Министры решили «не отказываться от посещений» этого клуба. ⁴²¹

Примирительное отношение правительства к оппозиции выявилось и на состоявшемся 24 июня секретном совещании Б.В.Штюрмера, графа А.А.Бобринского и И.Я.Гурлянда. На нем рассматривался вопрос о подготовке выборов в V Думу, поскольку в сентябре 1917 г. истекал срок полномочий IV Думы. На результаты июньского совещания о выборах повлияли результаты майского совещания губернаторов. Они пришли к принципиальному выводу о том, что меры по проведению предвыборной кампании «должны применяться на строго законном основании». ⁴²² Никаких нарушений законов участники июньского совещания и не планировали. Они решили распустить нижнюю палату в сентябре 1917 г., т.е. в законный срок.

Единственная хитрость, на которую пошли Б.В.Штюрмер и его единомышленники ради создания в новой Думе проправительственного большинства, состояла в сокрытии от функционировавшей Думы решения об отказе продлить ее полномочия. Готовность умеренных дуалистов дать оппозиционной Думе проработать еще более года, не настаивая на ее немедленном роспуске, была показателем того, что достижение компромисса с Прогрессивным блоком на базе Основных законов они по-прежнему считали вполне возможным. То же самое показывало и решение о распределении правительственных субсидий на предвыборную агитацию «между правыми, националистами и отчасти правыми октябристами». ⁴²³ Таким образом, и в это время, как и при П.А.Столыпине, правительство проводило консервативно-либеральный курс. Дистанцируясь от черносотенцев и кадетов, оно делало ставку на правооктябристский блок.

Ориентацией на соглашение с оппозицией, сохраняющее дуалистическую систему, предопределялось отношение Б.В.Штюрмера к Алексеевскому проекту. Сообщая о реакции премьера на слухи о проекте, царица писала мужу: «Бедняга очень расстроен слухами, переданными ему лицами, побывавшими в Могилеве, а так как Родзянко тоже накинулся на него, то он впал в совершенное недоумение. Будто бы предполагается военная диктатура с Сергеем Михайловичем во главе, смена министров и т.д.». Рассеивая опасения супруги, Николай сообщал ей: «В понедельник я приму старого Штюрмера и успокою его на этот счет, прищпорив его в то же время в других делах». ⁴²⁴

Во время состоявшейся 27 июня ⁴²⁵ встречи с императором Б.В.Штюрмер выдвинул аргументацию против осуществления проекта М.В.Алексеева. Премьер указал на то, что оно привело бы к упразднению особых совещаний по обороне, продовольствию, топливу и перевозкам. Полагая, что провести через Думу законопроект об учреждении поста верховного министра «не представится возможным», ибо она «придает особым совещаниям исключительное значение и никогда не согласится на их упразднение», премьер отметил: «Если же правительство возьмет на себя проведение этой меры ныне, во время перерыва занятий законодательных учреждений, в порядке статьи 87, т.е. указа, то не позже, чем через

два месяца по открытии занятий Государственной думы (1 ноября сего года), этот указ, несомненно, будет ею отклонен, и особые совещания окажутся восстановленными». «В их трудах, между тем, — доказывал Б.В.Штюрмер необходимость особых совещаний, — принимают участие виднейшие представители общественных течений, в роде Гучкова, Коновалова и им подобных, и все они уже привыкли к мысли, что сам закон призвал их к ответственной государственной работе».⁴²⁶

Сохранить особые совещания премьер хотел, исходя из политической, а не функциональной целесообразности. Даже А.А.Маниковский признавал, что улучшения снабжения армии удалось добиться в благодарность, а вопреки Особому совещанию по обороне.⁴²⁷ Тем не менее Б.В.Штюрмер явился в ипостаси защитника нижней палаты. Не отрицая возможности возникновения, по случаю ликвидации совещаний, «серьезного движения» «в политических и общественных кругах, в заключение которого может выдвинуться вопрос и о закрытии Государственной думы», премьер высказался против этого. «Правительство, — подчеркивал Б.В.Штюрмер, — не затруднится принять на себя эту борьбу, как бы резка она не была, но оно должно остановиться на вопросе о том, целесообразно ли вызывать ее, тем более, что правительство окажется в данном случае лишенным возможности опираться на силу закона и что не позже, как через несколько месяцев упраздненные совещания будут восстановлены».⁴²⁸ Следовательно, диктатуру премьер находил неприемлемой, поскольку ее введение вызвало бы роспуск Думы. Едва ли можно найти более яркое доказательство тому, что стремление Б.В.Штюрмера к соглашению с оппозицией было искренним!

Примирительные настроения преисполняли премьера, хотя в неприимости Прогрессивного блока он отдавал себе полный отчет. «Состав 4-й Государственной думы, — подчеркивал Б.В.Штюрмер в другом докладе, представленном императору 27 июня, — несмотря даже на преобладание в нем сравнительно умеренных элементов, представляется, как показывают все наблюдения, неудовлетворительным».⁴²⁹ Казалось бы, раз положение столь безнадежно, единственный выход из него — немедленный роспуск IV Думы и назначение выборов в новую или отсрочка их до конца войны. Но в процитированном докладе Б.В.Штюрмер советовал только, во избежание дальнейшего обострения внутривластной ситуации, не продлевать полномочий оппозиционной Думы, распустив ее в законный срок, осенью 1917 г. Придерживаясь такой мягкой позиции, премьер окончательно дискредитировал себя у правых.⁴³⁰

В нападениях на Б.В.Штюрмера со стороны консерваторов нельзя не усмотреть еще одного доказательства того, что стремление к соглашению с оппозицией на базе конституции 1906 г. было принципиальной установкой его деятельности. Аналогичное стремление отличало и царя. Поэтому аргументация премьера встретила у Николая полное сочувствие.

Доводы А.Н.Наумова в пользу надления диктаторскими полномочиями не особого лица, а главы правительства, а также указания М.В.Родзянко на опасность диктатуры с династической точки зрения, дополненные соображениями Б.В.Штюрмера о несовместимости диктатуры с курсом на

достижение компромисса с Прогрессивным блоком, утвердили царя во мнении, что самым лучшим выходом было бы не назначение верховного министра, а присвоение соответствующих прав существующему премьеру. Поскольку соглашение с оппозицией Николай по-прежнему находил возможным единственно в рамках дуалистической системы, он отказался от подписания «указа о даровании России конституции», т.е. июньского манифеста, подразумевавшего фактическое упразднение этой системы. Мотивируя свое решение соображениями функционального, а не политического порядка, Николай сказал М.В.Алексееву: «Я не верю, чтобы конституционное правление принесло благо России. Настоящая тяжелая война требует исключительных мер для поддержания в народе подъема, необходимого для победы, но народ никогда не будет уважать законов, исходящих, может быть, от его односельчан».⁴³¹ Таким образом, от подписания манифеста царь отказался не в силу своего консерватизма, а просто потому, что опасался влияния внутренней дестабилизации, неизбежной при введении парламентаризма, на ход военных операций. Решение Николая способствовало упрочению положения Б.В.Штюрмера. «Завтра днем, — сообщил Николай жене 27 июня, — состоится совещание с министрами. Я намерен быть с ними очень нелюбезным и дать им почувствовать, как я ценю Штюрмера, и что он председатель их».⁴³²

Заседание правительства 28 июня продолжалось довольно долго. «В 6 ч., — записал тогда царь, — у меня началось заседание Совета министров и продолжалось до 8 ч.».⁴³³ Предметом обсуждения министров была записка М.В.Алексеева. Начиная заседание, Николай подчеркнул, что «теперь требуется особое напряжение сил в виду затянувшейся войны и в виду того, что в некоторых местах есть дефекты по транспорту, по производству топлива». Поэтому, полагал Николай, «нужно теперь единство действий». «Между тем, — заявил император, намекая на необходимость не только функциональной, но и политической консолидации правительства, — Совет министров, высшее учреждение в стране, не показывает нам примера этого единства. Замечаются такие трения, такие разногласия, которые я не приветствовал бы и просил избегать».⁴³⁴

М.В.Алексеев, дополняя свою записку устным выступлением, указал на то, что «в некоторых случаях в войска идет не так успешно доставка угля, железа, и целый ряд поставок идет неблагополучно». Для преодоления этого начальник штаба предложил назначить такое лицо, которое бы получило «сверх-власть» над министрами.⁴³⁵ Кто-то употребил слово «диктатор». «Я, — вспоминал Б.В.Штюрмер о ходе заседания, — помню общую схему: что необходим диктатор... Это слово было произнесено, я его запомнил, может быть, не Алексеевым, а кем-нибудь другим — диктатор, который бы взял все: как дело гражданское, так и военное, в свои руки».⁴³⁶

На предложение М.В.Алексеева со стороны министров, как дуалистов, так и парламентаристов, последовали возражения. Суть этих возражений сводилась к тому, что «не нужно новых наслоений делать». Общее мнение кабинета выразил министр путей сообщения А.Ф.Трепов. «У нас, — говорил он, — есть председатель Совета министров, пускай он возьмет в свои руки все управление, пускай объединяет».⁴³⁷ Обращаясь непосред-

ственно к Б.В.Штюрмеру, А.Ф.Трепов заметил: «Зачем же создавать еще новое лицо, достаточно уже власти. Почему вы не можете это сделать?» Б.В.Штюрмер ответил, что не вправе «вмешиваться в отношения между министрами» и что диктатура — «это слишком большая обязанность». ⁴³⁸ «Тогда, — вспоминал Б.В.Штюрмер, — государь спросил меня: мог ли бы я принять?» Премьер ответил: «Конечно, нет! Я затруднен и без того: я не в состоянии». Сразу после заседания, понимая, что председательствование в Совете министров, руководство МВД и диктаторство — неподъемная ноша, премьер доложил по телефону Николаю, что он не может «совместить эти три должности». ⁴³⁹

Б.В.Штюрмер полагал, что он «должен отказаться или от председательствования в Совете министров или от поста министра внутренних дел и взять тогда более легкое министерство». ⁴⁴⁰ Согласие на принятие диктаторских полномочий премьер обусловил предоставлением ему, взамен «самого тяжелого» ведомства — МВД, другого министерства. Между тем одновременно с судьбой Б.В.Штюрмера Николаю предстояло решить и судьбу А.Н.Наумова. Он, по мнению Б.В.Штюрмера, «очень стремился к диктатуре». ⁴⁴¹ «Держась совершенно иных взглядов, — характеризовал премьер А.Н.Наумова, — он не разделяет политики правительства». ⁴⁴²

Хотя 14 июня А.Н.Наумов отказался от премьерства, надежды на его получение министр земледелия все-таки питал. Иначе после заседания правительства 28 июня А.Н.Наумов не поставил бы императору ультиматум. Намекая на обстановку, сложившуюся в кабинете при Б.В.Штюрмере, А.Н.Наумов заявил Николаю: «Ваше императорское величество, одно из двух: или разрешите мне просить вас эту обстановку изменить, устройте мне так, чтобы я мог работать продуктивно, производителью, так, как я до сих пор работал, или разрешите мне от этого дела отойти для того, чтобы передать его другому лицу». Выслушав А.Н.Наумова, Николай задумался и долго не отвечал. «Очевидно, — вспоминал А.Н.Наумов, — у него была какая-то борьба». Выбирая между Б.В.Штюрмером и А.Н.Наумовым, император отдал предпочтение первому. «Пока я этой обстановки менять не буду, я не перемену, — сказал Николай собеседнику. — С другой стороны, я желал бы, чтобы вы все-таки помогали. Я привык к вашим советам, привык к вашему сотрудничеству, и я надеюсь, что вы на посту члена Государственного совета, — я вас назначаю членом Государственного совета, — окажете нам ваше содействие».

Увольняя А.Н.Наумова, Николай дал понять, что это не означает отказа от соглашения с оппозицией. Напоследок А.Н.Наумов заявил императору, что «чем искреннее относиться ко всему тому, что составляет народное представительство, к общественности, тем сильнее будет само дело, тем сильнее будет родина и его положение. Если эта искренность будет только показная, — подчеркнул А.Н.Наумов, — то это будет еще хуже, чем окончательный обман». Молча отвечая на слова А.Н.Наумова, Николай взял его за руку и поцеловал, будучи, при этом, «в слезах». ⁴⁴³

На следующий день, 29 июня, ва-банк пошел С.Д.Сазонов. Он выступил за решение польского вопроса в духе пожеланий Прогрессивного блока. В присутствии М.В.Алексеева С.Д.Сазонов доложил императору причины,

побуждавшие его просить обнародовать манифест о даровании Польше автономии «в ближайшее же время». В центре внимания Николая, С.Д.Сазонова и М.В.Алексеева оказался проект польской конституции, разработанный директором 2-го департамента МИДа бароном Б.Э.Нольде, при участии государственного секретаря С.Е.Крыжановского. Каждая статья проекта, проводившего, в соответствии с кадетской программой, идею политической автономии, «подверглась тщательному разбору». Николай задавал вопросы, доказывавшие его интерес к этой проблеме. М.В.Алексеев разобрал проект с точки зрения военной безопасности Российской империи и высказался «в пользу его принятия». В конце совещания Николай заявил, что «одобряет проект и находит его обнародование своевременным». ⁴⁴⁴ Так утверждал С.Д.Сазонов уже в эмиграции. В действительности все обстояло далеко не столь гладко.

Беседуя с Ж.М.Палеологом на следующий день после встречи с Николаем, С.Д.Сазонов говорил, что перед тем как император «вполне склонился» на сторону его взглядов, «были жаркие прения». ⁴⁴⁵ Спротивление, встреченное министром со стороны Николая, вполне понятно. Летом 1916 г., в отличие от С.Д.Сазонова, царь являлся сторонником дарования Польше не политической, а административной автономии. Помимо этого, Николай не одобрял идеи немедленного дарования польской конституции, полагая, что ее провозглашение должно предваряться вступлением русской армии в Польшу и провозглашением того, что получит за участие в войне Россия. Иначе, подчеркивал Николай, «русский скажет: “А нам-то что?”» ⁴⁴⁶

Не принимая радикального подхода к польскому вопросу министра иностранных дел, император, однако, в свойственной ему манере, до поры до времени скрывал собственные взгляды. Впрочем, информация о недовольстве Николая позицией С.Д.Сазонова все-таки просочилась. Некая подруга А.А.Вырубовой сообщила с ее слов 17 мая Ж.М.Палеологу, что С.Д.Сазонов «будет, по-видимому, вскоре удален», поскольку «их величества к нему очень плохо относятся». ⁴⁴⁷

Прокадетская позиция министра по польскому вопросу встречала неприятие со стороны не только царя, но и большинства членов кабинета. Оппоненты С.Д.Сазонова находили, что раз русской армии в Польше нет, надо отложить издание манифеста о даровании ей автономии до момента, когда Россия окажется «действительно в состоянии провести в жизнь то, что в манифесте намечается». ⁴⁴⁸

Главным оппонентом С.Д.Сазонова был Б.В.Штюрмер. Он являлся противником дарования Польше политической автономии. Обсуждая польский вопрос, участники салона Б.В.Штюрмера полагали, что воззвание Николая Николаевича к полякам не является «актом, налагающим на корону обязанность признать совершившимся фактом объявление политической независимости Польши», а лишь «обязует правительство принять во внимание точку зрения великого князя при рассмотрении польского вопроса во всей его совокупности». ⁴⁴⁹ Б.В.Штюрмеру была ближе идея административной автономии. Выступая 9 февраля в Думе, Б.В.Штюрмер отметил: «По воле государя императора для Польши открывается новая

жизнь, обеспечивающая за польским народом свободное развитие его духовных даров и культурных и экономических стремлений».⁴⁵⁰

В докладе, отосланном императору 26 мая, премьер заявил себя как противник немедленного дарования Польше автономии. «Я, — мотивировал он неприятие позиции С.Д.Сазонова, — признаю, что государственная мудрость выражается в предвидении и посему в том, чтобы заблаговременно были предотвращены надвигающиеся затруднения. Я опасался бы, однако, обращать такое заблаговременное предотвращение возможных затруднений в прием, быть может, и самый простой, но тем более опасный — разрешать сложнейшие вопросы государственной жизни путем легкого отказа от настоятельных требований реальной политики». «Если России и предстоит сказать свое веское и единственно ей принадлежащее решающее слово по польскому вопросу в его полном объеме, — парировал Б.В.Штюрмер аргументы в пользу немедленного дарования Польше автономии, — то ни один из доводов, не убеждает меня в том, что время это уже настало. Оно не настало уже по одному тому, что еще далека минута, когда можно было бы говорить о польском вопросе в его целом».

В другом докладе Б.В.Штюрмер указывал императору на то, что «каждое заявление, которое было бы сделано Вашим величеством в пользу польских притязаний, было бы широко использовано, как заявление, связывающее Россию на будущие времена и, само собою разумеется, со всеми последствиями этого. Будучи весьма полезно полякам, оно практически не только ничего не давало бы России, а, наоборот, отнимало бы у нее».⁴⁵¹ Прокладетская позиция С.Д.Сазонова по польскому вопросу еще раз подтвердила, что среди министров он является самым левым.

Именно вследствие левизны С.Д.Сазонова его отставка представлялась дуалистам настоятельно необходимой задолго до лета 1916 г. А.Ф.Трепов еще с момента своего назначения министром путей сообщения, т.е. с октября 1915 г., стал вести борьбу с С.Д.Сазоновым, считая его «человеком левых убеждений, находящимся под влиянием П.Н.Милюкова».⁴⁵²

Едва терпели левизну министра иностранных дел и премьеры. «Старик Горемыкин и Штюрмер всегда его не одобряли, — имея в виду С.Д.Сазонова, писала царица Николаю, — так как он парламентарист».⁴⁵³ Через два месяца, 17 мая, Ж.М.Палеологу стало известно, что Б.В.Штюрмер ведет против С.Д.Сазонова «очень деятельную кампанию», обвиняя его в «уступчивости по отношению к Думе».⁴⁵⁴

Помимо левизны С.Д.Сазонова, дуалистов не устраивало в нем чрезмерное, с их точки зрения, благоприятствование союзникам, и прежде всего Англии. Этого не отрицали и парламентаристы.⁴⁵⁵ А.Ф.Трепов говорил начальнику канцелярии Министерства двора генералу А.А.Мосолову, что «путь, принятый Сазоновым относительно Англии, состоящий в постоянных уступках их требованиям, крайне опасен и может повлечь за собою большое порабощение России, и после войны, английским интересам».⁴⁵⁶

Заискиванием С.Д.Сазонова перед союзниками был недоволен и премьер. Как узнал Ж.М.Палеолог 17 мая, Б.В.Штюрмер инкриминировал С.Д.Сазонову то, что он «слишком поддается» влиянию послов Англии и Франции.⁴⁵⁷ Неприятие Б.В.Штюрмером аффилированного англофиль-

ства министра иностранных дел отнюдь не означало, что премьер являлся германофилом. По словам хорошо знавшей Б.В.Штюрмера графини С.С.Игнатъевой, он, «ни в какой степени не будучи германофилом, тем не менее старался оградить Россию и от непомерного захвата ее англичанами».⁴⁵⁸ Следовательно, добиваясь отставки С.Д.Сазонова, дуалисты выступали не против ориентации на Антанту и уж тем более не за сепаратный мир с Германией, а против того, чтобы эта ориентация была слишком пассивной.

К июню 1916 г. положение С.Д.Сазонова стало столь шатким, что его неосторожная попытка ускорить разрешение польского вопроса вопреки взглядам Николая и Б.В.Штюрмера оказалась последней каплей. Не разделяя мнения С.Д.Сазонова, царь, беседуя с ним 29 июня, их оспорил. Но видя, что министра все равно не переубедить, Николай предпочел создать впечатление, что полностью переубежденным оказался он сам. Император попросил С.Д.Сазонова передать С.Е.Крыжановскому повеление о составлении манифеста, провозглашающего дарование Польше автономии. Между тем отрицательное отношение царя к С.Д.Сазонову выявилось в это время вполне. Со слов анонимного источника Ж.М.Палеолог записал 7 июля: «Положение Сазонова сильно пошатнулось; он утратил доверие их величеств». «Его упрекают, — уточнял тот же источник, — в неумении ладить со Штюрмером и в слишком большом умении ладить с Думой».⁴⁵⁹

Неизбежным разрешением ситуации, когда ближайший сотрудник императора вопреки его воле пытался провести собственную линию, являлась отставка неуступчивого министра. Это была та самая ситуация, которую описал А.А.Мосолов. По его наблюдениям, во время общения со своими сотрудниками Николай «никогда не занимал определенной позиции, достаточно решительной, чтобы сломить сопротивление министра, подчинить его своим желаниям и сохранить на посту». Министр, «не получив от царя твердого отпора, предполагал, что его величество не настаивает на своих мыслях». Однако монарх убеждался, что «министр будет проводить в жизнь свои начинания, несмотря на его, императора, несогласие». Министр «уезжал, очарованный, что мог убедить государя в своей точке зрения», но «участь министра была уже решена».⁴⁶⁰ Именно так и произошло в случае с С.Д.Сазоновым.

На следующий день после встречи с Николаем министр иностранных дел самоуверенно заявил Д.У.Бьюкенену и Ж.М.Палеологу: «Я одержал победу по всей линии».⁴⁶¹ Но все обстояло с точностью до наоборот. Уже в самое ближайшее время разочарование предстояло испытать не только С.Д.Сазонову, но и лидерам оппозиции. Они надеялись на то, что влияние М.В.Алексеева при решении вопроса о диктатуре и Польше возобладает, а потому не смогли сдержаться от ликования, предвкушая скорое исполнение своих замыслов.

Передовица от 1 июля прогрессистского органа «Утро России» сообщила об обсуждении министрами указанных вопросов, продемонстрировав осведомленность относительно неизбежности обновления правительства. Автор передовицы, намекая на Б.В.Штюрмера и других дуалистов,

надеялся, что «уйдут от кормила правления элементы, оказавшиеся бес- сильными наладить продовольственный вопрос и поставить в должные рамки дело борьбы с дороговизной, уйдут те члены кабинета, мирозозер- цанию коих чужды соображения высшего государственного разума, дви- жушие намечаемую у нас форму решения польского вопроса, должны бу- дут отойти от дел все слишком упорные, все неприемлющие нового духа». «Ближайшие, быть может, дни, — предполагал анонимный автор передо- вицы, — выяснят стране характер обновленного кабинета. Сейчас даже неизвестно, что именно подготавливается: “обновленное” или “новое” правительство?»⁴⁶² Действительно, Совет министров ожидало обновление. Однако совсем не в том смысле, на который намекал автор передовицы.

На заседании правительства 1 июля были определены полномочия Б.В.Штюрмера по должности диктатора. Они подразумевали фактическое подчинение премьеру министров, являвшихся председателями особых сове- щаний и ранее, в качестве таковых, подчинявшихся только монарху. Чле- ны кабинета поручили Б.В.Штюрмеру проинформировать императора о результатах заседания «во всеподданнейшей записке».⁴⁶³ Выполняя пору- чение, премьер обратился к Николаю по телеграфу с просьбой об аудиен- ции. В ответ на нее утром 2 июля царь телеграфировал: «Могу Вас принять завтра, третьего, или пятого июля. Дайте знать. Николай».⁴⁶⁴

Во время встречи с императором, состоявшейся 3 июля, глава кабинета довел до сведения Николая содержание особого журнала Совета министров от 1 июля, который он тут же и утвердил. Как и пятью днями ранее, Б.В.Штюрмер настаивал на том, что в связи с наделением его диктаторс- кими полномочиями министром внутренних дел он оставаться не может. И тогда по решению царя премьер получил «более легкое министерство» — МИД. Николай, сообщая Б.В.Штюрмеру, что желает уволить С.Д.Сазоно- ва, «не сказал почему».⁴⁶⁵ Но предшествующие события показали, что за- мену С.Д.Сазонова Б.В.Штюрмером обусловило то, что премьер зареко- мендовал себя как решительный противник сазоновского подхода к польскому вопросу. Николай не сочувствовал этому подходу, а потому на- значение министром иностранных дел сановника, разделявшего мнения царя, было вполне логичным.

Особую точку зрения Б.В.Штюрмера на польский вопрос оттенило выдвижение им 3 июля идеи областной реформы. Она подразумевала ад- министративную децентрализацию Российской империи через разделе- ние ее на полтора десятка областей. Мысль об областной реформе кор- респондировала с позицией Б.В.Штюрмера по польскому вопросу. Выступая за дарование Польше не политической, а административной автономии, он полагал, что это должно сопровождаться созданием ана- логичных по статусу областных автономий на остальной территории им- перии. Признав идею премьера целесообразной, царь повелел Б.В.Штюр- меру при их будущей встрече представить «Памятную записку об областном строе управления», составленную И.Я.Гурляндом. Доклад Б.В.Штюрмера, сопровождавший записку, был датирован 7 июля. «Если бы, — говорилось в этом докладе, — оказалось осуществимым закончить разработку проекта к началу занятий Государственной думы, правитель-

ство имело бы возможность выступить с предложениями об областной реформе в виде ответа на разрабатываемые Думой в порядке ее почина проекты земской и волостной реформы». «Вынесение такого проекта, — полагал Б.В.Штюрмер, — несомненно, отвлекло бы общественную мысль несколько в иную сторону, и, во всяком случае, острота положения была бы значительно смягчена». На докладе премьера царь написал: «Разрабо- тать теперь же законопроект об областном управлении и внести на рас- смотрение законодательных собраний ко времени осеннего созыва их».⁴⁶⁶

Отставляя от МИДа парламентариста, Николай, путем распростра- нения полномочий диктатора на сферу внешней политики, хотел не только добиться приемлемого для себя решения польского вопроса, но и сде- лать кабинет более однородным.⁴⁶⁷ Условия для политической консоли- дации правительства должны были создать и министерские назначения, вызванные переходом Б.В.Штюрмера в МИД.

Удовлетворяя ходатайство премьера, его заместителем по МВД Нико- лай назначил умеренного дуалиста, министра юстиции А.А.Хвостова, а заместителем А.А.Хвостова — члена правой группы Государственного со- вета А.А.Макарова, который также являлся типичным умеренным дуа- листом.⁴⁶⁸ Таким образом, увольнение С.Д.Сазонова предопределялось не только внешне-, но и внутривластными обстоятельствами. С тем, что причины его увольнения лежали в области внутренней политики, согла- шался и сам С.Д.Сазонов.⁴⁶⁹ Впрочем, он же приписывал это событие вли- янию «темных сил». Разъясняя причины замены себя премьером, С.Д.Са- зонов говорил 21 июля: «Император царствует, но правит императрица, инспирируемая Распутиным».⁴⁷⁰ Однако, пребывая в убеждении, что за- мена С.Д.Сазонова Б.В.Штюрмером организована «темными силами», современники и исследователи грешили против истины.

За период с 17 мая по 6 июля, нашедший отражение в письмах Алек- сандры Федоровны и непосредственно предшествовавший увольнению С.Д.Сазонова, о необходимости этого она супругу ни разу не писала. В более раннее время царица писала о необходимости замены С.Д.Сазоно- ва только два раза, а именно — в сентябре 1915⁴⁷¹ и марте 1916 г.⁴⁷² Однако ни в том, ни в другом случае имени Б.В.Штюрмера она не упомянула. Замена С.Д.Сазонова Б.В.Штюрмером, предпринятая Николаем 3 июля, состоялась без участия его супруги. Царица приехала в Ставку только 7, пробыв там до 12 июля.⁴⁷³ Более того, Александра Федоровна и Г.Е.Рас- путин выступили против назначения Б.В.Штюрмера министром инст- ранных дел. Узнав об этом назначении, старец буквально «рвал и метал». Он возмущался тем, как мог Б.В.Штюрмер согласиться на получение министерства, в котором «ничего не понимает».⁴⁷⁴

Г.Е.Распутин советовал Б.В.Штюрмеру не принимать нового поста. Старец полагал, что «это будет его погибелью: немецкая фамилия, и все станут говорить, что это, — писала царица мужу, — дело моих рук».⁴⁷⁵ Алек- сандра Федоровна и Г.Е.Распутин явили проницательность. Назначение Б.В.Штюрмера министром иностранных дел общественное мнение дей- ствительно восприняло как дело рук императрицы и старца, хотя ничего подобного не было.

Александра Федоровна и Г.Е.Распутин восприняли отрицательно и назначения А.А.Макарова и А.А.Хвостова.⁴⁷⁶ Замена А.Н.Наумова умеренным дуалистом А.А.Бобринским вообще прошла помимо царицы и старца. Участие в этом Александры Федоровны выразилось лишь в том, что через нее премьер передал Николаю просьбу А.Н.Наумова об отставке.⁴⁷⁷

«Безответственные влияния» не имели отношения и к выдвижению члена совета министра народного просвещения Н.П.Раева в преемники обер-прокурора Синода А.Н.Волжина. Современники и историки видели в Н.П.Раеве кандидата Г.Е.Распутина.⁴⁷⁸ На самом деле он являлся кандидатом петроградского митрополита Питирима.⁴⁷⁹ Кроме Н.П.Раева, кандидатами митрополита в обер-прокуроры были член совета главного управления по делам печати МВД князь Н.Д.Жевахов, государственный секретарь С.Е.Крыжановский, вице-президент Практической восточной академии генерал Н.К.Шведов, а также помощник варшавского генерал-губернатора по гражданской части Д.Н.Любимов.⁴⁸⁰

В конце июня Б.В.Штюрмер поддержал кандидатуру Н.П.Раева. С подачи премьеры царица имела встречу с Н.П.Раевым.⁴⁸¹ Он ей понравился. Александра Федоровна пришла к выводу, что Н.П.Раев оказался бы «истинным даром Божиим для церкви».⁴⁸² Г.Е.Распутин хотел провести в обер-прокуроры не Н.П.Раева, а «давнишнего своего кандидата», церковного публициста В.М.Скворцова. Старец «неохотно поддавался желаниям» Питирима, выдвинувшего Н.П.Раева.⁴⁸³ Однако, узнав о поддержке его кандидатуры царицей, Г.Е.Распутин изменил свое мнение. Передавая собственные впечатления от Н.П.Раева, старец воспроизвел ее мнение дословно. Г.Е.Распутин объявил императрице, что новый обер-прокурор — «это истинный дар Божий».⁴⁸⁴

После летних назначений в прогрессивную группу входили 6 человек, оппонентами которых являлись также 6 министров. Очевидно, ее влияние Б.В.Штюрмеру нейтрализовать не удалось.⁴⁸⁵ О стремлении Николая к соглашению с оппозицией в рамках дуалистической системы свидетельствовало не только сохранение им прогрессивной группы, но и отношение царя к польскому вопросу.

Сазоновский проект манифеста о даровании Польше автономии был послан императору товарищем министра иностранных дел А.А.Нератовым. Он сообщил 9 июля Б.В.Штюрмеру, что по поводу проекта царь наложил резолюцию: «Немедленно рассмотреть в Совете министров».⁴⁸⁶ На заседаниях кабинета 13, 16 и 18 июля только три парламентариста (министры морской — И.К.Григорович и военный — Д.С.Шуваев, а также товарищ министра земледелия А.А.Риттих) поддержали предложение С.Д.Сазонова о немедленном объявлении манифеста. Остальные министры поддержали мнение премьеры об издании манифеста после вступления русской армии в Польшу. За мысль о превращении ее в союзное государство, т.е. о даровании политической автономии, безоговорочно высказался Д.С.Шуваев. И.К.Григорович и П.Н.Игнатъев эту точку зрения признали с оговорками. Другие члены кабинета проголосовали за предложение премьеры о даровании административной автономии.⁴⁸⁷

Не зная о результатах обсуждения польского вопроса министрами, 18 июля Николай «долго беседовал» с управляющим Ловичским княжеством

графом В.И.Велепольским.⁴⁸⁸ Из беседы с императором он вынес убеждение — польский вопрос «поставлен как нельзя лучше». После беседы граф надеялся, что в ближайшие дни сазоновский манифест будет опубликован.⁴⁸⁹ В.И.Велепольский вызвался объяснить необходимость этого царице. Николай был противником немедленного издания манифеста. Однако он согласился с предложением графа.⁴⁹⁰ После встречи с В.И.Велепольским император узнал об итогах обсуждения польского вопроса министрами.

Б.В.Штюрмер сообщил Николаю 19 июля, что в основу нового проекта манифеста «положены не начала союзного договора, на которых были построены проекты манифестов, выработанных бывшим министром иностранных дел, а также государственным секретарем, а начала областной автономии».⁴⁹¹

Для упрочения своей позиции Б.В.Штюрмер обратился к императрице. Александра Федоровна поддержала премьеру.⁴⁹² Вдохновляемая Б.В.Штюрмером, к идее немедленного издания манифеста она относилась отрицательно. Это показала состоявшаяся 22 июля беседа Александры Федоровны с В.И.Велепольским.⁴⁹³ После нее царица попросила супруга через Б.В.Штюрмера задержать решение польского вопроса до ее приезда в Ставку.⁴⁹⁴ Однако решение польского вопроса задержало не мнение царицы, а то, что летом 1916 г. русская армия так и не вступила в Польшу.

По вопросу о публикации манифеста Николай согласился с большинством кабинета, тем более что оно выразило его собственные взгляды. Монарх объявил Б.В.Штюрмеру 1 августа, что «склоняется к обнародованию манифеста лишь после вступления русских войск в пределы Царства Польского».⁴⁹⁵ Следовательно, отставка С.Д.Сазонова не означала отказа Николая от разрешения польского вопроса.

Император являлся сторонником выполнения и других пожеланий оппозиции, в частности — принятия нового университетского устава. В августе он обсуждался кабинетом. Большинство министров хотели, чтобы дипломы, как и раньше, предоставляли служебные и сословные права. Выслушав 19 августа жалобы на это П.Н.Игнатъева, Николай заявил: «Если будут дальше противодействовать, сообщите мне, и я их соберу и объясню». Сделанный при этом жест императора «был выразителен».⁴⁹⁶ В результате победа осталась за П.Н.Игнатъевым. В ходе аудиенции министр народного просвещения призвал императора к союзу с Думой и поддерживающими ее общественными организациями. В тесном согласии с ними, полагал П.Н.Игнатъев, «власть только и может выйти из тупика». Николай признал «правильность» этих взглядов. Император отметил, что «он всегда с доверием относился к русской общественности, что и выразилось в установлении Государственной думы».⁴⁹⁷

Однако Николай по-прежнему полагал, что соглашение с оппозицией возможно на почве конституции 1906 г., т.е. без установления парламентаризма. В августе А.В.Кривошеин говорил Ж.М.Палеологу о «непреодолимом сопротивлении, на которое наталкивались со стороны императора, когда ему советовали способствовать эволюции царизма в направлении к парламентарной монархии».⁴⁹⁸ Впрочем, точка зрения царя, сохранявшего

в кабинете прогрессивную группу, не препятствовала внедрению в практику верховного управления элементов парламентаризма.

Благодаря парламентаристам даже диктаторские полномочия Б.В.Штюрмера не уменьшили влияния законодателей на управление. В качестве диктатора премьер попытался вмешаться в деятельность Особого совещания по обороне. Председатель Особого совещания Д.С.Шуваев пошел на нарушение служебной тайны. Генерал показал его членам «секретную бумагу — указ, по которому Штюрмер назначался диктатором».⁴⁹⁹ Поступок военного министра объяснялся тем, что он был парламентаристом.⁵⁰⁰ Чувствуя за собой поддержку Д.С.Шуваева, члены Особого совещания выразили Б.В.Штюрмеру «свое негодование». Получив отпор со стороны лидеров оппозиции, распоряжений Особого совещания премьер «больше не касался».⁵⁰¹

Прибавка Б.В.Штюрмеру власти не прибавила его положению прочности, поскольку настроила против него еще более не только лидеров оппозиции и парламентаристов, но и дуалистов. Давно рассчитывая добиться премьерства, А.Ф.Трепов инициировал новый этап антиштюрмеровской кампании. В конце июля А.Ф.Трепов убеждал министра финансов П.Л.Барка, что он «должен помочь ему сместить Штюрмера». А.Ф.Трепов попросил собеседника сказать императору, что премьер — «сильная помеха в работе по заведыванию финансами Империи».⁵⁰²

Летнее торжество оппонентов парламентаристов оказалось весьма проблематичным. Его нейтрализовала поляризация, расколовшая не только Совет министров в целом, но и без того не слишком влиятельную прослойку дуалистов.

6. «Нормы предупредительного характера». Б.В.Штюрмер и оппозиционные организации (январь — октябрь 1916 г.)

В начале 1916 г. отношение Б.В.Штюрмера к Земскому и Городскому союзам и военно-промышленным комитетам, как и к Прогрессивному блоку, было отмечено печатью готовности к сотрудничеству с ними на базе Основных законов. В речи, произнесенной новым премьером при посещении 25 января МВД, он вспомнил тот «подъем духа», с которым работал в тверском земстве «в полном единении со всеми местными земскими деятелями, без всякого различия партий и групп». Б.В.Штюрмер вспомнил и свою службу на посту ярославского губернатора, протекавшую «в полном согласии с местными общественными учреждениями». Премьер выразил надежду, что «опыт, им приобретенный на службе в МВД», «поможет ему в деле разумения и проведения в жизнь мероприятий, необходимых для разрешения сложных и ответственных задач, ныне выдвигаемых государственной жизнью России».⁵⁰³ При посещении 1 февраля Министерства земледелия премьер поставил ему в заслугу «уменьше привлечь к осуществлению своих заданий местные общественные силы и дружно с ними работать».⁵⁰⁴

Выступая за сотрудничество правительства с общественными организациями, Б.В.Штюрмер осознавал их политическую опасность. О способах ее нейтрализации говорили посетители салона Б.В.Штюрмера.⁵⁰⁵ Несмотря на оппозиционность и союзов, и комитетов, новый премьер начал оказывать им усиленное финансовое покровительство.

В конце января с одобрения Б.В.Штюрмера правительство выделило субсидии Земскому союзу на продолжение его деятельности по оказанию помощи больным и раненым воинам.⁵⁰⁶ На заседании Совета министров 8 марта Б.В.Штюрмер поставил вопрос об отпуске 12 000 000 рублей Союзу городов.⁵⁰⁷ В течение января—марта 1916 г. на снабжение армии Особое совещание по обороне авансировало союзам 43 557 375 рублей и 936 500 франков. К марту комитеты получили 33 000 000 рублей. В феврале ЦВПК получил, также в счет оплаты его заграничных заказов, 397 355 долларов, 38 875 фунтов и 75 000 крон.⁵⁰⁸

Финансирование комитетов и союзов Б.В.Штюрмер осуществлял, игнорируя недовольство этим со стороны черносотенцев.⁵⁰⁹ Они выступали не просто за сокращение казенных субсидий, выделявшихся оппозиционным организациям, но за их полное закрытие. Жестко дистанцировавшись от черносотенцев, новый премьер пошел на разрешение съездов представителей комитетов и союзов. Демонстративно примирительное отношение правительства к этим организациям объяснялось позицией не только Б.В.Штюрмера, но и царя.

Николай не испытывал иллюзий относительно лояльности руководителей союзов и комитетов. При посылке телеграмм, адресованных общеземскому и общегородскому съездам, Николай заявил М.В.Алексееву, подразумевая деятельность лидеров оппозиции: «Вся эта работа — систематический подкоп под меня и под все мое управление. Я очень хорошо понимаю их штуки... Арестовать бы их всех вместо благодарности».⁵¹⁰ Тем не менее телеграммы Николая, адресованные съездам, соблюдали декорум благоволения.⁵¹¹ Как же реагировали общественные организации на примирительные жесты, делавшиеся императором и премьером?

Делегаты 2-го всероссийского съезда представителей военно-промышленных комитетов, заседавшего 26—29 февраля в Петрограде, приняли резолюцию о необходимости замены кабинета Б.В.Штюрмера «ответственным министерством». Проходившие 12—14 марта общеземский и общегородской съезды также не поддержали нового премьера. Первый съезд высказался за «министерство доверия», второй — за «ответственное министерство».⁵¹² Опасения царя полностью оправдались.

Общественные организации публично признали, что их цель — не только фактическая, но и формальная замена дуалистической системы парламентаризма, т.е. именно «подкоп под управление». Подобное признание было равносильно призыву к государственному перевороту. По мнению П.Н.Милокова, переход общественных организаций к «формуле ответственного министерства уже означал совершенно открытый разрыв со всякого рода мирными путями».⁵¹³

Оценка П.Н.Милокова совпадала с рассуждениями полицейского аналитика. По его мнению, февральско-мартовские съезды показали, что союзы и комитеты «не только уклонились от непосредственных их задач, но и угрожают известными своими действиями внутреннему государственному порядку». Их политическая деятельность имела «признаки государственных преступлений», преследуемых по статьям 128, 129 и 130 уголовного уложения.⁵¹⁴ Политическая опасность общественных организаций

начала перевешивать их функциональную пользу. Казалось бы, это должно было повести к немедленному закрытию союзов и комитетов.

Эвентуальную возможность упразднения общественных организаций допускали губернаторы. При этом они исходили из функциональных соображений. «Общеземский союз, — констатировалось на майском совещании губернаторов, — является организацией, бесполезной во время войны, но вопрос, не лучше ли справились бы с его делом органы правительства, если бы они могли иметь соответствующий личный состав и кредиты».⁵¹⁵ На снабжении армии закрытие союзов и комитетов не казалось бы слишком серьезно. На малоэффективную работу Земгора указывали даже оппозитционеры.⁵¹⁶ Закрытие комитетов, полагали губернаторы, не отразилось бы «на деле».⁵¹⁷ Комитеты соперничали с Земгором по части малой эффективности снабженческой деятельности. В признании этого думцы были единодушны с агентами власти.⁵¹⁸ Почему же союзы и комитеты, представлявшие не только политическую угрозу, но и тяжелое бремя для казны, не окупавшееся их деятельностью, правительство так и не закрыло?

Сохранению оппозиционных организаций содействовали не функциональные, а политические причины, которые привели к их созданию. Показательна беседа между царем и начальником ГАУ А.А.Маниковским, состоявшаяся 14 марта.⁵¹⁹ Николай: «На вас жалуются, что вы стесняете самостоятельность общества при снабжении армии». А.А.Маниковский: «Ваше величество, они и без того наживают на поставках по 300 %, а бывали случаи, что получали даже более 1000 % барыша». Николай: «Ну и пусть наживают, лишь бы не воровали». А.А.Маниковский: «Ваше величество, но это хуже воровства, это — открытый грабеж». Николай: «Все-таки не нужно раздражать общественное мнение».⁵²⁰ Ради поддержания фикции «священного единения» царь отказался от закрытия союзов и комитетов.

Нижестоящие инстанции принимали во внимание позицию Николая. Закрытие военно-промышленных комитетов, говорилось на майском совещании губернаторов, не отразилось бы «на настроении рабочих, но породило бы протест в среде так называемой интеллигенции. Ввиду этого к закрытию их прибегать не следует».⁵²¹ Таким образом, основной причиной сохранения союзов и комитетов, несмотря на их неэффективность и оппозиционность, была не функциональная, а политическая целесообразность. Исходя из нее, Б.В.Штюрмер по-прежнему продолжал масштабное финансирование общественных организаций. В течение марта—июня Особое совещание по обороне авансировало ЦВПК 34 038 452 рубля, 61 028 фунтов и 120 330 долларов, а Земгору — 57 220 711 рублей 75 копеек и 585 746 долларов.⁵²²

Благоприятствование Б.В.Штюрмера к земствам было таково, что во время его пребывания на посту министра внутренних дел финансовые разногласия между земствами и губернаторами разрешались именно в пользу органов самоуправления, а не местной администрации.⁵²³ Покровительство центрального аппарата МВД земству порождало у чиновников недовольство.⁵²⁴ Впрочем, нарастание оппозиционности союзов и

комитетов обусловило то, что правительство Б.В.Штюрмера, по-прежнему финансируя их специальную деятельность, начало налагать на нее ограничения, которые бы минимизировали вмешательство общественных организаций в политику.

Февральско-мартовские съезды вынудили правительство выработать «нормы предупредительного характера». Они должны были обеспечить не только «свободную», но и «соответствующую существующим законам» деятельность общественных организаций. При выработке «норм» правительство исходило из «назревшей потребности охранения» союзов и комитетов «от уклонения в сторону разрешения ими не подлежащих их ведению политических задач, так как всякие эксцессы политической свободы могли лишь стеснять свободу специальной деятельности организаций».⁵²⁵ Поэтому расценивать «нормы» как репрессии неправомерно.

Одной из первых мер «предупредительного характера» стало увольнение 15 марта военного министра А.А.Поливанова. В своем отношении к союзам и комитетам он руководствовался указаниями не правительства, а лидеров оппозиции, главным образом А.И.Гучкова.⁵²⁶ На заседании кабинета 4 марта генерал высказался за включение представителей оппозиционных организаций в состав Русского правительственного комитета в Лондоне, который координировал закупки военного снаряжения. Военный министр настаивал на своей идее, хотя ранее кабинет отнесся к ней отрицательно. А.А.Поливанов поддержал только И.К.Григорович.⁵²⁷ Покровительство генерала военно-промышленным комитетам обусловило принятие февральским съездом их представителей резолюции об «ответственном министерстве». Объясняя причины его отставки, Николай писал А.А.Поливанову 13 марта, что деятельность комитетов «мне не внушает доверия, а руководство Ваше этою деятельностью недостаточно властно в моих глазах».⁵²⁸

Увольнение А.А.Поливанова не означало того, что положение комитетов ухудшилось. Его преемником оказался главный полевой интендант генерал Д.С.Шуваев. Как интендант он заявил себя сторонником сотрудничества Военного министерства с комитетам. Д.С.Шуваев был единственным представителем власти на февральском съезде, причем находился тогда в первом ряду.⁵²⁹

Следующей мерой «предупредительного характера» стал особый журнал Совета министров 7 апреля, утвержденный царем 10 апреля. Особый журнал запретил на будущее проведение всех съездов.⁵³⁰ Казалось бы, вот яркое доказательство того, что Б.В.Штюрмер боролся с общественными организациями. Но запрещение съездов нельзя рассматривать как антилиберальную акцию хотя бы потому, что оно затронуло не только левых, но и правых. По поводу предположения черносотенцев о созыве своего съезда, намеченного на май, в МВД решили: «Едва ли такой съезд удобен в виду известного постановления Совета министров».⁵³¹ Это мнение восторжествовало.

Фактически постановление 7 апреля в полном объеме никогда не действовало. Сразу после его принятия правительство стало делать исключения в пользу тех организаций, которые возглавлялись оппозиционера-

ми или имели их в своем составе.⁵³² Наложив запрет на съезды союзов, особый журнал 7 апреля ни в коей мере не стеснил развития сети их местных учреждений.⁵³³

Проблема взаимоотношений правительства и союзов обострилась из-за разработки Думой законопроекта об утверждении их уставов. Этот законопроект подразумевал полную легализацию союзов как учреждений, действующих постоянно, не только во время, но и после войны. Парламентаристы (И.К. Григорович, граф П.Н. Игнатьев, А.Н. Наумов, С.Д. Сазонов и Д.С. Шуваев) поддержали идею принятия уставов. Однако они полагали, что существование легализованных союзов должно быть ограничено периодом войны.⁵³⁴

В начале мая предположение Думы подверглось обсуждению на совещании губернаторов и на двух заседаниях частного совещания под председательством Б.В. Штюрмера. Совещание губернаторов идею легализации союзов отвергло.⁵³⁵ В работе частного совещания приняли участие три товарища министра внутренних дел — граф А.А. Бобринский, князь В.М. Волконский и А.В. Степанов, начальник главного управления по делам местного хозяйства МВД Н.Н. Анциферов, директор Департамента полиции генерал Е.К. Климович, член совета министра внутренних дел И.Я. Гурлянд, петроградский градоначальник генерал князь А.Н. Оболенский, государственный контролер Н.Н. Покровский и его товарищ А.И. Маликов. А.А. Бобринский, В.М. Волконский, Н.Н. Покровский и А.И. Маликов «стояли за легализацию». Е.К. Климович также полагал, что «устав необходим».⁵³⁶ Остальные были против легализации — «с точки зрения как государственного, так и финансового права».⁵³⁷ Премьер, со свойственной ему осторожностью, молчал и «внимательно слушал, что говорили».⁵³⁸ Молчание Б.В. Штюрмера объяснялось тем, что идея легализации казалась ему неприемлемой. После мартовских съездов сомневаться в политической опасности союзов не приходилось. Имея в виду оппозиционные организации, Б.В. Штюрмер отмечал во всеподданнейшем докладе от 8 мая: «Здесь каждое по существу начинание используется в целях противогосударственного настроения умов, и с явлениями этими правительству предстоит серьезная борьба». Мотивируя неприемлемость идеи легализации, Б.В. Штюрмер указывал императору 7 июня, что при ее воплощении «в России оказались бы два правительства, из которых правительство общественное, действуя на средства Государственного казначейства, было бы независимое не только от государственной власти, но и вообще от государства».⁵³⁹

Вопрос о финансовой зависимости союзов от казны возник не случайно. К 3 июня 1916 г. сумма субсидий, выделенных оппозиционным организациям только Советом министров, превысила 480 000 000 рублей.⁵⁴⁰ Ненормальность ситуации, при которой такие колоссальные суммы расходовались бесконтрольно, понимали даже парламентаристы. Н.Н. Покровский высказался за установление правительственного контроля над расходованием союзами казенных субсидий. Совещание признало это «вполне нормальным и допустимым, достаточно обеспечивающим интересы казны».⁵⁴¹ Данное решение и стало результатом обсуждения вопроса о легализации. Совет министров поручил Государственному

контролю «установить порядок контроля над производимыми общественными учреждениями расходами по призрению больных и раненых воинов».⁵⁴²

Решением кабинета от 14 июня, утвержденным императором 10 июля, при Государственном контроле под председательством директора департамента гражданской отчетности С.А. Гадзяцкого была образована комиссия по проверке оборотов Земского и Городского союзов. Какой-либо антиобщественной направленности она не имела. С мнением Н.Н. Покровского о том, что совещание С.А. Гадзяцкого, которое «и сейчас действует», было принято союзами «даже с благодарностью», председатель Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства полностью согласился.⁵⁴³ Не поддержав идеи легализации союзов, Б.В. Штюрмер отказался и от употребления по отношению к ним репрессий. Подобное поведение детерминировалось консервативно-либеральным габитусом премьера.

От употребления репрессий Б.В. Штюрмер отказывался еще и потому, что не сомневался в малочисленности представителей антиправительственного движения. Во всеподданнейшем докладе от 8 мая премьер отмечал, что «злоба вражеская, истощаяся на полях битвы, находит союзников в темных силах, стремящихся к сокрушению единства помыслов и трудов истинных сынов России в тылу великих российских войск». Хотя «работа в этом направлении идет неустанно», писал Б.В. Штюрмер, но опирается она не на массы, а «на явно злонамеренные, а также малодушные частицы населения, не видящие гибельного значения дела своих рук для государства».⁵⁴⁴ Тот факт, что, преуменьшая политическое значение оппозиции, премьер тем не менее стремился к сотрудничеству с ней в рамках Основных законов, доказывает подлинность его либерализма.

Нежелание Б.В. Штюрмера наступать на оппозиционные организации заявило о себе и при рассмотрении в июне вопроса о сенаторской ревизии союзов. Не отрицая необходимости ревизии, премьер, однако, высказался против нее.⁵⁴⁵ Отказ Б.В. Штюрмера от наступления на союзы противоречил рекомендациям черносотенцев. Они требовали немедленного закрытия этих организаций.⁵⁴⁶

Примирительное отношение Б.В. Штюрмера к оппозиции привело к усилению критики его курса ортодоксальными консерваторами.⁵⁴⁷ Ее не ослабило разрешение премьером вопроса о реорганизации военно-промышленных комитетов. Она предусматривала, по мысли губернаторов, назначение в комитеты представителей Государственного контроля и фабричной инспекции. Губернаторы испытывали «большие сомнения» по поводу правильности расходования комитетами казенных кредитов.⁵⁴⁸

Помимо финансовых аспектов деятельности комитетов, беспокойство правительства вызывали и рабочие группы. МВД трактовало их как «социал-демократические коллективы, преследующие задачи революционной агитации и организации рабочих масс России».⁵⁴⁹ Вопрос о политической опасности рабочих групп обсуждался на заседании кабинета 4 июня. А.В. Степанов доложил информацию «относительно революционного движения в рабочих массах», вызываемого деятельностью групп. На заседании были намечены меры в смысле «более серьезного надзора»

за комитетами со стороны Д.С.Шуваева. Против этого «восставал» министр путей сообщения А.Ф.Трепов. Будучи парламентаристом, Д.С.Шуваев открыто выступил «в защиту» комитетов. Поэтому А.Ф.Трепов настаивал на надзоре за комитетами со стороны премьера.⁵⁵⁰

Совещание министров, состоявшееся 11 июня, было посвящено той же теме. На заседании правительства 18 июня парламентаристы выступили «против ломки» Положения о комитетах. Идею введения в них представителей правительства члены прогрессивной группы (А.Н.Наумов, граф П.Н.Игнатьев, князь В.Н.Шаховской и Д.С.Шуваев) провалили. Для нейтрализации политической опасности комитетов министры решили принять меры «практического свойства».⁵⁵¹

Поддерживая парламентаристов, А.В.Степанов подчеркнул: «Я не возражаю против сохранения настоящего Положения при условии плановости действий». Б.В.Штюрмер обратил особое внимание на две «практические» меры. Он заявил: «Покамест мы остановились на том: 1) чтобы все ведомства не питали комитетов, чтобы заказы сокращались, 2) чтобы обнародовать, к каким неудовлетворительным результатам пришла деятельность комитетов».

В конце заседания Б.В.Штюрмер высказался в духе прогрессивной группы: «Значит, теперешнее Положение оставить в силе, но что Военное министерство держит председателя Совета министров в курсе роста и хода заказов». Последнее слово осталось не за премьером, а за парламентаристом. А.Н.Наумов заметил: «Надо оговориться, чтобы послабление заказов не шло к ущербу нашей готовности. Надзор за выполнением ведомствами всех мер возлагается на председателя Совета министров».⁵⁵² После этого в особом журнале была помещена оговорка: «без ущерба для воинского снабжения».⁵⁵³ Она сводила на нет решение о сокращении заказов, поскольку определять степень «ущерба» должен был военный министр, являвшийся покровителем ЦВПК.

Впрочем, 18 июня на заседании Особого совещания по обороне Д.С.Шуваев как будто встал на сторону дуалистов. Он заявил, что «передача заказов через общественные организации целесообразна лишь в тех случаях, когда заказ распределяется между многочисленными мелкими предприятиями».⁵⁵⁴ Однако на заседании правительства 24 июня Д.С.Шуваев оспорил решение Совета министров относительно приемщиков: «не беру ответственность, ибо нельзя найти подходящих людей, пусть и несут союзы и комитеты». В результате министры согласились отметить в особом журнале, что военный министр «затрудняется» выполнять указанное решение, а кабинет «вполне отдаст себе отчет в отмечаемых военным министром затруднениях [относительно] выполнения таковой меры».⁵⁵⁵

По поводу июньских решений правительства Николай наложил 22 июня резолюцию: «Давно пора было это сделать. Очень одобряю». Особый журнал Совета министров 18 и 24 июня царь утвердил 27 июня, написав на нем: «Одобряю и требую, чтобы намеченные здесь мероприятия не остались мертвою буквою».⁵⁵⁶ Во исполнение царских резолюций 3 июля последовала публикация отчета Государственного контроля о беспорядках в деятельности ЦВПК. Другие пункты особого журнала почти

все остались «мертвою буквою». Это было вызвано поддержкой, которая оказывалась оппозиционным организациям со стороны парламентаристов, и прежде всего Д.С.Шуваева.

Поведение парламентаристов объяснялось их солидарностью с лидерами оппозиции. Министры знали, что главной целью союзов и комитетов являлось «осуществление политических задач, а не содействие правительству по оказанию помощи больным и раненым воинам и снабжению армии».⁵⁵⁷ Тем не менее на заседании Особого совещания по обороне 17 августа, сообщал императору через четыре дня Б.В.Штюрмер, Д.С.Шуваев заявил, что «заказы по-прежнему оставил за военно-промышленными комитетами, так как он не имеет в своем распоряжении тысячи чиновников, которые могли бы заменить общественных деятелей, работающих в военно-промышленных комитетах».⁵⁵⁸ В течение июля — ноября Особое совещание, председателем которого являлся Д.С.Шуваев, отпустило ЦВПК 2 954 830 рублей 50 копеек и 160 000 франков, а Земгору — 62 981 146 рублей 11 копеек, 6450 фунтов, 82 500 франков и 229 100 долларов.⁵⁵⁹ Исполнение особого журнала, посвященного военно-промышленным комитетам, Д.С.Шуваев, насколько возможно, саботировал.

Попытка премьера ввести функционирование комитетов в русло аполитичности встретила еще большее сопротивление со стороны А.И.Гучкова. В августе, посылая письма начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу М.В.Алексееву, председатель ЦВПК начал кампанию по обвинению Б.В.Штюрмера в «измене», выразившейся, якобы, в его противодействии снабжению армии. Сознательное использование А.И.Гучковым клеветы как средства политической борьбы премьер объяснял несостоятельностью предшествующей тактики лидеров оппозиции.⁵⁶⁰

В организации кампании по дискредитации Б.В.Штюрмера А.И.Гучков был заинтересован и лично, как председатель ЦВПК. Правительство опубликовало 3 июля данные Государственного контроля, которые, свидетельствуя о финансовых беспорядках, открывшихся в деятельности ЦВПК, снимали с А.И.Гучкова ореол бескорыстия. «Снятие ореола — взрыв негодования, — фиксировал ход мысли премьера черновик его всеподданнейшего доклада. — Обещание мести. Новый поход. Клевета. Письма Гучкова, их распространение, отсутствие опровержения. Мнение общества, что правительство мешает обороне».⁵⁶¹ Действительно, начало подготовке кампании по дискредитации премьера было положено А.И.Гучковым именно в июле.

Начальник московского охранного отделения полковник А.П.Мартынов доносил 26 июля Е.К.Климовичу, что «можно ожидать» открытого письма за подписями А.И.Гучкова, С.А.Смирнова, Г.Е.Львова и М.В.Челнокова, в котором «внимание общества будет привлечено на отношение правительства к делу заготовки предметов снаряжения армии. Оживленные сношения по этому вопросу, — подчеркивал А.П.Мартынов, — между указанными лицами идут непрерывно».⁵⁶²

Результатом активности московских оппозиционеров и стали письма А.И.Гучкова М.В.Алексееву, разошедшиеся в многочисленных копиях. В одном из этих писем А.И.Гучков указывал на то, что у Б.В.Штюрмера

«прочная репутация, если не готового уже предателя, то готового предать».⁵⁶³ Обвинения, на которых базировался вывод А.И.Гучкова, были столь же правдоподобными по форме, сколь и абсолютно лживыми по содержанию. Наиболее типичное обвинение следователь Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства характеризовал как «дудое», поскольку «данных, его подкрепляющих, совершенно нет».⁵⁶⁴

Информацию о письмах А.И.Гучкова Б.В.Штюрмер получил от члена октябристского ЦК князя А.В.Оболенского. Вскоре после смерти сына А.И.Гучков посвятил в подробности планировавшегося им заговора, нацеленного против Николая, А.В.Оболенского. Тогда же А.И.Гучков показал собеседнику и свою переписку с начальником штаба. А.В.Оболенский рассказ об откровениях А.И.Гучкова и его контакте с М.В.Алексеевым Б.В.Штюрмеру. «Примите меры, доложите государю», — заявил А.В.Оболенский премьеру. Б.В.Штюрмер попросил собеседника достать подлинную переписку А.И.Гучкова с начальником штаба. Князь от этого отказался. «Власть в ваших руках, — сказал А.В.Оболенский, — я указал вам даже, где хранятся письма, полиция должна произвести выемки, а не я».⁵⁶⁵ Б.В.Штюрмер ограничился только тем, что сообщил о переписке царице.

С подачи премьера Александра Федоровна писала мужу 18 сентября, что «теперь идет переписка между Алексеевым и этой скотиной Гучковым, и он начинает его всякими мерзостями».⁵⁶⁶ Копии двух писем А.И.Гучкова, распространявшиеся в качестве нелегальной литературы, царица получила 20 сентября от министра торговли и промышленности князя В.Н.Шаховского. Министру их передал назначенный председатель правления московского «Общества 1886 г.» генерал Л.В.Свенторжецкий.⁵⁶⁷ Николай получил экземпляр одной из копий письма А.И.Гучкова 9 октября от Б.В.Штюрмера.⁵⁶⁸

Меры, предпринятые премьером ради нейтрализации политической опасности оппозиционных организаций, окончательно восстановили против него не только А.И.Гучкова, но и руководителей союзов. Как и председатель ЦВПК, Г.Е.Львов и М.В.Челноков настаивали на отмене особого журнала 7 апреля 1916 г., запретившего проведение всех съездов. Изменение позиции правительства по вопросу о съездах обуславливалось активностью членов прогрессивной группы кабинета. Уже в конце июня большинство министров полагали, что «вопрос о разрешении созыва съездов общественных организаций должен быть пересмотрен».⁵⁶⁹ Непосредственным инициатором пересмотра вопроса о разрешении съездов оказался Д.С.Шуваев. В начале июля генерал получил послания Г.Е.Львова и М.В.Челнокова, которые требовали отмены особого журнала 7 апреля. Генерал обратился к премьеру с просьбой «не отказать внести» эти послания «на уважение Совета министров».⁵⁷⁰

На заседаниях кабинета 26 июля и 12 августа он учел пожелания лидеров оппозиции. Право на разрешение съездов перешло от Совета министров к министру внутренних дел. Ходатайства о съездах должны были представляться на рассмотрение кабинета только в случаях особой важности. Тем самым процедура их разрешения упрощалась. Правительство решило также издать по 87-й статье «правила о праве министра внутрен-

них дел посылать в заседания уполномоченных».⁵⁷¹ Согласно правилам, министр внутренних дел и губернаторы имели право командировать во все, в том числе и не публичные, собрания общественных организаций своих представителей. Они получали полномочия на закрытие собраний. Данная мера, не нарушая специальной деятельности союзов и комитетов, должна была предотвратить их уклонение в политику.

Предложение о командировании на съезды своих представителей министр внутренних дел А.А.Хвостов выдвинул «только для того, чтобы иметь возможность допускать самые съезды и чтобы этот вопрос не остался на мертвой точке». «Если бы я, — подчеркивал А.А.Хвостов, — эту меру не принял, едва ли Совет министров согласился предоставить право разрешений съездов министру внутренних дел, и тогда, значит, это никогда не осуществилось бы. Между тем, они были до крайности необходимы и желательны».⁵⁷² Особый журнал Совета министров 26 июля и 12 августа царь утвердил 1 сентября.

При помощи мер, инициированных особым журналом, Б.В.Штюрмер попытался предотвратить выход общественных организаций за рамки закона, не ограничивая их законной деятельности. Поэтому эти меры нельзя расценивать как направленные против союзов и комитетов. Особый журнал дал общественным организациям реальные возможности для проведения съездов. Одновременно он поставил не менее реальные препоны политической деятельности союзов и комитетов, а потому вызвал у их руководителей новые протесты.⁵⁷³ Но курсу Б.В.Штюрмера на достижение компромисса с оппозицией на базе Основных законов особый журнал не противоречил.

Именно в августе попытки черносотенцев открыть кампанию против оппозиции правительство решительно пресекло. В ходе переговоров с официальными сферами по поводу разрешения черносотенного съезда представители «Союза русского народа» настаивали на включении в программу съезда пункта «об отношении к общественным организациям». Сановники заявили черносотенцам, что «при этом условии съезд разрешен не будет».⁵⁷⁴ Разрешения на проведение съезда крайне правые так и не получили.

Вызванное консервативно-либеральным габитусом Б.В.Штюрмера дистанцирование премьера от ортодоксальных консерваторов было не показным, а настоящим. Такому заключению как будто противоречит факт отпуска в 1916 г. черносотенной прессе, по линии главного управления по делам печати МВД, 471 364 рублей. Но эта сумма составляла только 28 % от 1 700 000 рублей, т.е. общей суммы субсидий, выделенных тогда рептилиям.⁵⁷⁵

Еще одним каналом финансирования крайне правых являлся Департамент полиции. У его директора Е.К.Климовича «не было» «почти никаких» финансовых отношений с консерваторами. Эти отношения состояли только в ассигновании председателю «Отечественного патриотического союза» В.Г.Орлову «100 рублей жалованья и 100 рублей на какой-то кружок».⁵⁷⁶ Следовательно, при Б.В.Штюрмере Департамент полиции в качестве канала, через который крайне правые получали казенные субсидии, почти не действовал.

Одновременно Совет министров отпускал деньги Земскому и Городскому союзам на издание собственных печатных органов. Они критиковали правительство с такой же степенью интенсивности, как и оппозиционные газеты. В конце сентября председатель Особого совещания по рассмотрению ходатайств о пособиях на организацию помощи больным и раненым воинам генерал А.А.Веденяпин заявил на заседании кабинета, что выпуски «Вестника» Главного комитета Земского союза «наполнены оппозиционным материалом, критикой действий правительства и заменяют, до известной степени, прокламации». А.А.Веденяпину было поручено войти в переговоры с Главным комитетом и добиться изменения направленности «Вестника». В случае неудачи переговоров ассигнования на это издание предполагалось исключить.⁵⁷⁷ Однако впоследствии, несмотря на продолжавшуюся критику правительства в союзных изданиях, вопрос о воздействии на них Совет министров не поднимал.

Наличие у Б.В.Штюрмера готовности к сотрудничеству с общественными организациями доказывается также тем, что на его премьерство пришелся пик покровительства казны союзам. Нарастание их оппозиционности не повело к понижению субсидий, выделявшихся союзам той самой властью, борьба с которой была их основной задачей.

Согласно данным таблицы 3 приложения, с января по сентябрь 1916 г. 364 780 000 рублей (100 %) получили 19 благотворительных организаций, из них (в млн. руб.):

- 1) Всероссийский земский союз — 187,92 (51,5 %),
- 2) Российское общество Красного Креста — 81,19 (22,3 %),
- 3) Всероссийский союз городов — 68,01 (18,6 %),
- 4) Московское городское общественное управление — 16,75 (4,6 %),
- 5) Петроградское городское общественное управление — 5,94 (1,6 %),
- 6) Областной комитет земства Юго-Западного края — 1,3 (0,4 %),
- 7) Курское губернское земство — 0,82 (0,2 %),
- 8) Всероссийский национальный союз — 0,65 (0,2 %),
- 9) Комитет членов Государственной думы — 0,5 (0,1 %),
- 10) Общедворянская организация — 0,54 (0,1 %),
- 11) Санитарные организации великой княгини Марии Павловны — 0,3 (0,08 %),
- 12) Комитет латышских стрелковых батальонов — 0,21 (0,06 %),
- 13) Российское пожарное общество — 0,18 (0,05 %),
- 14) Санитарный отряд Сената и Министерства юстиции — 0,18 (0,05 %),
- 15) Великая княгиня Виктория Федоровна — 0,15 (0,04 %),
- 16) Курское дворянство — 0,08 (0,02 %),
- 17) Всероссийское общество здравниц — 0,03 (0,01 %),
- 18) Комитет поезда «Русский солдат» — 0,02 (0,01 %);
- 19) Санитарный транспорт великой княжны Марии Николаевны — 0,01 (0,003 %).

Из 19 благотворительных организаций Б.В.Штюрмер оказывал явное предпочтение тем, которые поддерживали Прогрессивный блок. Оппозиционные организации (Земский и Городской союзы, Московское и Петроградское общественные управления и Комитет членов Думы) по-

лучили 279 120 000 рублей (76,5 %), а правые организации (Всероссийский национальный союз, Курское земство и дворянство, Областной комитет земства Юго-Западного края и Общедворянская организация) — 3 390 000 рублей (0,9 %), т.е. в 82,3 раза меньше.

В 1916 г. средние ежемесячные субсидии Земскому союзу, получавшиеся им не только от Совета министров, но и от других государственных органов, выросли, по сравнению с 1915 г., в три раза и достигли суммы в 60 000 000 рублей. Во второй половине 1916 г. годовой бюджет союза дошел до 600 000 000 рублей и продолжал неудержимо расти. К концу 1916 г. число союзных учреждений достигло 7728, в т.ч. учреждений Главного комитета — 174, губернских комитетов — 3454 и фронтовых комитетов — 4100. На союз работали сотни тысяч человек.⁵⁷⁸ Расцвет союзов был заслугой не столько возглавлявших их общественных деятелей, сколько представителей бюрократической элиты, и прежде всего — Б.В.Штюрмера.

Щедрое субсидирование его кабинетом оппозиционных организаций имело тем большее значение, что происходило за счет недофинансирования казенных учреждений.⁵⁷⁹ По сравнению с государственными служащими союзные служащие имели намного более высокие оклады.⁵⁸⁰ Царское правительство финансировало оппозиционные организации, экономя на своих собственных учреждениях.

Впрочем, в руководимом генералом А.А.Веденяпиным Особом совещании кредиты, запрашивавшиеся союзами, «старались по возможности урезать», чтобы «не дать лишнего».⁵⁸¹ Однако сокращения этого Особого совещания не носили принципиального характера. Совет министров соглашался с заключениями А.А.Веденяпина, «потому что он очень добросовестно относился к вверенному ему делу».⁵⁸² То, что А.А.Веденяпин — «человек в высшей степени честный», признавал и М.В.Челноков.⁵⁸³ «Так что, — вспоминал А.А.Хвостов, — большинство сокращений было без всяких тенденций, просто потому, что комиссия Веденяпина находила, что эти траты излишни».⁵⁸⁴

Мнение о необходимости сокращения финансовых запросов, которые предъявляли казне союзы, разделяли члены прогрессивной группы: П.Л.Барк, Н.Н.Покровский и Д.С.Шуваев.⁵⁸⁵

Полное отсутствие политической тенденции в отношении кабинета к финансовым запросам союзов недвусмысленно признавали даже их руководители. Так, отвечая на вопрос председателя Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о том, почему «затягивалась выдача денег» союзам — «по волоките или сознательно», М.В.Челноков подчеркивал: «Я должен сказать, что в этом, пожалуй, скорее виноваты союзы». Министры, задерживая выдачу субсидий, «придирались к формальностям, которые были законны и делали нажимы, обставлявшиеся известными формальностями». Если бы они хотели «сократить более определенно, — признавал М.В.Челноков, — они могли бы это сделать более резко».⁵⁸⁶

В то время как министры строили свое отношение к оппозиционным организациям на почве законности, их руководители с этой почвы сошли. Лидеры оппозиции сделали ставку на подготовку переворота. В 1916 г.

Е.К.Климович имел информацию о двух «революционных центрах». Первый состоял из 40 человек, «промышленников и политических деятелей Москвы». Он подчинялся «комитету» с Г.Е.Львовым во главе, в который входили А.А.Бубликов, А.И.Коновалов, П.П.Рябушинский и М.В.Челноков. Второй «революционный центр», организация «чисто социалистическая», финансировался первым и подчинялся «комитету» из 11 человек. Его членами были Л.М.Брамсон, А.Ф.Керенский, М.И.Скобелев и Н.С.Чхеидзе. «Комитет» руководил работой «в казармах и среди рабочих». Он пользовался средствами москвичей, но «вел собственную линию». ⁵⁸⁷ Б.В.Штюрмеру было известно о планах лидеров оппозиции.

В союзах и ЦВПК премьер видел наиболее опасных политических противников царского правительства. Б.В.Штюрмер инкриминировал оппозиционерам «постепенный захват власти» и «создание параллельного самостоятельного правительства». ⁵⁸⁸ Зная о стремлении руководителей оппозиционных организаций к низложению старого порядка, Б.В.Штюрмер не только оказывал этим организациям финансовое покровительство, но и уклонялся от употребления по отношению к ним каких-либо репрессий. Ведь это привело бы к исчезновению фикции «священного единения». Ради ее сохранения при нейтрализации политической опасности союзов Б.В.Штюрмер довольствовался мерами пропагандистского характера. Одной из них была публикация данных о том, что благотворительная деятельность оппозиционных организаций ведется на казенные средства.

За разоблачение финансовой зависимости союзов от казны оппоненты оппозиции выступили в начале 1916 г. В марте этого года, после принятия городским съездом антиправительственной резолюции, Н.А.Маклаков советовал царю и царице «официально разъяснить», что «суммы» союзов «казенные». ⁵⁸⁹ О необходимости такой меры, напомнил императору Б.В.Штюрмер 10 сентября, Николай говорил ему в июне. ⁵⁹⁰ «Ты, — писала царица супругу, подразумевая Б.В.Штюрмера, — уж давно ему это говорил». ⁵⁹¹ Однако ради сохранения «священного единения» царь и премьер избегали публиковать информацию, которая могла дискредитировать оппозиционные организации.

Только во время всеподданнейшего доклада, состоявшегося 10 сентября, Б.В.Штюрмер высказался за то, чтобы «ныне обнародовать сведения об ассигновании» союзам «средств из казны». ⁵⁹² Комиссия С.А.Гадзяцкого предоставила премьеру соответствующие данные. То, что они исходили из Государственного контроля, возглавлявшегося сторонником оппозиции Н.Н.Покровским, не дает оснований для того, чтобы сомневаться в их достоверности. Согласно этим данным, за период с августа 1914 по сентябрь 1916 г. Земский и Городской союзы получили от Совета министров 553 459 829 рублей. Сведения С.А.Гадзяцкого к моменту их обобщения устарели. В конце сентября правительство утвердило смету Земского союза на второе полугодие 1916 г. Она предусматривала единовременный отпуск 24 000 000 рублей. Просимая союзом сумма была ему отпущена. Общественные пожертвования союзам составили только 9 650 986 рублей 74 копейки. ⁵⁹³ По сравнению с полумиллиардом казенных денег сумма, собранная земствами и городами, кажется каплей в море.

Благодаря финансовому покровительству правительства союзы были государственными, а не общественными организациями, числясь таковыми только по названию.

Скупость оппозиционеров объяснялась тем, что они предпочитали жертвовать миллионы не на благотворительность, а на подготовку переворота. Московский «революционный центр» имел «очень большие средства на революционную деятельность», собранные по подписке крупными промышленниками. ⁵⁹⁴ Про проводившиеся среди лидеров оппозиции «сборы денег на нужды переворота» вспоминал и лидер социал-демократической фракции ЦВПК М.И.Терещенко. ⁵⁹⁵ «Наибольшую лепту» внес товарищ председателя Дум П.С.Чхеидзе. ⁵⁹⁶ Он «пожертвовал миллион рублей на революцию». ⁵⁹⁷ За М.И.Терещенко следовал другой заместитель А.И.Гучкова — А.И.Коновалов. По данным В.П.Литвинова-Фалинского, «купечество Москвы решило дать десятки миллионов на революцию». ⁵⁹⁸

Хотя лидеры оппозиции о «священном единении» давно забыли, царь и премьер опять находили необходимым сохранять его фикцию. Поэтому они хотели, чтобы публикация сведений о зависимости союзов от казны не выглядела как акция, направленная против них. Иное мнение разделяла царица. Она потребовала сопроводить эти сведения упоминанием «о непредставлении еще Союзом земств полного отчета в деньгах, полученных им из казначейства за японскую войну». ⁵⁹⁹ Однако подготовленный Б.В.Штюрмером проект газетного сообщения не содержал упоминания о задолженности Земского союза. Отсутствие такого упоминания вызвало у царицы недовольство. ⁶⁰⁰ Тем не менее в окончательном варианте сообщения, датированного 30 сентября, мнение Александры Федоровны не учли.

Всеподданнейший доклад Б.В.Штюрмера от 5 октября, сопровождавший представление Николаю «разосланного провинциальным газетам сообщения об участии казны в расходах союзов на призрение больных и раненых воинов», он утвердил 8 октября. ⁶⁰¹ Через день, 9 октября, премьер передал императору номер «Сельского вестника», опубликовавшего сообщение. ⁶⁰²

Политическая опасность оппозиционных организаций перевешивала их функциональную пользу. Николай и Б.В.Штюрмер отлично сознавали это. И если тем не менее они продолжали оказывать союзам финансовую поддержку, то только потому, что стремление царя и его правительства к сотрудничеству с оппозицией, как и жесткое дистанцирование власти от черносотенцев, было не декларативным, а действительным.

В консервативно-либеральных габитусах императора и премьера либеральные компоненты преобладали над консервативными. П.П.Стремоухов, назначенный Б.В.Штюрмером директором департамента общих дел МВД, полагал, что создавать из него «какого-то столпа консерватизма было бы преувеличением его значения», так как «никто не сумел бы указать ни одной органической реакционной меры, им принятой: была лишь слабая борьба против нахрапа со стороны общественности и больше ничего». ⁶⁰³

Как либерал, Б.В.Штюрмер являлся сторонником сотрудничества правительства с оппозиционными организациями. Как консерватор, он

мыслил это сотрудничество единственно в рамках Основных законов. Отмеченная двойственность, исключая наступление на оппозицию, сделала возможной только пассивную оборону.

7. «Чисто русское направление». Б.В.Штюрмер – министр иностранных дел (июль – ноябрь 1916 г.)

Назначение Б.В.Штюрмера министром иностранных дел оказалось пиком его политической карьеры.⁶⁰⁴ Затем она пошла по нисходящей. Такую метаморфозу во многом обусловила негативная реакция на это назначение со стороны большинства современников, которые были уверены, что в дипломатии Б.В.Штюрмер является профаном. Митрополит Евлогий полагал, что Б.В.Штюрмер – человек, «никакого отношения к дипломатии не имевший», а потому «элементарно к ней не подготовленный».⁶⁰⁵

Неприятие современниками назначения Б.В.Штюрмера предопределила также закрепившаяся за ним репутация креатуры «темных сил», настроенных якобы германфильски. Зять И.Л.Горемыкина, начальник Николаевского кавалерийского училища генерал М.К.Марченко, записал 12 июля 1916 г., что Б.В.Штюрмер – это представитель «темных, немецких, масонских сил».⁶⁰⁶ Замену С.Д.Сазонова Б.В.Штюрмером современники трактовали как решительный шаг на пути к сепаратному миру с Германией. Насколько же оправданными были приведенные мнения?

Меру чуждости Б.В.Штюрмера внешней политике современники чрезмерно преувеличивали. Во-первых, отношение к ней, хотя и весьма неформальное, Б.В.Штюрмер имел еще в царствование Александра III, занимая ключевое положение в церемониальной части Министерства императорского двора. Уже тогда, по свидетельству княгини Е.Радзивилл, он являлся «своим человеком» у иностранных дипломатов.⁶⁰⁷ Во-вторых, будучи членом Государственного совета, Б.В.Штюрмер делал доклады по смете МИДа.⁶⁰⁸ В-третьих, досконально ознакомиться с внешнеполитическими проблемами Б.В.Штюрмер имел возможность, находясь на должности председателя Совета министров. Товарищ министра иностранных дел А.А.Нератов отмечал, что по причине рассмотрения в кабинете внешнеполитических вопросов Б.В.Штюрмер находился в курсе этих вопросов «еще до своего назначения».⁶⁰⁹ Действительно, когда 14 июня на заседании правительства рассматривался вопрос о поставке Румынии шин, Б.В.Штюрмер заявил: «Сколько раз делал авансы, но надежды на благодарность Румынии не оправдываются».⁶¹⁰

А.А.Нератов, как друг С.Д.Сазонова, менее всего был заинтересован в том, чтобы преувеличивать компетентность Б.В.Штюрмера в дипломатии. Однако на просьбу председателя Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства привести доказательства невежества Б.В.Штюрмера во внешней политике А.А.Нератов заметил: «Иногда некоторые ошибочные сведения бывали, но они, насколько я мог заметить, существенного значения не имели. Так что что-нибудь определенное сказать в этом отношении я бы не был в состоянии».⁶¹¹ Аттестацию А.А.Нератова нельзя не признать положительной. Таким образом, вопреки точ-

ке зрения современников, Б.В.Штюрмер являлся отнюдь не худшим кандидатом на пост министра иностранных дел.

Еще более противоречило действительности мнение современников, что в качестве руководителя МИДа Б.В.Штюрмер исполнял директивы германфильской партии, возглавляемой Александрой Федоровной. В годы войны она, как и супруг, занимала антинемецкую позицию. В феврале 1916 г. А.Н.Хвостов, одержимый шпиономанией, тем не менее в беседе с кадетом В.А.Маклаковым «отбрасывал всякую мысль о неравнодушии царя и царицы к немцам».⁶¹² В октябре 1916 Николай заявил начальнику российской заграничной контрразведки полковнику графу П.А.Игнатьеву, подразумеваемая слухи о стремлении супруги к сепаратному миру: «Императрица очень задета подобными инсинуациями. Это гнусная клевета». Николай поручил П.А.Игнатьеву найти источник подобных слухов. Граф установил, что они «исходят из Голландии и особенно из Швейцарии», а там распускаются по инициативе «германского Генштаба или Министерства иностранных дел».⁶¹³

Г.Е.Распутин вообще не влиял на внешнюю политику премьера. По свидетельству сотрудника Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, «данных о влиянии Распутина на направление внешней политики Штюрмера следствием не добыто было решительно никаких».⁶¹⁴ Веря в обратное, современники пребывали в плену у классической разновидности массового психоза.

Патологический характер имела и трактовка замены С.Д.Сазонова Б.В.Штюрмером как шага на пути к сепаратному миру. Ведь уже в начале своего премьерства Б.В.Штюрмер заявил себя сторонником войны до полной победы. «Я, – говорил он 9 февраля в Таврическом дворце, – был всегда и остаюсь убежденным и непреклонным сторонником той мысли, что эта навязанная нам война должна быть какою угодно ценою нами выиграна. Никакие предложения сепаратного мира, как бы ни казались они заманчивы, как бы ни были они в действительности выгодны, не могут разрешить той проблемы, которая поставлена перед народами мира этой исторической борьбой».⁶¹⁵

Мнение о Б.В.Штюрмере как стороннике сепаратного мира являлось беспочвенным уже потому, что только в победе над Германией он и его единомышленники видели шанс для упрочения монархического режима. Участники майского совещания губернаторов пришли к выводу, что, «в общем, за последнее время настроение в губерниях изменилось не в пользу существующих правых партий, но в случае ярко победоносного исхода войны и быстрого вслед за тем проведения выборов в Государственную думу предстоящего созыва можно надеяться на благоприятные результаты».⁶¹⁶

Доказательством участия Б.В.Штюрмера в подготовке сепаратного мира считают его встречу с журналистом И.И.Кольшко, состоявшуюся в конце апреля 1916 г. После нее И.И.Кольшко отправился в Стокгольм, где в течение мая общался с германским представителем Г.Стиннесом, обсуждая условия сепаратного мира. Они, по удостоверению И.И.Кольшко, были предварительно согласованы с премьером во время их апрельской встречи.⁶¹⁷

Первое место среди условий мира занимал полный отказ России от Польши. Однако выдвигать подобное условие Б.В.Штюрмер не мог. Он являлся сторонником сохранения Польши в составе Российской империи. Именно на почве отстаивания данной позиции произошел конфликт между премьером и С.Д.Сазоновым, закончившийся отставкой последнего. Если бы И.И.Колышко говорил правду, то тогда бы Б.В.Штюрмер отстаивал необходимость установления не только политической автономии Польши, к чему стремился С.Д.Сазонов, но и ее полной независимости. Но этого не наблюдалось как до назначения Б.В.Штюрмера министром иностранных дел, так и после. Следовательно, уверения И.И.Колышко о готовности премьера ради достижения сепаратного мира с Германией пойти на отказ от Польши были сознательной ложью. Не случайно, что сам Б.В.Штюрмер о слухах относительно его германофильства неоднократно говорил, что они — «злостная клевета».⁶¹⁸

О мифичности германофильства Б.В.Штюрмера свидетельствовала не только его позиция по польскому вопросу, но и внутривластные акции премьера. Именно благодаря Б.В.Штюрмеру в марте 1916 г. был создан Особый комитет по борьбе с немецким засильем. Во главе этого высшего коллегиального межведомственного органа, призванного бороться, прежде всего, с германским участием в российской экономике, Николай по ходатайству премьера поставил 3 июля назначенного члена правой группы Государственного совета А.С.Стишинского, одного из друзей Б.В.Штюрмера. «Учреждением этого Комитета и участием в нем представителей МИД, — указывал мидовский чиновник, — достигалась и дипломатическая цель — успокоить союзников насчет намерений правительства в германском вопросе».⁶¹⁹

Демонстративность штюрмеровского германофобства дает повод опровергнуть его подлинность — не будет же сторонник Германии во время войны с ней выказывать свои прогерманские симпатии публично. Но и тайные намерения премьера германофобство пронизывало в той же мере, как и его публичные действия. Это видно на примере составленного летом 1916 г. проекта учреждения канцелярии по политическим вопросам при председателе Совета министров.

Необходимость образования канцелярии получила обоснование в докладной записке, вдохновителем которой был состоявший при премьерере и одновременно при контрразведке журналист И.Ф.Манасевич-Мануйлов. Это, казалось бы, говорит о том, что канцелярия стала бы ширмой для деятельности германофильских элементов. И.Ф.Манасевич имел репутацию немецкого наймита. Однако его репутация не соответствовала действительности. В мае 1916 г. И.И.Колышко, беседуя с германским резидентом, обещал ему выяснить, нельзя ли привлечь И.Ф.Манасевича «на службу делу мира за деньги».⁶²⁰ Следовательно, к лету 1916 г. на содержании у Германии он не состоял.

Официально, по мысли автора записки, образование канцелярии было необходимо «для быстрого, всестороннего и правдивого расследования явлений политической и общественной жизни». Фактически ее функции сводились исключительно к борьбе с «немецким засильем». Объясняя

необходимость именно такой постановки вопроса, автор записки указывал: «Ныне вполне установлено, что германское шпионство отнюдь не ограничивается войсковой разведкой, составляющей незначительную область его компетенции, но преследует более широкие цели. Так, например, в программу деятельности германских шпионов включена обязанность пропаганды социализма и анархизма, как среди народных и рабочих масс, так и воинских частей. Далее, германские агенты проникают в банковые и торгово-промышленные предприятия, пользуясь которыми взвинчивают цены на предметы первой необходимости, внося тем смуту и поселяя тревогу среди широких масс народа».⁶²¹ Залог успешной борьбы с германским влиянием автор записки видел в объединении под властью премьера всех учреждений, имевших отношение к этой борьбе.

Итак, государственный деятель, которого современники обвиняли в германофильстве, на самом деле планировал усилить борьбу с германским влиянием не только на явном, но и на тайном фронте. Можно ли найти более весомое доказательство того, что мнение о Б.В.Штюрмере как участнике подготовки сепаратного мира контрастировало с реальностью?

Задержка с образованием канцелярии произошла только потому, что Б.В.Штюрмер получил пост министра иностранных дел. На этом посту он был буквально ослеплен убежденностью в неизбежности полной победы России над Германией. Беседуя с Евлогием после назначения руководителем МИДа, Б.В.Штюрмер говорил «о русской мощи и непобедимости в тонах столь противоречащих действительности, что мне, — вспоминал Евлогий, — стало тяжело и жутко его слушать».⁶²²

С победой над Германией Б.В.Штюрмер напрямую связывал самый высокий взлет своей карьеры. После победы премьер надеялся «сыграть роль Нессельроде или Горчакова». Английскому послу Д.У.Бьюкенену Б.В.Штюрмер указал на то, что «будущая мирная конференция должна быть созвана в Москве, так что, быть может, он будет призван председательствовать на ее заседаниях».⁶²³ То же самое Б.В.Штюрмер говорил и французскому послу. «Он, — имея в виду Б.В.Штюрмера, отмечал Ж.М.Палеолог, — даже видит себя канцлером Империи, преемником Нессельроде и Горчакова, открывающим конгресс всеобщего мира в Кремле».⁶²⁴ Следовательно, Б.В.Штюрмер, соответственно своим консервативно-либеральным взглядам, являлся сторонником не отхода России от ее союзников по Антанте, а того, чтобы она играла в этом объединении лидирующую роль.

Аффилированно отстаивать интересы российского великодержавия Б.В.Штюрмера заставляла не только либерально-консервативная окраска его взглядов, но и немецкая фамилия, заложником которой он ощущал себя в течение всей своей бюрократической карьеры. В нарочитом демонстрировании собственной русскости, а отнюдь не в германофильстве, и состояло отличие Б.В.Штюрмера как министра иностранных дел от его предшественника. Отличие это нашло свое выражение в кадровой политике Б.В.Штюрмера, направленной на замену «истинно русскими» дипломатами сановников, имевших либо немецкую фамилию, либо репутацию германофила. Во время встречи с Г.Е.Распутиным, состоявшейся после назначения премьера министром иностранных дел, он заявил

старцу, что «изменит все, что было у Сазонова»: «будут назначены новые люди, и будет чисто русское направление».⁶²⁵

За обновление руководящего персонала МИДа «в русском духе» выступали и политические оппоненты Б.В.Штюрмера. Намекая на «германизованность» личного состава дипломатического ведомства, великая княгиня Милица Николаевна писала А.В.Кривошеину еще в начале 1915 г., что «корпорация вся слишком сплочена и солидарна». «Одно спасение было бы, — полагала великая княгиня, — в радикальном уничтожении “школы” (про которую я утверждаю, что она — есть, и превосходно организованная, на пользу нашим врагам), и затем — определенно-русский, национальный взгляд на все те вопросы, которые всплывают в это вешнее время».⁶²⁶

Кадровую политику, нацеленную на сохранение в МИДе солидного представительства сановников немецкого происхождения, С.Д.Сазонов проводил до самой отставки. В ходе заседания Совета министров 21 июня 1916 г. он резко отреагировал на то, что шовинистическое «Общество 1914 г.» послало ему письмо «неприличного тона и содержания». Авторы письма, намекая на «лиц немецкого происхождения», требовали от С.Д.Сазонова «устранить предателей». Выполнение этого требования, полагал он, «равнялось бы тому, чтобы половину служилой России устранить». «Я не могу молчать, — возмущался С.Д.Сазонов. — Эта гадость и дрянь сами предатели. Если правительство не вступится, я доложу его императорскому величеству. Если в военное время не оградить себя, то в мирное время тяжело будет. Надо прекратить». Письмо С.Д.Сазонова расценил как «интригу против ближайшего и ценнейшего сотрудника» — начальника канцелярии министра иностранных дел барона М.Ф.Шиллинга.⁶²⁷

Русификацию руководящего персонала МИДа Б.В.Штюрмер начал с увольнения именно М.Ф.Шиллинга, в конце июля назначенного сенатором. Его преемником по личному выбору Б.В.Штюрмера стал первый секретарь посольства России во Франции Б.А.Татищев. Он был известен Б.В.Штюрмеру с «самого детства».⁶²⁸ По наблюдениям помощника управляющего делами Совета министров А.С.Путилова, Б.А.Татищев являл собой «тип уступчивого, трудолюбивого, аккуратного и знающего свое дело труженика». Поэтому, назначив именно его, Б.В.Штюрмер выказал «безусловное умение выбрать подходящего человека».⁶²⁹

Следующим кандидатом на увольнение оказался товарищ министра иностранных дел В.А.Арцимович. У него была «слава германофила».⁶³⁰ Б.В.Штюрмер опасался, что В.А.Арцимович «более расположен к Германии, чем желательно».⁶³¹ Отставка В.А.Арцимовича дала Б.В.Штюрмеру удобный повод для того, чтобы «показать свое усердие в деле истребления германофильства».⁶³² Тем не менее ее подготовка затянулась до октября.

Дело в том, что преемником В.А.Арцимовича премьер наметил посланника России в Португалии П.С.Боткина. На его назначение Николай согласился 1 августа.⁶³³ Б.В.Штюрмер, выдвигая кандидатуру П.С.Боткина, не учел того, что среди иностранцев у него была репутация «дипломата, недружелюбно настроенного к Англии».⁶³⁴ Слухи о предстоящем назначении англофоба заставили Д.У.Бьюкенена обратиться непосредственно к Б.В.Штюрмеру. Посол заявил, что назначение П.С.Боткина «могло бы

возбудить в Англии подозрение в изменении прежних сердечных отношений к тройственному союзу». Б.В.Штюрмера ответил Д.У.Бьюкенену в лучших дипломатических традициях, если согласиться с тем, что дипломатия — это искусство говорить неправду. «Ответ мой был, что я, — сообщил Б.В.Штюрмер императору о своей беседе с послом, — не предполагал расстаться с кем-нибудь из моих двух товарищей, и таким образом о назначении Боткина не было и речи».⁶³⁵

Инцидент с П.С.Боткиным обычно трактовался как доказательство склонности Б.В.Штюрмера если не к германофильству, то, по крайней мере, к англофобии. Но если данный инцидент и доказывал что-либо, то только желание премьера угодить союзникам даже в тех кадровых вопросах, влиять на решение которых иностранные дипломаты никакого права не имели. Б.В.Штюрмер заявил Д.У.Бьюкенену после того, как инцидент с П.С.Боткиным оказался улаженным: «Вы видите, господин посол, что ваши опасения по поводу назначения господина Боткина были неосновательны. Я глубоко сожалел бы, если бы сделал что-нибудь такое, что не встретило бы вашего одобрения. Мое сильнейшее желание состоит в том, чтобы мы всегда работали вместе в самых близких отношениях и с полным доверием, и чтобы вы и впредь на многие годы продолжали представлять вашего государя в Петрограде».⁶³⁶

Характерно, в какой форме Б.В.Штюрмер сообщил Д.У.Бьюкенену о назначении вместо В.А.Арцимовича не П.С.Боткина, а чиновника особых поручений при министре иностранных дел А.А.Половцова, сына крупного государственного деятеля конца XIX — начала XX в. «Я сказал, — вспоминал Б.В.Штюрмер, — что появится указ о назначении Половцова, вашего друга». Удовлетворенный этим заявлением, Д.У.Бьюкенен воскликнул: «Ах, как я рад».⁶³⁷ Указание Б.В.Штюрмера на то, что А.А.Половцов являлся другом английского посла, полностью соотносится с показаниями А.А.Нератова. Он сообщал, что А.А.Половцов «очень часто бывал в английском посольстве и поддерживал очень дружеские отношения с ним вплоть до своего назначения».⁶³⁸

Желание Б.В.Штюрмера сохранить самые тесные связи с союзниками доходило до того, что едва ли не главным достоинством кандидата на пост товарища министра он считал поддержание дружеских отношений с английским послом. Однако А.А.Половцов обладал и целым рядом других достоинств. По свидетельству его сослуживца, это был «человек, несомненно, умный и способный, не лишенный инициативы и смелости и привыкший в частной деловой жизни к быстрому и ответственным решениям».⁶³⁹ Отвечая на вопрос о том, почему он выбрал именно А.А.Половцова, Б.В.Штюрмер говорил: «Потому что он умный человек, долго жил в Лондоне, был в Индии и жил там несколько лет. Я знал, что он будет полезен для будущего».⁶⁴⁰

Перемены, произведенные преемником С.Д.Сазонова в личном составе посланников, были, как и в случае с руководящим персоналом МИДа, столь же немногочисленными, сколь и отмеченными печатью борьбы против «немецкого засилья», за русификацию дипломатического корпуса. В первых своих решениях, касавшихся личного состава пред-

ставителей России за границей, Б.В.Штюрмер «резко порвал с традицией С.Д.Сазонова».⁶⁴¹ Отказ от этой традиции выразился прежде всего в том, что новый министр иностранных дел принял меры к увольнению посланника в Румынии С.А.Поклевского-Козелла. С.Д.Сазонов отстаивал его от обвинений в германофильстве и измене еще с февраля 1915 г.

Преемником С.А.Поклевского оказался довольно неожиданный кандидат — начальник канцелярии Министерства императорского двора генерал А.А.Мосолов. Неожиданность этого кандидата заключалась, прежде всего, в том, что он являлся военным, а военные в царствование Николая II на дипломатические посты назначались весьма редко. Неудивительно, что назначение А.А.Мосолова вызвало разного рода возмущенные толки. «Предвидя скорую кончину своего благодетеля графа Фредерикса, этот негодай, — имея в виду А.А.Мосолова, сообщал великий князь Николай Михайлович вдовствующей императрице Марии Федоровне в письме, писавшемся в течение 30 октября — 5 ноября, — пожелал обеспечить свое будущее, поскольку понимает, что кто бы ни стал преемником графа Фредерикса, непременно отправит его в отставку. Таким образом, он устроил синекуру с благословения старика Фредерикса и при содействии герра фон Штюрмера».⁶⁴²

Однако на самом деле назначение А.А.Мосолова обусловили чисто политические причины, связанные со вступлением Румынии в войну на стороне России. «Когда Румыния стала союзницей, — показывал по этому поводу Б.В.Штюрмер, — было признано необходимым назначить посланником военного».⁶⁴³ В свою очередь, А.А.Мосолов отмечал, что он уехал в Румынию не по своему желанию и не по желанию В.Б.Фредерикса. Более того, министр двора был недоволен новым назначением А.А.Мосолова, и в утешение графу Николай приписал в указе об этом назначении: «С оставлением начальником Канцелярии».⁶⁴⁴ Следовательно, формально С.А.Поклевский по-прежнему являлся посланником, А.А.Мосолов же отправился в Румынию со званием не посланника, а лишь управляющего российской миссией в Бухаресте. «Мера эта, совершенно необычная и в дипломатической технике непредвиденная, — подчеркивал Б.А.Татищев, — исключала необходимость вручения прежним послом своих отзывных грамот, а новым своих верительных грамот. Миссия Мосолова носила как бы временный чрезвычайный характер».⁶⁴⁵ Таким образом, исходившие от Николая Михайловича обвинения А.А.Мосолова в том, что «он пожелал обеспечить свое будущее», выглядят неосновательными. Половинчатый статус А.А.Мосолова обеспечению будущего как раз и не способствовал.

Необычный формат этого назначения был импровизацией царя. Он учел беспокойство своей кузины, румынской королевы, о том, как сложатся отношения между командным составом русской армии, находившейся в Румынии, и ее правительством. Николай полагал, что военное начальство не всегда считается с указаниями, исходящими от дипломатов, людей штатских. Поэтому, по мнению царя, в Бухарест надлежало назначить такого человека, который имел бы достаточный авторитет в глазах именно русского военного начальства. «Так как я, — вспоминал

А.А.Мосолов, — имел долгий стаж в Свите его величества, то моя воля должна была оказаться значительной для начальника русской армии, действовавшей на Румынском фронте».⁶⁴⁶

Другое назначение на пост посланника, произошедшее во время пребывания Б.В.Штюрмера на посту министра иностранных дел, также несло на себе печать его германофобства. После смерти посланника в Швейцарии В.Р.Бахерахта С.Д.Сазонов собирался назначить его преемником начальника среднеазиатского отдела МИДа В.О. фон Клемма. До своей отставки С.Д.Сазонов успел получить согласие швейцарского правительства на это назначение. Однако В.О. фон Клемм был «гандикапирован своей немецкой фамилией».⁶⁴⁷ Б.В.Штюрмер, искоренявший «немецкое засилье» в МИДе, от проведения чиновника с нежелательной фамилией немедленно отказался. Кандидат С.Д.Сазонова принадлежал к той группе русских дипломатов-германофилов, которые до войны считали возможным, несмотря на союзные отношения России с Англией и Францией, «перестраховываться» на Германию.⁶⁴⁸ Отказ Б.В.Штюрмера от назначения В.О. фон Клемма доказывал, что премьер, вопреки утверждениям П.Н.Милокова, через российскую миссию в Швейцарии никаких переговоров с Германией вести не собирался.

Вместо В.О. фон Клемма кандидатом на бернский пост явился бывший посланник в Сиаме Г.А.Плансон-Ростков. По свидетельству Б.А.Татищева, Г.А.Плансон был в МИДе «очень нелюбимый, по склонности его к интригам».⁶⁴⁹ Тем не менее другим мидовским чиновником Г.А.Плансон характеризовался как «маститый дипломат».⁶⁵⁰ Первоначально Г.А.Плансон предназначался в преемники П.С.Боткина. «Его императорское величество, — сообщал Б.В.Штюрмер в сводке своего всеподданнейшего доклада, состоявшегося 1 августа, — соизволил указать мне, что в случае получения Боткиным назначения товарищем моим по Министерству иностранных дел на его место посланником в Португалии мог бы быть назначен посланник наш в Сиаме Плансон».⁶⁵¹ Поскольку назначения П.С.Боткина не произошло, Г.А.Плансон оказался кандидатом на швейцарскую вакансию. Хотя на запрос о его назначении Берн ответил отказом, назначение Г.А.Плансона в Швейцарию формально все-таки состоялось.

Анализ высшей кадровой политики, проводившейся Б.В.Штюрмером на посту министра иностранных дел, показывает, что, в полном согласии со своими консервативно-либеральными взглядами, он, исповедуя неизменность ориентации России на Антанту, проводил эту ориентацию даже более последовательно, чем С.Д.Сазонов, сознательно тормозя карьеры не только чиновников с немецкими фамилиями, но и настоящих, идейных германофилов, назначая вместо них дипломатов, являвшихся сторонниками Англии и Франции. Не менее последовательно Б.В.Штюрмер ориентировался на Антанту и при воплощении общеполитических мероприятий, хотя здесь он, в отличие от С.Д.Сазонова, в большей мере исходил из отстаивания великодержавных интересов России.

Впоследствии Б.В.Штюрмер поставил себе в особую заслугу решение двух вопросов: оглашение заключенного весной 1915 г. секретного договора, по которому союзники соглашались на получение Россией, после

окончания войны, Константинополя и проливов, и быстрое присоединение к Антанте Румынии. Беседуя с сенатором С.П.Белецким, Б.В.Штюрмер не без гордости признавался, что лично сделал все, чтобы облегчить положение русской армии путем отстаивания интересов России «относительно судьбы Константинополя, а, главным образом, путем привлечения на нашу сторону Румынии». ⁶⁵² Насколько основательны были претензии Б.В.Штюрмера?

Обратимся к первому вопросу — о Константинополе. По мнению премьера, данный вопрос находился в непосредственной связи с вопросом о Польше. Б.В.Штюрмер указывал, что «когда поляки просили, чтобы им были даны известные права», он лично «настаивал, чтобы сначала русский народ получил и знал, что его ожидает». ⁶⁵³ Играя роль национал-либерала, премьер полагал «несвоевременным давать полякам, пока о русском народе не выяснено». «Что же, — восстанавливал Б.В.Штюрмер ход своей мысли, — мы ведем войну два года, полякам обещают и дают, а нам что?» ⁶⁵⁴

Противником премьера являлся начальник штаба верховного главнокомандующего генерал М.В.Алексеев. Он говорил Б.В.Штюрмеру, что «объявлять “urbi et orbi” [городу и миру. — С.К.] о предоставлении нам Константинополя и проливов не следует». По мнению М.В.Алексеева, надо было «сначала подойти к выполнению столь крупной военной задачи, обеспечить ее успех, а потом уже говорить о ней». На это Б.В.Штюрмер возражал, указывая, что «оглашение признания нашими союзниками наших прав на проливы необходимо для успокоения общественного мнения России». ⁶⁵⁵

Перед Николаем вопрос о Константинополе Б.В.Штюрмер поставил во время всеподданнейшего доклада, состоявшегося 21 августа в Могилеве. Передавая свою мотивацию, прозвучавшую на этом докладе, в его сводке, Б.В.Штюрмер писал: «Обнародование в настоящее время манифеста о даровании Царству Польскому автономии встретит недоумение в народе, который не поймет, чем вызван такой манифест, относящийся только к одной народности Империи». Для Б.В.Штюрмера скорейшее разрешение вопроса об оглашении договора, определявшего судьбу Константинополя, было важно не только само по себе, но и как идеальное средство, доказав собственную русскость, обезоружить оппозицию, лидеры которой винили премьера в германофильстве. «Весь русский народ, — как бы от его имени говорил Б.В.Штюрмер императору, — принес одинаковые жертвы своим достоинством и сынами на защиту Родины». Премьер находил желательным, чтобы «высочайший манифест об автономии Польши совпал со вступлением русских войск в ее пределы или же чтобы этому манифесту предшествовал другой государственный акт, относящийся ко всей Державе Российской». Раскрывая суть своего плана, Б.В.Штюрмер отмечал: «Мне казалось бы возможным ныне же объявить России и Европе о состоявшемся договоре с нашими союзниками — Францией и Англией — об уступке России Константинополя, проливов и береговых полос. Впечатление, которое произведет в России осуществление исторических заветов, будет огромное. Известие это может быть изложено в виде правительственного сообщения». ⁶⁵⁶

Вопрос о Константинополе, в полном соответствии с либеральным империализмом Б.В.Штюрмера, стал центром тяжести его внешнеполитического курса. «Вся моя политика, как министра иностранных дел, — указывал Б.В.Штюрмер уже после революции, — шла к тому, чтобы уговорить послов Англии и Франции, чтобы они как можно скорее дали нам разрешение опубликовать о том, что они согласны дать России проливы». ⁶⁵⁷ Дабы добиться согласия Англии, Б.В.Штюрмер воспользовался содействием императора. «Я убежден, — говорилось в телеграмме Николаю Георгу V, переданной Д.У.Бьюкенену 30 августа, — что краткое официальное сообщение моего правительства, устанавливающее, что Англия и Франция рассматривают обладание России Константинополем и проливами как неизменное условие мира, успокоило бы все умы и рассеяло всякое недоверие». ⁶⁵⁸

Обращение царя к своему английскому кузену проблемы не решило. Помимо Англии оглашению договора о Константинополе препятствовала Франция. «С Англией еще можно было согласиться, — показывал Б.В.Штюрмер, — но Франция считала, что рано еще опубликовывать. Так что французы и англичане задерживали». Содержание договора премьер намеревался сообщить на заседании Государственной думы 1 ноября. «В моей речи, которую я не мог произнести 1 ноября, как министр иностранных дел, — вспоминал он, — было помещено, что Франция и Англия обещали проливы». ⁶⁵⁹ Но выступить в этот день Б.В.Штюрмеру не пришлось. Если Англия пошла на уступки, то Франция по-прежнему упорствовала. Даже 3 ноября у Ж.М.Палеолога все еще не было никаких инструкций по вопросу об оглашении договора. ⁶⁶⁰ Между тем именно 1 ноября П.Н.Милюков, сославшись на ... австрийские и немецкие газеты, вопреки фактам обвинил премьера в подготовке сепаратного мира и игнорировании интересов России по вопросу о Константинополе.

Парируя демарш лидера оппозиции, Б.В.Штюрмер отправил дипломатическим представителям России циркулярную телеграмму. «Распространенные за последнее время печатью некоторых стран слухи о секретных переговорах, которые, будто бы, ведутся между Россией и Германией о заключении сепаратного мира, — гласила телеграмма, — не могут, в виду их настойчивости, быть обойдены молчанием со стороны русского правительства. Императорское правительство считает долгом заявить самым категорическим образом, что эти нелепые слухи играют лишь в руку враждебным государством. Россия сохранит неприкосновенным тесное единение, связующее ее с ее доблестными союзниками, и, далекая от мысли о заключении сепаратного мира, будет биться рука об руку с ними против общего врага, без малейшего колебания, до часа конечной победы. Никакие враждебные происки не окажутся в состоянии поколебать неизменное решение России». ⁶⁶¹

Более всего обвинения П.Н.Милюкова опровергала позиция Б.В.Штюрмера в константинопольском вопросе, решить который он пытался до самой отставки. Так, 3 ноября Б.В.Штюрмер заметил Ж.М.Палеологу, надеясь добиться согласия Франции на оглашение договора о проливах: «Вы видели, какой горячей овации удостоился ваш британ-

ский коллега вчера в Думе. Это случилось, вероятно, благодаря тому, что члены Думы слышали, что правительство его величества согласно на передачу России Константинополя». ⁶⁶² Попытка Б.В.Штюрмера успеха не имела. Согласия на оглашение премьером договора о Константинополе французы не давали вплоть до 10 ноября, т.е. до отставки Б.В.Штюрмера. Сообщить о нем выпало преемнику Б.В.Штюрмера на посту премьера, А.Ф.Трепову. Тем не менее подобно тому, как заслуга заключения договора о Константинополе принадлежала С.Д.Сазонову, заслуга разрешения вопроса об оглашении договора принадлежала именно Б.В.Штюрмеру. А.Ф.Трепов лишь пожал то, что посеяли его предшественники.

Другой вопрос, разрешение которого необходимо признать за Б.В.Штюрмером, — о присоединении Румынии к Антанте. В нем Б.В.Штюрмер видел «исключительно личную свою заслугу, так как ему пришлось приложить много усилий к исправлению ошибок в этом вопросе своего предшественника». ⁶⁶³ Мнение Б.В.Штюрмера о собственной роли при решении румынского вопроса согласуется с оценками, принадлежащими осведомленным современникам. Присоединение Румынии, подчеркивал П.П.Стремоухов, «должно почитаться делом Штюрмера». ⁶⁶⁴ Полагая, что в этом деле Б.В.Штюрмер «проявил большую энергию», мидовский чиновник, являвшийся поклонником С.Д.Сазонова, тем не менее был вынужден признать, что «не Сазонов подготовил вступление Румынии в войну, а Штюрмер “приказал” ей выступить, грозя самыми реальными бедами в случае отказа Румынии повиноваться приказу». ⁶⁶⁵

Деятельно способствовать ускорению присоединения Румынии к Антанте Б.В.Штюрмера заставляло не только его убеждение, что оно отвечает интересам России, но и присущее премьеру желание дать невозможное удовлетворение просьбам, исходившим со стороны союзников. Характерна реакция Б.В.Штюрмера на секретную телеграмму, полученную им от А.П.Извольского 19 июля. Сообщая в этой телеграмме о том, что «французское правительство крайне обеспокоено оборотом переговоров в Бухаресте и считает, что мы проявляем излишнюю неуступчивость», посол во Франции заключал: «Здесь убеждены, что выступление Румынии сократит войну на несколько месяцев, и окончательный успех сказанных переговоров произведет крайне тяжелое впечатление на французское общественное мнение, которое не преминет возложить ответственность за него на нас».

Учитывая мнение Франции, в секретной телеграмме, адресованной российским послам в Лондоне, Париже и Риме, графу А.К.Бенкендорфу, А.П.Извольскому и М.Н.Гирсу, Б.В.Штюрмер высказался за незамедлительное решение вопроса о Румынии, сводившееся к согласию ее премьера И.Братиано на подписание конвенций с участницами Антанты. «Считаю необходимым, — отмечал он, — настаивать на подписании военной и политической конвенций к 1 августа с тем, чтобы определенный день выступления был точно обозначен в военной конвенции, по возможности, не позже недели. В случае же уклонения от этого Румынии она лишается права рассчитывать на получение впоследствии тех материальных и политических выгод, которые в настоящее время ей предла-

гаются державами, о чем следует теперь же предупредить Братиано и осведомить общественное мнение и оппозицию». ⁶⁶⁶

Вняв угрозе Б.В.Штюрмера, Румыния вступила в войну на стороне Антанты. Но решение румынского вопроса не облегчило, а затруднило положение союзников. Из-за неподготовленности своей армии Румыния оказалась полностью разбитой, а почти вся ее территория — оккупированной. Подобный исход обесценил усилия Б.В.Штюрмера по решению румынского вопроса. Сам он полагал, что «все труды его не дали желательных результатов исключительно по вине генерала Алексеева, не сумевшего солидарным планом кампании и своевременной поддержкой использовать в благоприятном для России исходе выступление Румынии против Австрии». ⁶⁶⁷ Действительно, М.В.Алексеев являлся противником Б.В.Штюрмера и по румынскому вопросу. Премьер обещал Бухаресту посылку русских войск в Румынию «без сношения со Ставкой». ⁶⁶⁸ Когда же возникла потребность помочь новой союзнице, генерал торопиться не стал.

Неудача с Румынией дала дополнительную пищу для обвинений премьера в германофильстве, хотя в военных поражениях он был, естественно, не виноват. Основания для подобного рода обвинений дала и политика Б.В.Штюрмера в греческом вопросе. Но тут он лишь выполнял волю Николая. Конфликт между его троюродным братом королем эллинов Константином IX, который подозревался в германофильстве, и лидером антантофилов Э.Венизелосом горячо обсуждался на страницах русской печати. Поэтому царь обратился к премьеру 15 июля со следующей запиской: «Прикажите запретить “Новому времени” и другим печатным органам резкие и неприличные статьи против личности короля Константина Греческого». Во время всеподданнейшего доклада, состоявшегося 1 августа, Николай повелел Б.В.Штюрмеру переговорить с послами Франции и Англии «о внушении их правительствам мысли о необходимости менее резкого обращения их с греческим правительством и меньшего подчеркивания сочувствия их представителями в Греции выборам Венизелоса главою эллинского правительства».

В ходе всеподданнейшего доклада, последовавшего 21 августа, Николай смягчил свою позицию. Он разрешил российскому посланнику в Афинах Е.П.Демидову «присоединиться к посланникам Франции и Англии в предъявлении к греческому правительству, в виду удостоверенного факта сигнализации греческого штаба германо-болгарскому штабу о военных действиях союзников, требования предоставить заведывание почтами и телеграфом союзным правительствам, немедленно выслать из Афин всех германских подданных и выдать союзникам все находящиеся в греческих водах суда воюющих с нами держав». ⁶⁶⁹ После этого поводы для того, чтобы подозревать Б.В.Штюрмера в германофильстве, не отпали, поскольку, в полном соответствии со своими консервативно-либеральными взглядами, заставлявшими его отстаивать российское великодержавие от покушений со стороны союзников по Антанте, он выступал за более самостоятельное поведение России по отношению к Англии.

Как указывала в январе 1917 г. графиня С.С.Игнатъева, в лице Б.В.Штюрмера, как министра иностранных дел, Д.У.Бьюкенен «встре-

чал неуклонное противодействие» своим «захватным стремлениям». ⁶⁷⁰ Но противодействие министра иностранных дел было вызвано его стремлением не к отказу от союза с Англией, а к тому, чтобы она рассматривала Россию в качестве равноправного партнера.

Впрочем, желая лишить слухи о своем германофильстве малейших оснований, в некоторых отношениях Б.В.Штюрмер шел на большие уступки Англии, чем его предшественник. Особенно ярко это сказалось в инциденте с черносотенным журналистом П.Ф.Булацелом, который в «Российском гражданине» напечатал 6 августа статью, содержащую, по мнению Б.В.Штюрмера, «порицания действий английского правительства». Исполняя распоряжение премьера, немедленно дистанцировавшегося от крайне правых, П.Ф.Булацель напечатал извинение, удовлетворившее как Д.У.Бюкенена, так и английское правительство. По распоряжению Б.В.Штюрмера на «Российский гражданин» наложили предварительную цензуру, от которой были свободны оппозиционные органы печати.

Однако усилия премьера оказались напрасными. «Бюкенен, — записал 20 августа в своем дневнике С.Д.Протопопов, — не ездит к Штюрмеру как к германофилу». ⁶⁷¹ Тем не менее премьер пытался наладить отношения с английским послом, используя французского посла. «От имени Штюрмера, — сообщал 22 августа великий князь Николай Михайлович М.В.Алексееву, — приехал к французам с частным поручением господин Мануйлов, прося узнать — отчего английский посол сэр Жорж Бюкенен относится враждебно к новому министру иностранных дел». ⁶⁷² Несмотря на демонстративное игнорирование Д.У.Бюкененом Б.В.Штюрмера, англо-русское сотрудничество было приоритетным направлением его внешнеполитической программы.

Посол России в Англии граф А.К.Бенкендорф телеграфировал Б.В.Штюрмеру 1 сентября о необходимости объявления от имени русского правительства декларации, в которой бы говорилось о намерении России поддерживать союзные отношения с Англией и после войны. Министр иностранных дел, получив сообщение графа 8 сентября, ответил ему уже на следующий день. «Искренно признателен, — обращался Б.В.Штюрмер к А.К.Бенкендорфу, — за сообщение Ваших соображений по вопросу, имеющему для нас первостепенную политическую важность. Всецело разделяю взгляд о необходимости рассеять всякие сомнения англичан в неизменности, и после окончания нынешней войны, дружественной Англии ориентировки внешней политики императорского правительства. Поэтому, не ограничиваясь заявлениями, уже ранее сделанными мною в печати, после вступления в должность министра иностранных дел, я предполагаю воспользоваться первым подходящим случаем, чтобы от имени императорского правительства состоялось заявление в указанном выше смысле, дабы положить предел тайным проискам наших противников и питаемой ими тревогой английского общественного мнения». ⁶⁷³

Несмотря на стремление Б.В.Штюрмера к укреплению англо-русских отношений, Д.У.Бюкенен оставался одним из его принципиальных про-

тивников. В январе 1917 г. графиня С.С.Игнатьева даже считала Д.У.Бюкенена «источником травли против Б.В.Штюрмера». ⁶⁷⁴ Недовольство английского посла внешней политикой Б.В.Штюрмера объяснялось не тем, что она являлась недостаточно проанглийской, чего на самом деле не было, а тем, что ее проводил Б.В.Штюрмер, неприемлемый для леволиберального Д.У.Бюкенена своими консервативно-либеральными взглядами, более правыми, чем у единомышленника посла — С.Д.Сазонова.

Недовольство Д.У.Бюкенена Б.В.Штюрмером усиливалось особенностями его стиля властвования, который, в отличие от стиля С.Д.Сазонова, отличался меньшей открытостью. Б.В.Штюрмером «во все вносилась некоторая осторожность». А.А.Нератов объяснял это не какими-то тайными намерениями, а просто тем, что Б.В.Штюрмер «считал себя недостаточно опытным в ведении дипломатических переговоров». Осторожное поведение Б.В.Штюрмера казалось А.А.Нератову «естественным, разумным и правильным». ⁶⁷⁵

Итак, особенности стиля Б.В.Штюрмера были связаны не с отстаиванием иного внешнеполитического курса, а с обстоятельствами чисто функционального характера. И если союзные дипломаты воспринимали Б.В.Штюрмера как германофила, то исключительно потому, что на посту министра иностранных дел он, в отличие от С.Д.Сазонова, являлся консервативным либералом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лидеры оппозиции способствовали широкому распространению версии, согласно которой Б.В.Штюрмер, будучи величиной ничтожной, премьерского портфеля удостоился благодаря Г.Е.Распутину и царице. Позднейшие исследователи восприняли данную версию как хрестоматийную, не подвергнув ее критическому анализу (*Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С.123–129). Только в работах последних лет назначение Б.В.Штюрмера рассматривается как факт не анекдотической, а политической истории (*Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* От И.Л.Горемыкина к Б.В.Штюрмеру: Верховная власть и Совет министров (сентябрь 1915 — январь 1916 гг.) // *Россия и Первая мировая война: Материалы международного науч. коллоквиума.* СПб., 1999. С.34–48; *Куликов С.В.* Назначение Бориса Штюрмера председателем Совета министров: предыстория и механизм // *Источник. Историк. История: Сб. науч. работ.* СПб., 2001. Вып.1).

² *Татищев Б.А.* Крушение. 1916–1917 гг. // *Возрождение.* 1949. Тетр.4. С.116.

³ *Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля // *АРР.* 1934. Т.21. С.269.

⁴ Н.А.Хомяков о Государственной думе, правительстве и стране // *Биржевые ведомости.* 1916. 22 января.

⁵ *Курлов П.Г.* Гибель Императорской России. М., 1991. С.153.

⁶ *Татищев Б.А.* Указ. соч. С.117.

⁷ *Петрункевич И.И.* Указ. соч. С.271.

⁸ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С.230.

⁹ Впечатления в Таврическом дворце // *Русские ведомости.* 1916. 20 января.

¹⁰ *Петрункевич И.И.* Указ. соч. С.271.

¹¹ *Стремоухов П.П.* Император Николай II и русское общество в конце его царствования в освещении иностранцев // *РЛ.* 1925. Кн.7. С.130.

¹² *Гурко В.И.* Указ. соч. С.230.

¹³ *Путилов А.С.* Период князя Голицына // *РГАЛИ.* Ф.1208. Оп.1. Д.46. Л.1 об.

¹⁴ Всеподданнейший доклад В.К.Плеве. 11 октября 1903 г. // *РГИА.* Ф.1284. Оп.52. 1902 г. Д.176. Л.29.

¹⁵ *Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора // *ВИ.* 1997. № 4. С.114.

¹⁶ *Муратов Н.П.* Воспоминания // *РГАЛИ.* Ф.1208. Оп.1. Д.28. Л.586.

¹⁷ *Курлов П.Г.* Указ. соч. С.153.

¹⁸ *Гурко В.И.* Указ. соч. С.231.

- ¹⁹ Гиппиус З.Н. Живые лица // Гиппиус З.Н. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. С.78,79.
- ²⁰ Татищев Б.А. Указ. соч. С.116.
- ²¹ Допрос А.Д.Протопопова. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7-ми т. М.—Л., 1926. Т.5. С.281.
- ²² Гурко В.И. Указ. соч. С.230-231.
- ²³ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима... Л., 1925. Т.4. С.395. Об И.Я.Гурлянде см. также: Лихоманов А.В. И.Я.Гурлянд и еврейский вопрос в России // ВЕУ. 1993. № 4. С.142-153.
- ²⁴ Допрос Б.В.Штурмера. 31 марта 1917 г. // Падение царского режима... Л., 1924. Т.1. С.232,235.
- ²⁵ Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. В 2-х т. М., 1996. Т.2. С.219.
- ²⁶ В.К.Плеве — Б.В.Штурмеру. 22 июня 1902 г. // РГИА. Ф.1284. Оп. 46. 1894 г. Д.50. Л.123.
- ²⁷ Гурко В.И. Указ. соч. С.231.
- ²⁸ Крыжановский С.Е. Указ. соч. // ВИ. 1997. № 3. С.134.
- ²⁹ Курлов П.Г. Указ. соч. С.153.
- ³⁰ Евлогий (Георгиевский В.С.). Путь моей жизни. М., 1994. С.199.
- ³¹ Всеподданнейший доклад В.К.Плеве. 11 октября 1903 г. // РГИА. Ф.1284. Оп.52. 1902 г. Д.176. Л.29.
- ³² Гурко В.И. Указ. соч. С.292.
- ³³ Отчет Б.В.Штурмера о ревизии Тверского земства // РГИА. Ф.1282. Оп.2. Д.1842. Л.44.
- ³⁴ Львов Л.М. Б.В.Штурмер // Речь. 1916. 20 января; Допрос Б.В.Штурмера. 31 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.291; Николай II. Дневники императора Николая II. М., 1991. С.190. См. также: Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л., 1981. С.96.
- ³⁵ Всеподданнейший доклад В.К.Плеве. 10 июня 1904 г. // РГИА. Ф.1284. Оп.52. 1902 г. Д.176. Л.33.
- ³⁶ Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» графа С.Ю.Витте). М.—Л., 1923. С.43; Витте С.Ю. Воспоминания. В 3-х т. М., 1960. Т.2. С.321.
- ³⁷ Святополк-Мирская Е.А. Дневник княгини Е.А.Святополк-Мирской // ИЗ. 1966. Т.77. С.252.
- ³⁸ Курлов П.Г. Указ. соч. С.153.
- ³⁹ Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С.299,302,317,327.
- ⁴⁰ Клячко (Львов) Л.М. Повести прошлого. Л., 1929. С.57.
- ⁴¹ Гурко В.И. Указ. соч. С.449-450,451.
- ⁴² Протокол допроса А.В.Степанова // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.39. Л.2.
- ⁴³ Саонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С.380.
- ⁴⁴ Программа «Отечественного союза» // Полный сборник платформ всех русских политических партий. М., 2001. С.119-123.
- ⁴⁵ Протокол заседания ЦК Союза 17 октября. 11 декабря 1905 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. М., 1996. Т.1. 1905—1907 гг. С.35.
- ⁴⁶ Богданович А.В. Указ. соч. С.341.
- ⁴⁷ Лемке М.К. 250 дней в Царской Ставке. [С]Пб., 1921. С.809.
- ⁴⁸ Богданович А.В. Указ. соч. С.370.
- ⁴⁹ Половцов А.А. Дневник // КА. 1923. Т.4. С.116.
- ⁵⁰ Допрос Б.В.Штурмера. 14 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.167.
- ⁵¹ Впечатления в Таврическом дворце // Русские ведомости. 1916. 20 января.
- ⁵² Копия всеподданнейшего доклада Н.А.Маклакова. 8 ноября 1913 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.245. Л.8.
- ⁵³ Допрос Б.В.Штурмера. 31 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.234.
- ⁵⁴ Богданович А.В. Указ. соч. С.385. См. также: Ганелин Р.Ш. Указ 18 февраля 1905 г. о петициях и правительственная политика // ВИД. 1983. Т.15. С.183.
- ⁵⁵ Тихомиров Л.А. Дневник // КА. 1935. Т.72. С.140.
- ⁵⁶ Особый журнал Совета министров 20 и 27 января 1907 г. «Об установлении главных начал устройства губернских учреждений» // Особые журналы Совета министров царской России. 1907 г. М., 1984. Ч.1. С.313-314.
- ⁵⁷ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.381.
- ⁵⁸ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. Т.1. С.67. Об общеполитическом контексте кризиса 1909 г. см.: Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978. С.122-141.
- ⁵⁹ Клячко (Львов) Л.М. Повести прошлого. С.34-35.
- ⁶⁰ Подробнее о беседе и ее содержании см.: Куликов С.В. Назначение Бориса Штурмера председателем Совета министров. С.404-406.
- ⁶¹ Львов Л.М. Б.В.Штурмер // Речь. 1916. 20 января.
- ⁶² Тихомиров Л.А. Дневник // КА. 1936. Т.74. С.185. О кризисе 1911 г. см.: Аврех А.Я. Столыпин и Третья Дума. М., 1968. С.318-366; Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. С.212-241.

- ⁶³ Толстой И.И. Дневник. 1906—1916. СПб., 1997. С.354.
- ⁶⁴ Бобринский А.А. Дневник // КА. 1928. Т.26. С.145.
- ⁶⁵ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.386.
- ⁶⁶ Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Л., 1925. Т.2. С.47.
- ⁶⁷ Г.Е.Распутин глазами официальных властей // РП. 1996. Кн.6. С.140-141.
- ⁶⁸ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.381.
- ⁶⁹ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. В 2-х т. М., 1992. Т.2. С.196. См. также: Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. 1912—1914 гг. М., 1981. С.268-270; Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С.161-162.
- ⁷⁰ Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2-х т. М., 1997. Т.2. С.109.
- ⁷¹ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.382.
- ⁷² Куликов С.В. Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 — февраль 1917) // ИГВ. 1997. Вып.9. С.19-21.
- ⁷³ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.384,385.
- ⁷⁴ Львов Л.М. Б.В.Штурмер // Речь. 1916. 20 января.
- ⁷⁵ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.386.
- ⁷⁶ Коковцов В.Н. Указ. соч. Т.2. С.202.
- ⁷⁷ Путилов А.С. Период князя Голицына // РГАЛИ. Ф.1208. Оп.1. Д.46. Л.1 об.
- ⁷⁸ Показание графа П.Н.Игнатъева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима... М.—Л., 1926. Т.6. С.15.
- ⁷⁹ Николай II. Дневники императора Николая II. С.562.
- ⁸⁰ Всеподданнейший доклад В.И.Мамантова. 10 декабря 1916 г.; Справка о родословной рода Паниных. 10 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1412. Оп.252. Д.1136. Л.15; Д.1149. Л.13,13 об.
- ⁸¹ Путилов А.С. Период князя Голицына // РГАЛИ. Ф.1208. Оп.1. Д.46. Л.1 об.; Барк П.Л. Глава из воспоминаний [О Николае II] // Возрождение. 1955. Тетр.43. С.15; он же. Воспоминания // Там же. 1966. Кн.176. С.93. Подробнее об этом см.: Куликов С.В. Назначение Бориса Штурмера председателем Совета министров: предыстория и механизм. С.412-413.
- ⁸² Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. С.123-127.
- ⁸³ Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным за время с 1-го января 1915 г. по 8-е февраля 1916 г. // Святой черт. Тайна Григория Распутина. Воспоминания. Документы. Материалы Следственной комиссии. М., 1990. С.266-278.
- ⁸⁴ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.318; Дневник Министерства иностранных дел за 1915—1916 гг. // КА. 1928. Т.31. С.32.
- ⁸⁵ «Успокоения нечего ожидать». Письма князя М.М.Андроникова Николаю II, Александре Федоровне, А.А.Вырубовой и В.Н.Воейкову // Источник. 1999. № 1. С.31-32.
- ⁸⁶ Николай II. Дневники императора Николая II. С.553.
- ⁸⁷ Дневник Министерства иностранных дел за 1915—1916 гг. С.33.
- ⁸⁸ Александра Федоровна — Николаю II. 6, 10 и 13 ноября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. М., 1996. С.284,288,294.
- ⁸⁹ Николай II. Дневники императора Николая II. С.556-566.
- ⁹⁰ Александра Федоровна — Николаю II. 19 декабря 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.320.
- ⁹¹ Александра Федоровна — Николаю II. 4 и 9 января 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.335,346.
- ⁹² Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным... С.277.
- ⁹³ Куликов С.В. Назначение Бориса Штурмера председателем Совета министров: предыстория и механизм. С.420-422.
- ⁹⁴ Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 8 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.32.
- ⁹⁵ Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным... С.266-278.
- ⁹⁶ Допрос Б.В.Штурмера. 22 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.221.
- ⁹⁷ Николай II. Дневники императора Николая II. С.568.
- ⁹⁸ Допрос Б.В.Штурмера. 31 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.236.
- ⁹⁹ Допрос Б.В.Штурмера. 22 марта 1917 г. // Там же. С.222,223.
- ¹⁰⁰ Допрос Б.В.Штурмера. 31 марта 1917 г. // Там же. С.236-237.
- ¹⁰¹ Допрос Б.В.Штурмера. 22 марта 1917 г. // Там же. С.221,222.
- ¹⁰² Допрос Б.В.Штурмера. 31 марта 1917 г. // Там же. С.237.
- ¹⁰³ Допрос Б.В.Штурмера. 22 марта 1917 г. // Там же. С.222,223.
- ¹⁰⁴ Допрос Б.В.Штурмера. 31 марта 1917 г. // Там же. С.237,239.
- ¹⁰⁵ Барк П.Л. Глава из воспоминаний [О Николае II]. С.21; он же. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.176. С.93.
- ¹⁰⁶ Николай II — А.С.Танееву. 18 января 1916 г. // РГИА. Ф.1409. Оп.16. Д.37. Л.139.
- ¹⁰⁷ Игнатъев П.Н. Совет министров в 1915—1916 гг. (Из воспоминаний) // НЖ. 1944. Кн.9. С.318.
- ¹⁰⁸ Д.У.Быюкнен — Э.Грею. 24 января 1916 г. // МОЭИ. Сер.3. М., 1938. Т.10. С.156.

- ¹⁰⁹ *Поливанов А.А.* Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 – 15 марта 1916 г.) // ВИ. 1994. № 10. С.142.
- ¹¹⁰ О деятельности Б.В.Штюрмера в качестве премьера и реакции на нее со стороны либеральной оппозиции см.: *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С.163–170, 200–207; *он же.* Царизм и Первая мировая война // Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С.582–586; *Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С.143–173; *Аврех А.Я.* Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С.77–104; *Васюков В.С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 – февраль 1917 г. М., 1989. С.16–61; *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* От И.Л.Горемыкина к Б.В.Штюрмеру.
- ¹¹¹ *Игнатъев П.Н.* Указ. соч. // НЖ. 1944. Кн.9. С.318.
- ¹¹² Допрос И.Н.Лодыженского. 19 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.153.
- ¹¹³ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.–Л., 1927. С.143.
- ¹¹⁴ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.279.
- ¹¹⁵ Председатель Совета министров Б.В.Штюрмер о современном положении // Новое время. 1916. 20 января. Ср.: К.Н.Пасхалов – А.И.Дубровину. 23 января 1916 г. // Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.–Л., 1929. С.92.
- ¹¹⁶ *Родзянко М.В.* Крушение Империи // АРР. 1926. Т.17. С.117.
- ¹¹⁷ *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. С.144–145.
- ¹¹⁸ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.176. С.94.
- ¹¹⁹ Запись П.Н.Милокова о беседе с А.Н.Хвостовым и В.М.Волконским // ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.479. Л.1–2 об.
- ¹²⁰ Показания П.Н.Милокова. 7 августа 1917 г. // Падение царского режима. М.–Л., 1927. Т.7. С.327–328.
- ¹²¹ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.145.
- ¹²² Всеподданнейший доклад В.Б.Фредерикса. Февраль 1916 г. // РГИА. Ф.472. Оп.60. 1916 г. Д.2283. Л.11.
- ¹²³ Запись заседания Совета министров 22 января 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н.Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С.311. Ср.: *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 9. С.131.
- ¹²⁴ Д.У.Бюкенен – Э.Грею. 24 января 1916 г. // МОЭИ. Сер.3. Т.10. С.156.
- ¹²⁵ Справка о заседании Совета министров 22 января 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.418. Об обсуждении на заседании 22 января вопроса о созыве см. также: *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* От И.Л.Горемыкина к Б.В.Штюрмеру. С.42–44.
- ¹²⁶ Д.У.Бюкенен – Э.Грею. 24 января 1916 г. // МОЭИ. Сер.3. Т.10. С.156.
- ¹²⁷ Запись заседания Совета министров 22 января 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.310.
- ¹²⁸ Допрос И.Н.Лодыженского. 19 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.154
- ¹²⁹ Всеподданнейшие записки Б.В.Штюрмера. 1916 г. // ИА. 1994. № 6. С.53.
- ¹³⁰ Из переписки Николая II с министрами // Монархия перед крушением. С.98.
- ¹³¹ *Лопухин В.Б.* Люди и политика (конец XIX – начало XX в.) // ВИ. 1967. № 1. С.121.
- ¹³² Допрос А.Н.Хвостова. 17 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.82.
- ¹³³ Из переписки Николая II с министрами // Монархия перед крушением. С.98.
- ¹³⁴ *Куликов С.В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 – февраль 1917) // ИГВ. 1994. Вып.3. С.51.
- ¹³⁵ Показания графа П.Н.Игнатъева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.26.
- ¹³⁶ Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // Там же. Т.1. С.291.
- ¹³⁷ Запись заседания Совета министров 26 января 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.315.
- ¹³⁸ *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 9. С.134.
- ¹³⁹ Показания графа П.Н.Игнатъева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.18.
- ¹⁴⁰ Показания А.Н.Наумова. 8 апреля 1917 г. // Там же. Т.1. С.409.
- ¹⁴¹ Запись заседания Совета министров 29 января 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.315. Впоследствии часть плана А.Н.Хвостова была осуществлена в мае 1916 г. путем покупки за 880 000 рублей акций «Нового времени» (см.: Подкуп «Нового времени» царским правительством // КА. 1927. Т.21).
- ¹⁴² А.Н.Хвостов – редакторам газет. 25 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1629. Оп.1. Д.114. Л.82 об.
- ¹⁴³ *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 10. С.136.
- ¹⁴⁴ Выступление Н.Н.Покровского. 31 марта 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Пг., 1916. Стб.4243; *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 10. С.148.
- ¹⁴⁵ Выступление князя В.Н.Шаховского. 22 марта 1916 г. // Государственная дума. Четвертый

- созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб.3751; Выступление В.В.Прилежаева. 24 марта 1916 г. // Там же. Стб.3863; Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.139. См. также: Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.120–121; *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 10. С.136.
- ¹⁴⁶ Допрос И.Н.Лодыженского. 19 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.153.
- ¹⁴⁷ П.Н.Игнатъев – А.В.Кривошеину. 17 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.274. Л.36 об.
- ¹⁴⁸ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.414–415.
- ¹⁴⁹ Записка Московского охранного отделения по обществу движению. 10 февраля 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. М.–Л., 1927. С.72.
- ¹⁵⁰ Интересная находка // ВИ. 1964. № 4. С.100.
- ¹⁵¹ Допрос А.Н.Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.35.
- ¹⁵² Александра Федоровна – Николаю II. 13 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.294. Ср.: *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С.165,166.
- ¹⁵³ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.117.
- ¹⁵⁴ А.А.Клопов – Николаю II. 1 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1099. Оп.1. Д.14. Л.3. Полные тексты письма и проекта см.: *Витенберг Б.М.* Комментарии // *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.280–282.
- ¹⁵⁵ Николай II – Александре Федоровне. 4 февраля 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.368.
- ¹⁵⁶ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.117.
- ¹⁵⁷ *Воейков В.Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1994. С.92–93.
- ¹⁵⁸ Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.130.
- ¹⁵⁹ Допрос М.В.Родзянко // Там же. С.130; *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.119; *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.572. Подробнее о посещении царем Думы см.: *Куликов С.В.* Император Николай II в годы Первой мировой войны // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000. С.302–307; *Витенберг Б.М.* 9 февраля 1916 г.: Николай II в Государственной думе // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX в. Кишинев–СПб., 2000.
- ¹⁶⁰ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991. С.37.
- ¹⁶¹ А.Н.Хвостов – редакторам газет. 25 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1629. Оп.1. Д.114. Л.82 об.
- ¹⁶² Правые в 1915 – феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам // Минувшее. М.–СПб., 1993. Вып.14. С.183–184.
- ¹⁶³ Выступление Б.В.Штюрмера. 9 февраля 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб.1223.
- ¹⁶⁴ *Милоков П.Н.* Воспоминания. В 2-х т. М., 1990. Т.2. С.194.
- ¹⁶⁵ Полный текст декларации см.: Ораторы России в Государственной думе. В 2-х т. СПб., 2004. Т.2. С. 369–373.
- ¹⁶⁶ Запись П.Н.Милокова о беседе с А.Н.Хвостовым и В.М.Волконским // ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.479. Л.1–2 об.
- ¹⁶⁷ Ораторы России в Государственной думе. Т.2. С.372–373.
- ¹⁶⁸ А.А.Клопов – Николаю II. 19 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1099. Оп.1. Д.14. Л.8 об.
- ¹⁶⁹ *Васильчикова Л.Л.* Исчезнувшая Россия. Воспоминания. 1886–1919. СПб., 1995. С.320.
- ¹⁷⁰ Допрос А.Н.Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.42. См. также: Докладная записка Б.В.Писаренкова. 11 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1629. Оп.1. Д.109. Л.1–2 об.; Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 8 апреля 1916 г. // Падение царского режима. Т.2. С.38–39; Александро-Невская лавра накануне свержения самодержавия // КА. 1936. Т.77. С.206; *Руднев В.М.* Правда о царской семье и «темных силах» // Святой черт. С.285,286.
- ¹⁷¹ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.572.
- ¹⁷² *Гессен И.В.* Беседа с А.Н.Хвостовым в феврале 1916 г. // АРР. 1923. Т.12. С.79; Допрос А.Н.Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.32; Показания С.П.Белецкого // Там же. Т.4. С.412.
- ¹⁷³ *Жильяр П.* Император Николай II и его семья (Петербург, сентябрь 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.). По личным воспоминаниям П.Жильяра, бывшего наставника наследника цесаревича Алексея Николаевича. Вена, 1921. С.133.
- ¹⁷⁴ *Мордвинов А.А.* Отрывки из воспоминаний // РЛ. 1923. Кн.5. С.170.
- ¹⁷⁵ *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии // ИГВ. 1999. Вып.11. С.75,76.
- ¹⁷⁶ Последний вренщик последнего царя (Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о Распутине и разложении самодержавия) // ВИ. 1964. № 12. С.95.
- ¹⁷⁷ *Куликов С.В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. С.51,52.
- ¹⁷⁸ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.417.
- ¹⁷⁹ *Маклаков В.А.* Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и князя Юсупова об убийстве Распутина // СЗ. 1928. Т.34. С.264.
- ¹⁸⁰ П.Н.Игнатъев – А.В.Кривошеину. 17 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.274. Л.35.

- ¹⁸¹ *Гессен И.В.* Беседа с А.Н.Хвостовым в феврале 1916 г. С.76.
- ¹⁸² *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.121.
- ¹⁸³ *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. В 2-х т. Нью-Йорк, 1955. Т.2. С.448,449.
- ¹⁸⁴ Резолюция Совещания уполномоченных правых организаций и правых деятелей в Нижнем Новгороде 26–29 ноября 1915 г. // Правые партии. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1998. Т.2. С.514.
- ¹⁸⁵ Выступление князя В.Н.Шаховского. 15 февраля 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб.1648,1649; Особый журнал Совета министров 20 и 24 мая 1916 г. «По вопросу о разработке Положения о кооперативных товариществах» (по журналу дел, решаемых его собственной властью) // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.206. Л.121; Совещание губернаторов в 1916 г. // КА. 1929. Т.33. С.156; Запись заседания Совета министров 19 февраля 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.319.
- ¹⁸⁶ Выступление А.Н.Неверова. 3 марта 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб.2640; Совещание губернаторов в 1916 г. С.152,163. См. также: Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.122–123; Всеподданнейшие записки Б.В.Штюрмера. 1916 г. С.62–64. О предыстории волостной реформы см.: *Бородин А.П.* Государственный совет и волостная реформа // На пути к революционным потрясениям.
- ¹⁸⁷ Донесения Л.К.Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 г. // ВИ. 2000. № 3. С.10.
- ¹⁸⁸ Выступление А.А.Евтифеева. 3 марта 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб.2660; Совещание губернаторов в 1916 г. С.152,163; *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 10. С.155. См. также: Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.122–123. О попытках реформирования Городового положения в начале XX в. см.: *Нардова В.А.* К вопросу о реформе Городового положения (1905–1916 гг.) // На пути к революционным потрясениям.
- ¹⁸⁹ Выступление генерала П.О.Агапова. 3 марта 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб.2680; Выступление А.А.Евтифеева. 3 марта 1916 г. // Там же. Стб.2688,2708,2709; *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 11. С.127–128.
- ¹⁹⁰ *Куликов С.В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. С.52.
- ¹⁹¹ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.575.
- ¹⁹² Допрос Б.В.Штюрмера. 22 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.223–224.
- ¹⁹³ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.118–119.
- ¹⁹⁴ Допрос Б.В.Штюрмера. 22 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.226,227.
- ¹⁹⁵ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.119.
- ¹⁹⁶ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.575.
- ¹⁹⁷ Александра Федоровна – Николаю II. 3 марта 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.382.
- ¹⁹⁸ Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.50. Ср.: *Аврех А.А.* Царизм накануне свержения. С.130.
- ¹⁹⁹ Николай II – Александре Федоровне. 5 марта 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.387.
- ²⁰⁰ Запись заседания Совета министров 25 марта 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.325.
- ²⁰¹ Показания А.В.Степанова // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.39. Л.2.
- ²⁰² Протокол пленарного заседания ЦК 30–31 марта 1916 г. // Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. М., 1998. Т.3. 1915–1920. С.253.
- ²⁰³ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.119–121; «Успокоения нечего ожидать». С.33–34.
- ²⁰⁴ Александра Федоровна – Николаю II. 3 октября и 15 ноября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.263,299.
- ²⁰⁵ «Успокоения нечего ожидать». С.31,33–34.
- ²⁰⁶ Допрос А.Н.Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.44.
- ²⁰⁷ Александра Федоровна – Николаю II. 9 января 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.347.
- ²⁰⁸ Александра Федоровна – Николаю II. 30 января 1916 г. // Там же. С.360.
- ²⁰⁹ Александра Федоровна – Николаю II. 9, 29 и 30 января, 3 февраля и 12 марта 1916 г. // Там же. С.347,359–360,366,397.
- ²¹⁰ Александра Федоровна – Николаю II. 12, 13, 14 марта 1916 г. // Там же. С.397–399. Ср.: *Аврех А.А.* Царизм накануне свержения. С.150. Об увольнении А.А.Поливанова см. также: *Айрапетов О.Р.* Нарочская операция и отставка А.А.Поливанова // ВМУ. Сер.8. История. 2001. № 6.
- ²¹¹ *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.2. С.53. См. также: *Лемке М.К.* Указ. соч. С.635.
- ²¹² «Успокоения нечего ожидать». С.33.
- ²¹³ П.Н.Игнатьев – А.В.Кривошеину. 17 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.274. Л.37; Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.333.

- ²¹⁴ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.62.
- ²¹⁵ Выступление Н.Н.Покровского. 17 марта 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб.3517. О реформе Государственного контроля см.: *Флоринский М.Ф.* Государственная дума и вопрос о статусе Государственного контроля в 1907–1917 гг. // История парламентаризма в России. Предпринт тезисов докладов и сообщений науч.-практич. конф., посвященной 90-летию открытия I Государственной думы России. 25–26 апреля 1996 г. СПб., 1996. С.2–3.
- ²¹⁶ Выступление А.А.Хвостова. 17 марта 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб.3597; Б.В.Штюрмер – А.А.Хвостову. 25 марта 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.122. Л.13; Запись заседания Совета министров 29 января 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.316. О подготовке отмены административной гарантии см.: *Правилова Е.А.* Законность и права личности: административная юстиция в России (вторая половина XIX в. – октябрь 1917). СПб., 2000.
- ²¹⁷ Выступление А.П.Никольского. 17 марта 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб.3593.
- ²¹⁸ Выступления графа А.А.Бобринского. 31 мая, 3 и 9 июня 1916 г. // Там же. Стб.4731–4732,4816,4944,4945. См. также: Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.123–124.
- ²¹⁹ Выступление графа П.Н.Игнатьева. 18 июня 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб.5702,5705.
- ²²⁰ Протокол пленарного заседания ЦК 30–31 марта 1916 г. // Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т.3. 1915–1920. С.259.
- ²²¹ Правые в 1915 – феврале 1917. С.190. См. также: Совещание губернаторов в 1916 г. С.159–160. Ср.: Николай II – Александре Федоровне. 7 апреля 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.426; *Симанович А.С.* Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. М., 1991. С.31,106.
- ²²² *Куликов С.В.* Правительственный либерализм и образование Прогрессивного блока // На пути к революционным потрясениям. С.97.
- ²²³ П.Н.Игнатьев – А.В.Кривошеину. 17 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.274. Л.35; *Клюжев И.С.* Дневник // Там же. Ф.669. Оп.1. Д.17. Л.65 об.; *Врангель Н.А.* Записная книжка // Там же. Ф.920. Оп.1. Д.54. Л.342.
- ²²⁴ Протокол заседания (пленарного) ЦК 31 марта 1916 г. // Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т.3. 1915–1920. С.266–267.
- ²²⁵ Запись заседания Совета министров 26 апреля 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.331.
- ²²⁶ Н.Н.Родзевич – Б.В.Штюрмеру. 31 марта 1916 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.2. Д.113. Л.16.
- ²²⁷ Докладная записка по поводу выписки из письма Н.Н.Тихановича-Савицкого Н.Н.Родзевичу от 14 апреля 1916 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.2. Оп.113. Л.25–27 об.
- ²²⁸ Александра Федоровна – Николаю II. 6 марта 1916 г.; Александра Федоровна – Николаю II. 23 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.388,492.
- ²²⁹ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.81. Подробнее о миссии Р.Вивиани и А.Тома см.: *Алексеева И.В.* Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917. Л., 1990. С.202–209.
- ²³⁰ Совещание губернаторов в 1916 г. С.148.
- ²³¹ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.127–128.
- ²³² *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.124.
- ²³³ Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.135–136.
- ²³⁴ Всеподданнейший доклад Б.В.Штюрмера. 21 мая 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1790. Л.122.
- ²³⁵ Запись заседания Совета министров 24 мая 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.339.
- ²³⁶ А.Ф.Трепов – Б.В.Штюрмеру. 23 мая 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1790. Л.128.
- ²³⁷ Запись заседания Совета министров 24 мая 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.339.
- ²³⁸ Александра Федоровна – Николаю II. 2 мая 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.445.
- ²³⁹ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.122.
- ²⁴⁰ Записи заседаний Совета министров 26 апреля и 17 июня 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.330,342.
- ²⁴¹ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.124–125.
- ²⁴² Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.342. Премьер имел в виду симфонию (согласие) светской и духовной власти в Византии. См. также: Допрос Б.В.Штюрмера. 14 июня 1917 г. // Там же. Т.5. С.164.
- ²⁴³ О Государственном совете в первой половине 1916 г. см.: *Куликов С.В.* Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 – февраль

1917); *он же*. Практика пополнения назначенной части Государственного совета (1906–1917) // 1917 г. и российский парламентаризм: Сб. материалов науч. конф. СПб., 1998; *он же*. Практика пополнения состава членов Государственного совета по назначению в 1906–1917 гг. // Проблемы социального и гуманитарного знания. СПб., 2000. Вып.2; *Бородин А.П.* Правая группа Государственного совета в 1906–1917 гг. // ОИ. 1998. № 4; *он же*. Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999. С.153–156.

²⁴⁴ Особый журнал Совета министров 7 и 8 июня 1906 г. // Особые журналы Совета министров царской России. 1906 г. М., 1982. С.34–36; *Богданович А.В.* Указ. соч. С.404; *Толстой И.И.* Дневник. С.4.

²⁴⁵ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.462.

²⁴⁶ *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.2. С.224,246.

²⁴⁷ *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.86–87.

²⁴⁸ Д.Н.Любимов – А.В.Кривошеину. 16 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.179. Л.3–6 об.

²⁴⁹ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.572.

²⁵⁰ *Алексеев Е.И.* Дневник // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.26. Л.67.

²⁵¹ Д.Н.Любимов – А.В.Кривошеину. 16 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.179. Л.3–3 об.

²⁵² *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.169. С.73; *Яхонтов А.Н.* Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). Записи, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров // РП. 1996. Кн.7. С.318.

²⁵³ Выступление графа В.Н.Кокцовца. 9 февраля 1916 г. // Государственный совет. Стенографические отчеты. 1916 г. Сессия 12. Пг., 1916. Стб.42–52.

²⁵⁴ Н.Н.Тиханович-Савицкий – П.Н.Балашеву, А.А.Бобринскому, Н.Е.Маркову 2-му, А.Н.Хвостову, Б.В.Штюрмеру и И.Г.Щегловитову. 16 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1814а. Л.45–46.

²⁵⁵ Р.А.Дистерло – А.В.Кривошеину. 18 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.271. Л.4–5 об.

²⁵⁶ *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х т. М., 1999. Т.2. С.362.

²⁵⁷ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.124.

²⁵⁸ *Шванебах П.Х.* Записки сановника. Политика П.А.Столыпина и Вторая Государственная дума // ГМ. 1918. № 1–3. С.127,129; *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.47; Особый журнал Совета министров 7 и 8 июня 1906 г. // Особые журналы Совета министров царской России. 1906 г. С.34–36; *Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1989. С.65.

²⁵⁹ *Кокцов В.Н.* Указ. соч. Т.2. С.334,352.

²⁶⁰ *Куликов С.В.* Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 – февраль 1917). С.4.

²⁶¹ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.33–34.

²⁶² О предьстории этой реформы см.: *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С.199–243. О политическом значении введения подоходного налога см.: *Коцюнис Я.* Подданный и гражданин: налогообложение в Российской империи и Советской России и его подтекст // Россия и Первая мировая война.

²⁶³ *Туган-Барановский Н.И.* Записка по некоторым, связанным с войною, вопросам внутренней политики. 31 января 1915 г. // РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1223. Л.12.

²⁶⁴ *Кокцов В.Н.* Указ. соч. Т.2. С.330.

²⁶⁵ *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 10. С.135.

²⁶⁶ *Кокцов В.Н.* Указ. соч. Т.2. С.330.

²⁶⁷ П.Н.Игнатъев – А.В.Кривошеину. 17 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.274. Л.37 об.–38.

²⁶⁸ Р.А.Дистерло – А.В.Кривошеину. 18 февраля 1916 г. // Там же. Д.271. Л.4–5 об.

²⁶⁹ *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 10. С.150.

²⁷⁰ Р.А.Дистерло – А.В.Кривошеину. 18 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.271. Л.4–5 об.

²⁷¹ *Редигер А.Ф.* Указ. соч. Т.2. С.415.

²⁷² Р.А.Дистерло – А.В.Кривошеину. 18 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.271. Л.4–5 об.

²⁷³ Показания П.Н.Милюкова. 7 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.332.

²⁷⁴ *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С.358. Ср.: *Шванебах П.Х.* Указ. соч. С.132–133; *Романов А.Ф.* Император Николай II и его правительство (по данным Чрезвычайной следственной комиссии) // РЛ. 1922. Кн.2. С.32; Допрос Н.А.Макалова. 1 мая 1917 г. // Падение царского режима... Л., 1925. Т.3. С.134; *Клячко (Львов) Л.М.* Звездная палата // МД. 1928. № 3. С.33; *Тессен И.В.* В двух веках. Жизненный отчет // АРП. 1937. Т.22. С.305; *Витте С.Ю.* Указ. соч. Т.3. С.187; *Богданович А.В.* Указ. соч. С.404; *Гурко В.И.* Указ. соч. С.548; Особый журнал Совета министров 5 мая 1909 г. «По всеподданнейшему представлению императорского Финляндского сената от 4/17 марта 1909 г. по вопросу о юридической силе актов распущенного Сейма» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 г. М., 2000. С.157. Об И.Г.Щегловитове см. также: *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* «Человек политической страсти и борьбы». Генерал-прокурор И.Г.Щегловитов // *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры. 1906–1917. М., 1996.

²⁷⁵ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С.150–151.

²⁷⁶ *Яхонтов А.Н.* Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). С.334.

²⁷⁷ Допрос С.П.Белецкого. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.259.

²⁷⁸ Выписка из письма Н.Н.Тихановича-Савицкого – Н.Н.Родзевичу. 14 апреля 1916 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.2. Д.113. Л.26–27 об.

²⁷⁹ «Не понимают величия русской государственной идеи». Переписка К.Н.Пасхалова 1914–1917 гг. // Источник. 1995. № 6. С.33.

²⁸⁰ Р.А.Дистерло – А.В.Кривошеину. 18 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.271. Л.4–5 об.

²⁸¹ *Балашев И.П.* Важнейшие очередные задачи нашей внешней и внутренней политики. Пг., 1916. См. также: *Васюков В.С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. С.88–92.

²⁸² *Розен Р.Р.* Европейская политика России. Пг., 1917. С.6,9,10,12,13,16,19,21,22,25,27. См. также: *Rosen R.R.* Forty Years of Diplomacy. N. Y., 1922. Vol.1–2.

²⁸³ *Милюков П.Н.* Дневник // КА. 1932. Т.54–55. С.15.

²⁸⁴ *Розен Р.Р.* Указ. соч. С.38.

²⁸⁵ В.Б.Фредерикс – Р.Р.Розену. 4 марта 1916 г. // РГИА. Ф.472. Оп.40 (194/2682). Д.47. Л.36,37,38–38 об.,39–39 об.

²⁸⁶ *Милюков П.Н.* Дневник. С.15.

²⁸⁷ В.Б.Фредерикс – Р.Р.Розену. 2 марта 1916 г.; В.Б.Фредерикс – Р.Р.Розену. 4 марта 1916 г.; Р.Р.Розен – С.Д.Сазонову. 7 марта 1916 г.; Р.Р.Розен – В.Б.Фредериксу. 8 марта 1916 г. // РГИА. Ф.472. Оп.40 (194/2682). Д.47. Л.36,37,38–38 об.,39–39 об.

²⁸⁸ *Милюков П.Н.* Дневник. С.15. О делегации см.: *Алексеева И.В.* Указ. соч. С.168–202.

²⁸⁹ Там же. С.184.

²⁹⁰ Всеподданнейший доклад А.Н.Куломзина. 6 апреля 1916 г. // РГИА. Ф.1148. Оп.12. Д.482. Л.30.

²⁹¹ Допрос графа В.Б.Фредерикса. 2 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.45.

²⁹² *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.121.

²⁹³ *Войков В.Н.* Указ. соч. С.97.

²⁹⁴ Допрос А.А.Хвостова. 12 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.446.

²⁹⁵ Николай II – Александре Федоровне. 30 апреля 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.442.

²⁹⁶ Допрос А.А.Хвостова. 12 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.447.

²⁹⁷ Александра Федоровна – Николаю II. 9 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.474.

²⁹⁸ Всеподданнейший доклад А.Н.Куломзина. 19 мая 1916 г. // РГИА. Ф.1162. Оп.2. 1910 г. Д.24. Л.75.

²⁹⁹ *Куликов С.В.* Практика пополнения состава членов Государственного совета по назначению в 1906–1917 гг. С.110.

³⁰⁰ *Куликов С.В.* Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 – февраль 1917). С.19–22. Кандидатуры сенаторов А.В.Бельгарда, Н.К.Кульчицкого и Н.П.Урусова не прошли (Справки о А.В.Бельгарде и Н.К.Кульчицком // РГИА. Ф.1148. Оп.10. 1909 г. Д.3. Л.13–14,15; Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.148).

³⁰¹ Александра Федоровна – Николаю II. 17 марта 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.405.

³⁰² «Успокоения нечего ожидать». С.34.

³⁰³ Показания А.Н.Наумова. 8 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.415; *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.131; *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.57–58.

³⁰⁴ Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.135–136.

³⁰⁵ Заявление 31 члена Государственного совета об обращении к правительству с вопросом, какие будут приняты меры для устранения тяжелого состояния сельского хозяйства. 2 июня 1916 г. // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции: Документы и материалы. Л., 1967. Ч.3. Сельское хозяйство и крестьянство. С.121–123; *Куликов С.В.* Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 – февраль 1917). С.19–22.

³⁰⁶ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.123–124.

³⁰⁷ *Кокцов В.Н.* Указ. соч. Т.2. С.331–332. Подробнее о Парижской конференции см.: *Бабицев Д.С.* Россия на Парижской союзнической конференции 1916 г. по экономическим вопросам // ИЗ. 1969. Т.83.

³⁰⁸ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.125.

³⁰⁹ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.341.

³¹⁰ Запись заседания Совета министров 17 июня 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.343.

³¹¹ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.342,343.

³¹² О политической роли М.В.Алексеева как начальника штаба см.: *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977. С.189–190; *Дякин В.С.* Царизм и Первая мировая война // Кри-

зис самодержавия в России. С.599; *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С.190-194; *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственность и Первая мировая война // 1917 г. в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С.24. С.37-39. О личности М.В.Алексеева см.: *Алексеева-Борель В.М.* Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В.Алексеев. СПб., 2000. См. также: *Mayzel M.* Generals and Revolutionaries: The Russian General Staff During the Revolution. A Study in the Transformation of Military Elite. Osnabruck, 1979.

³¹³ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.149; *Алексеева-Борель В.М.* Указ. соч. С.380-381.
³¹⁴ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.542; Доклад начальника Петроградского охранного отделения товарищу министра внутренних дел о настроениях в Партии кадетов. 23 октября 1915 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.67-68; *Друцкой-Соколинский В.А.* На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914—1918 гг.). Орел, 1994. С.56; *Бубнов А.Д.* В Царской ставке. СПб., 1995. С.75. Ср.: Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // КА. 1932. Т.52. С.154; Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы // РП. 1996. Кн.6. С.164. См. также таблицу 2 приложения.

³¹⁵ *Егорьев В.Н.* Из больших знакомств // ВИЖ. 1991. № 9. С.82.
³¹⁶ *Мордвинов А.А.* Последние дни императора // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927. С.89.

³¹⁷ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.261-262.
³¹⁸ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.825; Показания А.И.Гучкова. 2 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.259; Доклад начальника Петроградского охранного отделения товарищу министра внутренних дел о настроениях в Партии кадетов. 23 октября 1915 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.67-68; *Вырубов В.В.* Воспоминания о корниловском деле // Минувшее. М.—СПб., 1993. Вып.12. С.10; Записи заседаний Совета министров 13 сентября и 5 октября 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.271,286.

³¹⁹ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.104.
³²⁰ *Мордвинов А.А.* Указ. соч. С.89; *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция. 1914—1917 гг. В 3-х т. Нью-Йорк, 1960. Т.1. С.202.

³²¹ Николай II — Александре Федоровне. 27 августа 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.190.

³²² *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.344.
³²³ *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России // Царственные мученики в воспоминаниях верноподанных. М., 1999. С.423.

³²⁴ Николай II — Александре Федоровне. 4 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.208.

³²⁵ Александра Федоровна — Николаю II. 6, 14 и 15 сентября 1915 г. // Там же. С.213,233,236.
³²⁶ Докладная записка С.П.Саханского В.Н.Воейкову. 10 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.286. Л.4 об.

³²⁷ Николай II — Александре Федоровне. 14 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.235.

³²⁸ В.Н.Воейков — Н.Б.Щербатову. 14 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.286. Л.6; Николай II — Александре Федоровне. 17 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.244.

³²⁹ *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России. С.420.
³³⁰ В.Н.Воейков — Н.С.Ченыйкаеву. 21 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.286. Л.18.

³³¹ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.650.
³³² *Бубнов А.Д.* Указ. соч. С.81.

³³³ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.215.
³³⁴ А.И.Гучков рассказывает... // ВИ. 1991. № 7—8. С.200; *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.62; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.395; *Алексеева-Борель В.М.* Указ. соч. С.379.

³³⁵ А.И.Гучков — М.В.Алексееву. 7 августа 1915 г. // РГВИА. Ф.55. Оп.3. Д.5. Л.68-69 об.
³³⁶ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.560.

³³⁷ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.191,215,341; А.И.Гучков рассказывает... // ВИ. 1991. № 7—8. С.208.
³³⁸ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.209; *Вакар Н.П.* Игорь Платонович Демидов (Жизнь и смерть) // НЖ. 1947. Кн.16. С.277.

³³⁹ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.329.
³⁴⁰ *Брюс Локкарт Р.Г.* История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991. С.131.

³⁴¹ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.447.
³⁴² *Фредерикс В.Б.* Дневник // ГАРФ. Ф.1463. Оп.3. Д.425а. Л.10.

³⁴³ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.447-448.
³⁴⁴ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.567.

³⁴⁵ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.448.
³⁴⁶ Николай II — Александре Федоровне. 14 января 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.355.

³⁴⁷ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.448.
³⁴⁸ *Брюс Локкарт Р.Г.* Указ. соч. С.131.

³⁴⁹ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.448.

³⁵⁰ *Брюс Локкарт Р.Г.* Указ. соч. С.131-132.

³⁵¹ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.448.

³⁵² *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. Париж, 1931. С.96.

³⁵³ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.460.

³⁵⁴ *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 10. С.134.

³⁵⁵ *Брюс Локкарт Р.Г.* Указ. соч. С.131.

³⁵⁶ *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. С.95.

³⁵⁷ *Гессен И.В.* В двух веках. С.343.

³⁵⁸ *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 9. С.133.

³⁵⁹ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.518.

³⁶⁰ Ставка и Министерство иностранных дел // КА. 1928. Т.29. С.42.

³⁶¹ *Наумов А.Н.* Указ. соч. С.523.

³⁶² *Лемке М.К.* Указ. соч. С.470.

³⁶³ *Яковлев Н.Н.* 1 августа 1914. М., 1993. С.179.

³⁶⁴ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.545.

³⁶⁵ *Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959. С.118.

³⁶⁶ *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.—Дюссельдорф, 1993. С.211,290.

³⁶⁷ Революционное движение в войсках во время мировой войны // КА. 1923. Т.4. С.423-424.

³⁶⁸ *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. С.96.

³⁶⁹ Допрос А.Н.Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.32.

³⁷⁰ *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.2. С.10.

³⁷¹ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.577; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.2. С.15;

Перец Г.Г. В цитадели русской революции. СПб., 1997. С.5.

³⁷² *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 10. С.145.

³⁷³ *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.411.

³⁷⁴ *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 10. С.146.

³⁷⁵ *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.411,412.

³⁷⁶ Допрос генерала Н.И.Иванова. 28 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.329.

³⁷⁷ *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990. С.167.

³⁷⁸ *Милоков П.Н.* Дневник. С.19.

³⁷⁹ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.149.

³⁸⁰ Ставка и Министерство иностранных дел // КА. 1928. Т.27. С.42-43,48.

³⁸¹ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.700-702.

³⁸² А.А.Клопов — Николаю II. 7 марта 1916 г. // РГИА. Ф.1099. Оп.1. Д.14. Л.21,23.

³⁸³ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.825; *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. С.95.

³⁸⁴ *Полнер Т.И.* Жизненный путь князя Г.Е.Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. М., 2001. С.328-329; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.2. С.235.

³⁸⁵ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.774,776.

³⁸⁶ *Брусиллов А.А.* Мои воспоминания. М., 1963. С.82.

³⁸⁷ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.774-775; *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.133.

³⁸⁸ *Шидловский С.И.* Воспоминания // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С.121; *Шаховской В.Н.* Sic transit gloria mundi. 1893—1917 гг. // РВ. 1995. Кн.63. С.173; Из следственных дел Н.В.Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. // ВИ. 1998. № 11—12. С.38. Ср.: Генерал А.А.Маниковский о снабжении армии // Утро России. 1917. 6 апреля. Об участии А.А.Маниковского в организации промышленности военного времени см.: *Поликарпов В.В.* О так называемой «программе Маниковского» 1916 г. // ИЗ. 1983. Т.109.

³⁸⁹ Журнал № 16 Особого совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения. Заседание 18 июля 1915 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 г. М., 1975. С.134,135; Журнал № 1 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 26 августа 1915 г. // Там же. С.207, 208; Протокол Частного совещания членов Государственной думы // Февральская революция 1917 г.: Сб. док. и материалов. М., 1996. С.146; Из следственных дел Н.В.Некрасова... С.38; «Успокоения нечего ожидать». С.31.

³⁹⁰ *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. В 2-х т. М.—Л., 1930. Т.2. С.270,336.

³⁹¹ Николай II — Александре Федоровне. 11 и 15 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.475,480.

³⁹² Доклады Штурмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.126.

³⁹³ *Барсуков Е.З.* Справка по поводу записки от 15 июня 1916 г. генерала Алексея царю о верховном министре государственной обороны // *Маниковский А.А.* Указ. соч. Т.2. С.338.

³⁹⁴ План военной диктатуры (1916 г.) // Монархия перед крушением. С.259-266. О записке М.В.Алексеева см. также: *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны (Совет министров в 1914—1917 гг.). Л., 1988. С.128-136.

- ³⁹⁵ Барсуков Е.З. Указ. соч. С.339.
³⁹⁶ Наумов А.Н. Указ. соч. С.526.
³⁹⁷ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.344.
³⁹⁸ Провал попытки Ставки подавить Февральскую революцию 1917 г. в Петрограде // ВА. 1962. № 1. С.104.
³⁹⁹ Там же.
⁴⁰⁰ Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. В 2-х ч. М., 1991. Ч.2. С.35.
⁴⁰¹ Перетц Г.Г. Указ. соч. С.6-7.
⁴⁰² Родзянко М.В. Крушение Империи. С.129.
⁴⁰³ Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.138.
⁴⁰⁴ Телеграмма главнокомандующего Юго-Западным фронтом А.А.Брусилова начальнику штаба верховного главнокомандующего М.В.Алексееву 16 июня 1916 г. // Русско-польские отношения в период мировой войны. М., 1925. С.113-114. Ср.: Брусилов А.А. Указ. соч. С.82.
⁴⁰⁵ Ставка и Министерство иностранных дел // КА. 1928. Т.29. С.2.
⁴⁰⁶ О закулисной борьбе, вызванной выдвижением алексеевского плана, см.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917). С.216-223; он же. Царизм и Первая мировая война. С.599-602; он же. Крушение царизма // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С.622-623; Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России... С.138-144; Васюков В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. С.183-231; Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. Российская государственность и Первая мировая война. С.24-25.
⁴⁰⁷ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.339,340.
⁴⁰⁸ Наумов А.Н. Указ. соч. С.528.
⁴⁰⁹ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.339,340.
⁴¹⁰ Наумов А.Н. Указ. соч. С.528,529.
⁴¹¹ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.340.
⁴¹² Наумов А.Н. Указ. соч. С.529.
⁴¹³ Николай II — Александре Федоровне. 11 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.475.
⁴¹⁴ Показания А.Н.Наумова. 8 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.416.
⁴¹⁵ Наумов А.Н. Указ. соч. С.530.
⁴¹⁶ Николай II. Дневники императора Николая II. С.593.
⁴¹⁷ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.130.
⁴¹⁸ Родзянко М.В. Государственная дума и Февральская 1917 г. революция // АРР. 1922. Т.6. С.30.
⁴¹⁹ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.130.
⁴²⁰ Николай II — Александре Федоровне. 25 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.495.
⁴²¹ Запись заседания Совета министров 21 июня 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.344. О клубе П.Н.Крупенского см.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917). С.188,250.
⁴²² Совещание губернаторов в 1916 г. С.169.
⁴²³ Проект выборов в V Государственную думу // Монархия перед крушением. С.242-244.
⁴²⁴ Александра Федоровна — Николаю II. 23 июня 1916 г.; Николай II — Александре Федоровне. 25 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.491,495.
⁴²⁵ Николай II. Дневники императора Николая II. С.593.
⁴²⁶ Всеподданнейшие записки Б.В.Штюрмера. 1916 г. С.59.
⁴²⁷ Маниковский А.А. Указ. соч. Т.2. С.36-37,41.
⁴²⁸ Всеподданнейшие записки Б.В.Штюрмера. 1916 г. С.59.
⁴²⁹ Штюрмер и выборы в Государственную думу // Биржевые ведомости. 1917. 26 марта.
⁴³⁰ Записка правых о внутренней политике // Утро России. 1916. 25 июня.
⁴³¹ Дитерихс М.К. Указ. соч. Ч.2. С.35.
⁴³² Николай II — Александре Федоровне. 27 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.497.
⁴³³ Николай II. Дневники императора Николая II. С.594.
⁴³⁴ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.345.
⁴³⁵ Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // Там же. С.240.
⁴³⁶ Допрос Б.В.Штюрмера. 22 марта 1917 г. // Там же. С.224.
⁴³⁷ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Там же. С.345.
⁴³⁸ Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // Там же. С.240,241.
⁴³⁹ Допрос Б.В.Штюрмера. 22 марта 1917 г. // Там же. С.224,225.
⁴⁴⁰ Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // Там же. С.243.
⁴⁴¹ Показания А.Н.Наумова. 8 апреля 1917 г. // Там же. С.347.
⁴⁴² Александра Федоровна — Николаю II. 23 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.491.

- ⁴⁴³ Показания А.Н.Наумова. 8 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.346,347.
⁴⁴⁴ Сазонов С.Д. Указ. соч. С.388.
⁴⁴⁵ Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. С.108.
⁴⁴⁶ Допрос Б.В.Штюрмера. 22 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.227.
⁴⁴⁷ Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. С.91-92.
⁴⁴⁸ Допрос А.А.Нератова. 24 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.207.
⁴⁴⁹ Показания С.П.Белецкого // Там же. Т.4. С.384.
⁴⁵⁰ Ораторы России в Государственной думе. Т.2. С.372.
⁴⁵¹ Всеподданнейшие доклады Б.В.Штюрмера // Русско-польские отношения... С.94,96—97,100—101,103,106-107.
⁴⁵² Игнатьев П.Н. Указ. соч. // НЖ. 1944. Кн.9. С.320.
⁴⁵³ Александра Федоровна — Николаю II. 17 марта 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.406.
⁴⁵⁴ Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. С.91-92.
⁴⁵⁵ Гурко В.И. Указ. соч. С.673.
⁴⁵⁶ А.А.Мосолов — В.Б.Фредериксу. 3 апреля 1916 г. // ГАРФ. Ф.1001. Оп.1. Д.255. Л.12 об.-13.
⁴⁵⁷ Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. С.91-92.
⁴⁵⁸ В январе и феврале 1917 г. Из донесений секретных агентов А.Д.Протопопова // Былое. 1918. № 13. С.114.
⁴⁵⁹ Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. С.110-111.
⁴⁶⁰ Мосолов А.А. При Дворе последнего императора. Записки начальника Канцелярии министерства Двора. СПб., 1992. С.75-76.
⁴⁶¹ Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. С.108.
⁴⁶² Причины и следствия // Утро России. 1916. 1 июля.
⁴⁶³ Запись заседания Совета министров 1 июля 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.347-348.
⁴⁶⁴ Николай II — Б.В.Штюрмеру. 2 июля 1916 г. // РГИА. Ф.472. Оп.67. Д.629. Л.5; Николай II — Александре Федоровне. 2 июля 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.502.
⁴⁶⁵ Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.244.
⁴⁶⁶ Памятная записка А.А.Хвостова // РГИА. Ф.1284. Оп.47. Д.338. Л.1,6; Всеподданнейшие записки Б.В.Штюрмера. 1916 г. С.62,64. Записку об областном управлении см.: ГАРФ. Ф.627. Оп.1. Д.109. Ср.: Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // ВИ. 1997. № 3. С.121-123; Мосолов А.А. Указ. соч. С.12-13.
⁴⁶⁷ Допрос А.А.Нератова. 24 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.207-208.
⁴⁶⁸ Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А.Столыпине. Нью-Йорк, 1953. С.137; Богданович А.В. Указ. соч. С.403; Революция 1905—1907 гг. глазами кадетов (Из дневника Е.Я.Кизеветтер) // РА. М., 1994. Т.5. С.399. Ср.: Завадский С.В. На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916—1917 гг.) // АРР. 1923. Т.11. С.52-53. Об А.А.Макарове см.: Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. «Человек твердых убеждений». Генерал-прокурор А.А.Макаров // Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Указ. соч.
⁴⁶⁹ С.Д.Сазонов — Д.И.Толстому. 7 июля 1916 г. // РГИА. Ф.696. Оп.1. Д.508. Л.50 об.; Из переписки Николая II с министрами // Монархия перед крушением. С.105; Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. С.111.
⁴⁷⁰ Там же. С.117.
⁴⁷¹ Александра Федоровна — Николаю II. 7 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.214.
⁴⁷² Александра Федоровна — Николаю II. 17 марта 1916 г. // Там же. С.406.
⁴⁷³ Николай II. Дневники императора Николая II. С.595.
⁴⁷⁴ Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.51,53-54; Александр-Невская лавра накануне свержения самодержавия // КА. 1936. Т.77. С.208.
⁴⁷⁵ Александра Федоровна — Николаю II. 11 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.618.
⁴⁷⁶ Александр-Невская лавра... С.208; Последний временщик последнего царя (Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о Распутине и разложении самодержавия) // ВИ. 1965. № 1. С.107; Александра Федоровна — Николаю II. 16 и 25 июля 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.509,518.
⁴⁷⁷ Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.178. С.100; Александра Федоровна — Николаю II. 23 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.491.
⁴⁷⁸ Аверех А.Я. Царизм накануне свержения. С.156.
⁴⁷⁹ «Успокоения нечего ожидать». С.39.
⁴⁸⁰ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.141; Любимов Л.Д. На чужбине. Ташкент, 1965. С.54.
⁴⁸¹ Александра Федоровна — Николаю II. 25 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.495.
⁴⁸² Александра Федоровна — Николаю II. 14 августа 1916 г. // Там же. С.532.
⁴⁸³ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.225,322-323.

- ⁴⁸⁴ Александра Федоровна – Николаю II. 6 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.541.
- ⁴⁸⁵ Куликов С.В. IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917) // Россия в XIX–XX вв. СПб., 1998. С.260.
- ⁴⁸⁶ А.А.Нератов – Б.В.Штурмеру. 9 июля 1916 г. // Русско-польские отношения... С.108.
- ⁴⁸⁷ Особый журнал Совета министров 13, 16 и 18 июля 1916 г., с приложением проекта манифеста большинства членов Совета министров // Русско-польские отношения... С.114–125.
- ⁴⁸⁸ Николай II – Александре Федоровне. 18 июля 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.511.
- ⁴⁸⁹ Показания, данные князем С.Е.Любомирским Чрезвычайной следственной комиссии // Русско-польские отношения... С.128.
- ⁴⁹⁰ Николай II – Александре Федоровне. 18 июля 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.511.
- ⁴⁹¹ Всподданнейший доклад Б.В.Штурмера. 19 июля 1916 г. // Русско-польские отношения... С.125.
- ⁴⁹² Александра Федоровна – Николаю II. 19 июля 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.511.
- ⁴⁹³ Показания, данные князем С.Е.Любомирским... С.128; Александра Федоровна – Николаю II, 22 июля 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.515.
- ⁴⁹⁴ Шифрованная телеграмма Штурмера на имя Николая Романова. 22 июля 1916 г. // Русско-польские отношения... С.126.
- ⁴⁹⁵ Доклады Штурмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.141–142, 147, 153–154.
- ⁴⁹⁶ П.Н.Игнатьев – А.В.Кривошеину. 25 августа 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.274. Д.44–45 об.
- ⁴⁹⁷ Игнатьев П.Н. Указ. соч. // НЖ. 1944. Кн.9. С.276–277.
- ⁴⁹⁸ Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. С.123–124.
- ⁴⁹⁹ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.132.
- ⁵⁰⁰ Допрос генерала Д.С.Шуваева. 11 октября 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.283–284; Доклады Штурмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.145; «Борьба наша проиграна». Документы правых. 1914 – февраль 1917 г. // ИА. 1994. № 5. С.68; Донесения Л.К.Куманина... // ВИ. 2000. № 4–5. С.14.
- ⁵⁰¹ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.132.
- ⁵⁰² Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.178. С.96–97.
- ⁵⁰³ Поливанов А.А. Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 9. С.132.
- ⁵⁰⁴ Там же // ВИ. 1994. № 10. С.135.
- ⁵⁰⁵ Показания С.П.Белешского // Падение царского режима. Т.4. С.385.
- ⁵⁰⁶ Поливанов А.А. Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 9. С.134.
- ⁵⁰⁷ Там же // ВИ. 1994. № 11. С.132.
- ⁵⁰⁸ Журналы № 43, 45, 47, 48, 52 и 54 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседания 27 января, 3, 13 и 17 февраля, 2 и 9 марта 1916 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 г. М., 1977. С.64,78,94,100,135,151; Поливанов А.А. Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 11. С.138.
- ⁵⁰⁹ Н.И.Тиханович-Савицкий – Б.В.Штурмеру. 5 апреля 1916 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.2. Д.113. Л.15; Правые в 1915 – феврале 1917. С.187.
- ⁵¹⁰ Лемке М.К. Указ. соч. С.630.
- ⁵¹¹ Там же. С.631; Поливанов А.А. Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 11. С.124.
- ⁵¹² О февральском съезде военно-промышленных комитетов и мартовских съездах Земского и Городского союзов см.: Дьякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). С.173–178, 191–192.
- ⁵¹³ Показания П.Н.Милюкова. 7 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.335.
- ⁵¹⁴ Записка Московского охранного отделения о Всероссийских земском и городском союзах и военно-промышленных комитетах // Буржуазия накануне Февральской революции. С.150.
- ⁵¹⁵ Совещание губернаторов в 1916 г. С.151.
- ⁵¹⁶ Журналы № 54, 61 и 100 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседания 9 марта, 2 апреля и 31 августа 1916 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 г. С.148, 201, 494.
- ⁵¹⁷ Совещание губернаторов в 1916 г. С.158.
- ⁵¹⁸ Протопопов А.Д. Предсмертная записка // ГМЧС. 1926. № 2. С.182; Совещание губернаторов в 1916 г. С.158; Журнал № 43 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 27 января 1916 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 г. С.60; Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // ВИ. 2002. № 8. С.60. Ср.: Дьякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). С.174.
- ⁵¹⁹ Николай II. Дневники императора Николая II. С.577.
- ⁵²⁰ Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. Л., 1927. С.36–37.

- ⁵²¹ Совещание губернаторов в 1916 г. С.158.
- ⁵²² Журналы № 52, 56, 58, 60, 62, 64, 65, 67, 68, 72, 74, 75, 76, 77, 78, 80, 81 и 83 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседания 2, 16, 23 и 30 марта, 6, 20, 23 и 30 апреля, 4, 18, 25 и 28 мая, 1, 4, 8, 15, 18 и 25 июня 1916 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 г. С.135, 164, 181, 196, 210, 227, 236, 237, 253, 262, 263, 295, 308, 315, 323, 332, 339, 347, 353, 354, 361, 375.
- ⁵²³ Совещание губернаторов в 1916 г. С.167.
- ⁵²⁴ Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. // ВИ. 1996. № 7. С.118.
- ⁵²⁵ Записка Московского охранного отделения о Всероссийских земском и городском союзах и военно-промышленных комитетах // Буржуазия накануне Февральской революции. С.150.
- ⁵²⁶ Сазонов С.Д. Указ. соч. С.357; «Успокоения нечего ожидать». С.32–33.
- ⁵²⁷ Поливанов А.А. Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 11. С.129. См. также: Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С.288–290.
- ⁵²⁸ Поливанов А.А. Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 11. С.135.
- ⁵²⁹ Лемке М.К. Указ. соч. С.635.
- ⁵³⁰ Особый журнал Совета министров 7 апреля 1916 г. «По вопросу о приеме английских и французских представителей печати, выразивших желание посетить Россию» // РГИА. Ф.1276. Оп.20. Д.107. Л.75–76.
- ⁵³¹ Докладная записка по поводу выписки из письма Н.Н.Тихановича-Савицкого Н.Н.Родзевичу от 14 апреля 1916 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.2. Оп.113. Л.25–27 об.
- ⁵³² Записки заседаний Совета министров 15 и 29 апреля и 13 мая 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.328, 332, 337.
- ⁵³³ А.В.Степанов – А.И.Пильцу. 24 и 31 мая 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.105.
- ⁵³⁴ Д.С.Шуваев – И.Н.Лодыженскому. 29 марта 1916 г.; С.Д.Сазонов – И.Н.Лодыженскому. 31 марта 1916 г.; И.К.Григоревич – И.Н.Лодыженскому. 1 апреля 1916 г.; А.Н.Наумов – И.Н.Лодыженскому. 16 мая 1916 г.; П.Н.Игнатьев – И.Н.Лодыженскому. 6 апреля 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1249. Л.2, 16–16 об., 18, 20, 26, 27.
- ⁵³⁵ Совещание губернаторов в 1916 г. С.151.
- ⁵³⁶ Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.353; Допрос генерала Е.К.Климовича. 19 марта 1917 г. // Там же. Т.1. С.61.
- ⁵³⁷ Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Там же. Т.5. С.353.
- ⁵³⁸ Допрос генерала Е.К.Климовича. 19 марта 1917 г. // Там же. Т.1. С.61, 62.
- ⁵³⁹ Совещание губернаторов в 1916 г. С.147, 149; Доклады Штурмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.122.
- ⁵⁴⁰ Справка о расходах Земского и Городского союзов // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1268. Л.6 об.
- ⁵⁴¹ Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.353.
- ⁵⁴² А.И.Маликов – И.Н.Лодыженскому. 3 июня 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1268. Л.2 об.
- ⁵⁴³ Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.353.
- ⁵⁴⁴ Совещание губернаторов в 1916 г. С.147.
- ⁵⁴⁵ Доклады Штурмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.244.
- ⁵⁴⁶ «Борьба наша проиграна». С.70.
- ⁵⁴⁷ Записка правых о внутренней политике // Утро России. 1916. 25 июня.
- ⁵⁴⁸ Совещание губернаторов в 1916 г. С.158.
- ⁵⁴⁹ Записка о военно-промышленных комитетах // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.738. Л.9.
- ⁵⁵⁰ Показания А.Н.Наумова. 8 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.403.
- ⁵⁵¹ Проект Особого журнала 18 июня 1916 г. «О некоторых мерах в отношении военно-промышленных комитетов» // РГИА. Ф.1276. Оп.11. Д.348. Л.130–132.
- ⁵⁵² Протокол заседания Совета министров 18 июня 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.424, 425.
- ⁵⁵³ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.338.
- ⁵⁵⁴ Журнал № 81 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 18 июня 1916 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 г. С.356, 357.
- ⁵⁵⁵ Протокол заседания Совета министров 24 июня 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.345.
- ⁵⁵⁶ Всподданнейший доклад Б.В.Штурмера. 21 июня 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.11. Д.348. Л.191; Особый журнал Совета министров 18 и 24 июня 1916 г. «О некоторых мерах в отношении военно-промышленных комитетов» // Там же. Л.182.
- ⁵⁵⁷ Общее положение к июлю 1916 г. Записка Департамента полиции // Былое. 1918. № 3. С.26.
- ⁵⁵⁸ Доклады Штурмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.145.
- ⁵⁵⁹ Журналы № 84, 85, 93, 98, 99, 101, 102, 104, 106, 109, 112, 115, 116, 117 и 119 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседания 29 июня, 2

июля, 3, 24 и 27 августа, 3, 7, 14 и 21 сентября, 1, 12, 22, 26 и 29 октября и 5 ноября 1916 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 г. С.383,389,445,482,490,501,508,524,539,566,588,615,624,638,669.

- ⁵⁶⁰ Доклады Штюрмера Николаю II // *Монархия перед крушением*. С.136.
- ⁵⁶¹ Всеподданнейший доклад Б.В.Штюрмера. Не ранее 1 ноября 1916 г. Черновик // РГИА. Ф.1276. Оп.8. Д.12. Л.84-84 об.
- ⁵⁶² Шифрованная телеграмма начальника Московского охранного отделения директору Департамента полиции. 26 июля 1916 г. // *Буржуазия накануне Февральской революции*. С.111.
- ⁵⁶³ Письма Гучкова к генералу Алексееву // ПР. 1926. Кн. 5-6. С.222.
- ⁵⁶⁴ *Корнев С.А.* Чрезвычайная комиссия по делам о бывших министрах // АРР. 1922. Т.7. С.18.
- ⁵⁶⁵ *Оболенский А.В.* Мои воспоминания // *Возрождение*. 1955. Тетр.48. С.102,103.
- ⁵⁶⁶ Александра Федоровна — Николаю II. 18 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.558.
- ⁵⁶⁷ *Шаховской В.Н.* Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.63. С.150.
- ⁵⁶⁸ Доклады Штюрмера Николаю II // *Монархия перед крушением*. С.159-160.
- ⁵⁶⁹ Сообщение газеты «Русское слово» от 30 июня 1916 г. // *Буржуазия накануне Февральской революции*. С.111.
- ⁵⁷⁰ Д.С.Шуваев — Б.В.Штюрмеру. 9 и 12 июля 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1276. Л.1,11.
- ⁵⁷¹ Запись заседания Совета министров 12 августа 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.352.
- ⁵⁷² Допрос А.А.Хвостова. 12 июля 1917 г. // *Падение царского режима*. Т.5. С.462-463.
- ⁵⁷³ Д.С.Шуваев — Б.В.Штюрмеру. 9 и 13 октября 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1276. Л.14,16,22.
- ⁵⁷⁴ Сообщение газеты «Утро России» от 23 августа 1916 г. // *Правые партии*. Т.2. С.566.
- ⁵⁷⁵ Рептильный фонд 1914-1916 гг. // КА. 1925. Т.10. С.340-342.
- ⁵⁷⁶ Допрос генерала Е.К.Климовича. 19 марта 1917 г. // *Падение царского режима*. Т.1. С.74,75.
- ⁵⁷⁷ Показания А.Д.Протопопова // Там же. Т.4. С.114.
- ⁵⁷⁸ *Полнер Т.И.* Указ. соч. С.266-267,270.
- ⁵⁷⁹ Совещание губернаторов в 1916 г. С.160.
- ⁵⁸⁰ Всеподданнейший доклад Б.В.Штюрмера. Не ранее 1 ноября 1916 г. Черновик // РГИА. Ф.1276. Оп.8. Д.12. Л.84-84 об.
- ⁵⁸¹ Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // *Падение царского режима*. Т.5. С.352.
- ⁵⁸² Допрос А.А.Хвостова. 12 июля 1917 г. // Там же. С.461.
- ⁵⁸³ Показания М.В.Челнокова. 28 июня 1917 г. // Там же. С.309.
- ⁵⁸⁴ Допрос А.А.Хвостова. 12 июля 1917 г. // Там же. С.461.
- ⁵⁸⁵ Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Там же. С.352; Допрос А.А.Хвостова. 12 июля 1917 г. // Там же. С.461.
- ⁵⁸⁶ Показания М.В.Челнокова. 28 июня 1917 г. // Там же. С.309,310.
- ⁵⁸⁷ *Савич Н.В.* Указ. соч. С.211,290.
- ⁵⁸⁸ Всеподданнейший доклад Б.В.Штюрмера. Не ранее 1 ноября 1916 г. Черновик // РГИА. Ф.1276. Оп.8. Д.12. Л.84-84 об.
- ⁵⁸⁹ Александра Федоровна — Николаю II. 15 марта 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.405.
- ⁵⁹⁰ Доклады Штюрмера Николаю II // *Монархия перед крушением*. С.152.
- ⁵⁹¹ Александра Федоровна — Николаю II. 7 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.545.
- ⁵⁹² Доклады Штюрмера Николаю II // *Монархия перед крушением*. С.152,153.
- ⁵⁹³ Справка о восполнениях, назначенных из Государственного казначейства общественным организациям по призыву раненых и больных воинов. 24 сентября 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1249. Л.55-57; Показания А.Д.Протопопова // *Падение царского режима*. Т.4. С.113.
- ⁵⁹⁴ *Савич Н.В.* Указ. соч. С.211,290.
- ⁵⁹⁵ Запись беседы с Н.С.Чхеидзе // *Николаевский Б.И.* Русские масоны и революция. М., 1990. С.88.
- ⁵⁹⁶ *Савич Н.В.* Указ. соч. С.211,290.
- ⁵⁹⁷ *Лопухин В.В.* Записки бывшего директора Департамента Министерства иностранных дел // ОР РНБ. Ф.1000. Оп.2. Д.765. Л.397.
- ⁵⁹⁸ *Савич Н.В.* Указ. соч. С.211,290. См. также: *Войков В.Н.* Указ. соч. С.111.
- ⁵⁹⁹ Показания А.Д.Протопопова // *Падение царского режима*. Т.4. С.114-115.
- ⁶⁰⁰ Александра Федоровна — Николаю II. 26 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.575.
- ⁶⁰¹ Всеподданнейший доклад Б.В.Штюрмера. 5 октября 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1796. Л.17.
- ⁶⁰² Доклады Штюрмера Николаю II // *Монархия перед крушением*. С.158.
- ⁶⁰³ *Стремоухов П.П.* Указ. соч. С.129.
- ⁶⁰⁴ О внешней политике России во время премьерства Б.В.Штюрмера и пребывания его на посту министра иностранных дел см.: *Васюков В.С.* Внешняя политика России накануне Февральской

революции; *он же*. Мировая война: политика России в 1916-м — феврале 1917 г. // *История внешней политики России*. Конец XIX — начало XX (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. См. также: *Мельгунов С.П.* Легенда о сепаратном мире. Париж, 1957.

- ⁶⁰⁵ *Евлогий (Георгиевский В.С.)*. Путь моей жизни. М., 1994. С.256.
- ⁶⁰⁶ *Марченко М.К.* Дневник // РГВИА. Ф.80. Оп.1. Д.1. Л.9.
- ⁶⁰⁷ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.808.
- ⁶⁰⁸ Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // *Падение царского режима*. Т.5. С.340.
- ⁶⁰⁹ Допрос А.А.Нератова. 24 июля 1917 г. // Там же. Т.6. С.208-209.
- ⁶¹⁰ Запись заседания Совета министров 14 июня // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.340.
- ⁶¹¹ Допрос А.А.Нератова. 24 июля 1917 г. // *Падение царского режима*. Т.6. С.208-209.
- ⁶¹² *Маклаков В.А.* Указ. соч. С.264.
- ⁶¹³ *Игнатъев П.А.* Моя миссия в Париже. М., 1999. С.110-111.
- ⁶¹⁴ *Руднев В.М.* Указ. соч. С.287.
- ⁶¹⁵ Председатель Совета министров Б.В.Штюрмер о современном положении // *Новое время*. 1916. 20 января.
- ⁶¹⁶ Совещание губернаторов в 1916 г. С.168.
- ⁶¹⁷ Подробнее об этом см.: *Ганелин Р.Ш.* Стронники сепаратного мира с Германией в Царской России // *Проблемы истории международных отношений*. Л., 1972. С.140-143. О проблеме сепаратного мира и ее историографии см.: *Васюков В.С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. С.232-295.
- ⁶¹⁸ *Михайловский Г.Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914-1920. В 2-х кн. М., 1993. Кн.1. С.188.
- ⁶¹⁹ Там же. С.157-158.
- ⁶²⁰ *Ганелин Р.Ш.* Стронники сепаратного мира с Германией в Царской России. С.143.
- ⁶²¹ Докладная записка по вопросу об учреждении Канцелярии по политическим вопросам при Его высокопревосходительстве г. председателе Совета министров. Не позднее 16 августа 1916 г. // РГИА. Ф.1629. Оп.1. Д.35. Л.1-2.
- ⁶²² *Евлогий*. Указ. соч. С.257.
- ⁶²³ *Бьюкенен Д.У.* Мемуары дипломата. М., 1991. С.176.
- ⁶²⁴ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.139.
- ⁶²⁵ Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // *Падение царского режима*. Т.2. С.53.
- ⁶²⁶ Миллица Николаевна — А.В.Кривошеину. 6 февраля 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.289. Л.7 об.
- ⁶²⁷ Запись заседания Совета министров 21 июня 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.344.
- ⁶²⁸ *Татищев Б.А.* Указ. соч. С.116.
- ⁶²⁹ *Путилов А.С.* Период князя Голицына // РГАЛИ. Ф.1208. Оп.1. Д.46. Л.22 об.
- ⁶³⁰ *Михайловский Г.Н.* Указ. соч. Кн.1. С.54.
- ⁶³¹ Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // *Падение царского режима*. Т.1. С.282.
- ⁶³² *Михайловский Г.Н.* Указ. соч. Кн.1. С.56.
- ⁶³³ Доклады Штюрмера Николаю II // *Монархия перед крушением*. С.142.
- ⁶³⁴ Допрос А.А.Нератова. 24 июля 1917 г. // *Падение царского режима*. Т.6. С.212.
- ⁶³⁵ Доклады Штюрмера Николаю II // *Монархия перед крушением*. С.149-150.
- ⁶³⁶ *Бьюкенен Д.У.* Указ. соч. С.179.
- ⁶³⁷ Допрос Б.В.Штюрмера. 14 июня 1917 г. // *Падение царского режима*. Т.5. С.188.
- ⁶³⁸ Допрос А.А.Нератова. 24 июля 1917 г. // Там же. Т.6. С.213.
- ⁶³⁹ *Михайловский Г.Н.* Указ. соч. Кн.1. С.202.
- ⁶⁴⁰ Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // *Падение царского режима*. Т.1. С.283.
- ⁶⁴¹ *Татищев Б.А.* Указ. соч. С.119-120.
- ⁶⁴² «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». Письма великого князя Николая Михайловича вдовствующей императрице Марии Федоровне // *Источник*. 1998. № 4. С.14.
- ⁶⁴³ Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // *Падение царского режима*. Т.1. С.285.
- ⁶⁴⁴ *Мосолов А.А.* Указ. соч. С.166.
- ⁶⁴⁵ *Татищев Б.А.* Указ. соч. С.120.
- ⁶⁴⁶ *Мосолов А.А.* Указ. соч. С.243-244.
- ⁶⁴⁷ *Татищев Б.А.* Указ. соч. С.120-121.
- ⁶⁴⁸ *Михайловский Г.Н.* Указ. соч. Кн.1. С.47.
- ⁶⁴⁹ *Татищев Б.А.* Указ. соч. С.120-121.
- ⁶⁵⁰ *Михайловский Г.Н.* Указ. соч. Кн.1. С.298.
- ⁶⁵¹ Доклады Штюрмера Николаю II // *Монархия перед крушением*. С.142.
- ⁶⁵² Показания С.П.Белецкого // *Падение царского режима*. Т.4. С.527.
- ⁶⁵³ Допрос Б.В.Штюрмера. 22 марта 1917 г. // Там же. Т.1. С.227.
- ⁶⁵⁴ Допрос Б.В.Штюрмера. 14 июня 1917 г. // Там же. Т.5. С.182.
- ⁶⁵⁵ Н.А.Базили — Н.Н.Покровскому. 26 февраля 1917 г. // *Константинополь и проливы*. По секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. В 2-х т. М., 1926. Т.2. С.391.

- ⁶⁵⁶ Доклады Штюрмера Николаю II // *Монархия перед крушением*. С.147-148.
- ⁶⁵⁷ Допрос Б.В.Штюрмера. 14 июня 1917 г. // *Падение царского режима*. Т.5. С.182.
- ⁶⁵⁸ Русско-английские трения 1916 г. // *Монархия перед крушением*. С.13.
- ⁶⁵⁹ Допрос Б.В.Штюрмера. 14 июня 1917 г. // *Падение царского режима*. Т.5. С.182.
- ⁶⁶⁰ *Бьюкенен Д.У.* Указ. соч. С.183.
- ⁶⁶¹ Б.В.Штюрмер – дипломатическим представителям России. 3 ноября 1916 г. // *Константинополь и проливы*. Т.2. С.383.
- ⁶⁶² *Бьюкенен Д.У.* Указ. соч. С.183.
- ⁶⁶³ Показания С.П.Белецкого // *Падение царского режима*. Т.4. С.527.
- ⁶⁶⁴ *Стремоухов П.П.* Указ. соч. С.138.
- ⁶⁶⁵ *Михайловский Г.Н.* Указ. соч. Кн.1. С.188.
- ⁶⁶⁶ Б.В.Штюрмер – А.К.Бенкендорфу, М.Н.Гирсу и А.И.Извольскому. 26 июля 1916 г. // *Царская Россия в мировой войне*. Л., 1923. Т.1. С.222,223.
- ⁶⁶⁷ Показания С.П.Белецкого // *Падение царского режима*. Т.4. С.527.
- ⁶⁶⁸ *Жильяр П.* Указ. соч. С.129.
- ⁶⁶⁹ Доклады Штюрмера Николаю II // *Монархия перед крушением*. С.99,142,149. Подробнее об отношениях Антанты и Греции в 1916 г. см.: *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. 1914–1918 гг. М., 1990.
- ⁶⁷⁰ В январе и феврале 1917 г. С.114.
- ⁶⁷¹ Малоизвестный источник по истории кризиса верхов накануне Февральской революции (из дневника С.Д.Протопопова) // *СА*. 1985. № 1. С.56.
- ⁶⁷² Из истории борьбы в верхах... С.167.
- ⁶⁷³ Русско-английские трения 1916 г. // *Монархия перед крушением*. С.17.
- ⁶⁷⁴ В январе и феврале 1917 г. С.114.
- ⁶⁷⁵ Допрос А.А.Нератова. 24 июля 1917 г. // *Падение царского режима*. Т.6. С.208-209,210,218.